

ЮЛИЯ КОРШУНОВА

О БНИМИ МЕНЯ

Любовь подкралась незаметно — это про нас с Эстер. Мы случайно встретились на заброшенном складе. Я хотел проучить врага, а она спасти брата. А когда я попытался помочь, она ударила меня и сбежала.

— И на этом мы квиты?

— Почти. — Умница, сама дала мне лазейку.

— Что значит почти? — Она смотрит на меня.

— Есть еще кое-что, что я хочу получить от тебя, когда вы с братом снова будете вместе.

— И что же это?

— Поцелуй.

Обними меня

Юлия Коршунова

Обними меня. Обними так, чтобы я почувствовала, как дыхание спирает. Сожми и не отпускай. Я сегодня устала и очень нуждаюсь в объятиях и любви. Твоей любви. Утопи меня в ней.

Йен, улавливая мое настроение, подходит и крепко сжимает, накрывает собой, словно защитным коконом и все, я — в домике. Мне хорошо и уютно, мне не страшно, мне безопасно.

Он часто-часто целует мое лицо, двигается в сторону кровати, а потом мы вместе падаем на нее. Йен умещается между моих ног и замирает сверху, рассматривая, как будто в первый раз. Я хочу сегодня максимальной тактильности. Провожу языком по его нижней губе, потом по верхней, иницируя поцелуй и Йен подхватывает это темп.

Мне хорошо, чувствую, словно по венам потекло тепло. Как будто я долго мерзла и, наконец, согреваюсь. Веду руками по плечам Йен и обхватываю за шею, ноги закидываю на его торс и обнимаю в ответ.

— Ты как осьминожка, — смеясь, отрывается от меня он.

— Твоя любимая осьминожка, — отвечаю.

— Точно. Иди ко мне, — Йен ведет носом по шее, вдыхая запах и вызывая волну мурашек. А потом спускается к груди, стягивает майку вниз и губами прикусывает сосок. Внизу живота все тут же напрягается, мышцы сокращаются в предвкушении. Я шиплю и выгибаюсь навстречу ласке.

Вторая грудь тоже оказывается во власти Йена. Тепло уже не просто струится по венам, оно идет мощным потоком. Усталость и напряжение отпускает, тело откликается на любовь и ласки, наполняясь. Развожу ноги шире и полностью отдаюсь во власть Йена.

Йен

Мы с парнями уже полчаса сидим в машине и поджидаем Кристиана Нильсона, нашего потенциального бизнес-партнера. Правда, место для встречи не совсем традиционное — заброшенные склады за городом. Изначально Кристиан хотел совершить сделку — продать оборудование для нашей сети стоматологических клиник. Семейный бизнес, который начал еще мой дед, продолжил отец, а скоро предстоит вести и мне с братьями.

Большую часть времени я занимаюсь административной работой и управлением компании — отец постепенно передает мне дела, но изредка я лично езжу на подобные деловые «встречи». Мы хоть и живем в двадцать первом веке, но не всегда все вопросы решаются цивилизованно, сидя за столом переговоров. Не скажу, что такой подход мне по душе, но некоторые только так и понимают.

Перед заключением любой сделки наши юристы и сотрудники службы безопасности проверяют партнеров «на вшивость», как выражается мой дед, это правило он, кстати, и ввел. Нильсон эту проверку не прошел: я получил информацию, что он задумал продать нам поддельное оборудование, после чего прислать проверяющие органы. Все это могло бы принести нашей семье большие убытки, потерю репутации, клиентов, и, как возможное следствие, закрытие бизнеса. Важно было лично объяснить господину Нильсону, что так дела не ведутся, и что наша семья не потерпит подобного поведения.

О планах Нильсона посетить сегодня заброшенный склад, рассказала его смазливая секретарша. Поскольку застать его в офисе или назначить встречу вдруг стало невозможно. Ума не приложу зачем он ей сообщил о планах, учитывая выбранное место, но это сыграло мне на руку.

— Долго еще мы его ждать будем? Могли бы лишний раз в зал сходить, — занял Уильям, мой младший брат. Он только начал изучать дела компании, и отец настаивал на его максимально быстром погружении в процесс. Уил молод, энергичен и заставить его усидеть на одном месте дольше десяти минут невозможно. — Зачем мы вообще сами с ним возимся? Почему нельзя было отправить кого-то из охраны и притащить его в офис?

— Ты что? Мы разве дикари какие-то? Кто же похищает людей среди белого дня? — А это подал голос Эмиль, мой средний брат. В отличие от младшего, он никогда не торопится и находится, как это модно говорить “в моменте”. — Мы сейчас вежливо начистим Нильсону рожу, чтобы подумал в следующий раз, перед тем, как пытаться нас подставить и разойдемся по своим делам.

Уил молчит, продолжая смотреть в окно и нервно постукивать ногой. Братья часто подтрунивают друг над другом, но, как всегда повторяла наша мать, так они выражают свою братскую любовь. Она права, сколько бы мы ни ругались, в сложных ситуациях всегда были горой друг за друга и всегда помнили, что мы — семья.

На пассажирском сиденье около меня сидел Тобиас Мадсен, мой лучший друг, которого я также считаю своим братом, если не по крови, то по духу точно. Мы познакомились в университете, вместе ходили заниматься греблей и были в одной команде, вместе работали над научным проектом и в какой-то момент начали понимать друг друга с полуслова. Этим и была ценна наша дружба — мы словно сделаны из одного теста. Он работает в компании моего отца, руководит отделом рекламы, и благодаря его маркетинговой стратегии о нашей

клинике не знает только глухой и слепой, хотя и те, я думаю, подозревают.

Тоб глянул на часы и перевел взгляд на меня.

— Пора, — кивнув, произношу я и первым выхожу из машины.

Заброшенный склад представляет собой три двухэтажных здания. Окна разбиты или вовсе отсутствуют, как и двери. Стены давно покрылись плесенью, кое-где виднеются непонятные граффити. Место унылое, сомневаюсь, что даже бездомный захотел бы тут остаться переночевать. Территория склада обнесена полуразвалившимся бетонным забором, в котором местами отсутствовали целые плиты. Кое-где природа уже начала заявлять свои права: сквозь асфальт пробивается трава и кусты. Уил и Эмиль остались ждать, на случай если надо будет срочно подогнать машину, а мы с Тобом идем вперед и останавливаемся за первым зданием, откуда хорошо просматривается основная дорога. Сюда и должен явиться наш несостоявшийся бизнес-партнер. Даже представить не могу, с кем у него может быть здесь встреча.

Так и случается. Спустя несколько минут послышался хруст гравия и из-за угла здания показался черный тонированный гелендваген Нильсона. Он паркует машину напротив входа, выходит и облакачивается на капот, смотря на часы.

На нем синий деловой костюм, белая рубашка и блестящие, лаковые ботинки. Бизнесмен хренов. И только мы собираемся обозначить свое присутствие, как замечаем идущего ему навстречу щуплого пацана в черном спортивном костюме, с капюшоном на голове и небольшим рюкзаком за спиной.

— Нильсон что, с детьми ведет дела? — спрашивает тихо Тоб.

— Хороший вопрос, — отвечаю, продолжая наблюдать за парочкой. Какие могут быть дела с детьми, кроме nepoтpeбcтвa? Слышу тяжелый выдох Тобиаса за спиной. Блять. Надеюсь, я ошибаюсь.

Паренек стоит с ровной спиной, смотрит прямо в лицо Кристиану, но говорит тихо — слова разобрать трудно, а вот Нильсона прекрасно слышно.

— Файлы? — спрашивает Крис.

Парень качает головой.

— Ты меня расстраиваешь, — вздыхает Нильсон, складывая руки на груди и пристально смотря на собеседника. — Уже столько времени прошло, а результата нет. Я о многом прошу? У любой компании есть свои скелеты в шкафу. Осталось их только достать и отдать мне. Что сложного, скажи?

Дует ветер, капюшон резко слетает с головы и по спине рассыпается волна темных волос. Девчонка!

— Это нарушение закона, черт бы тебя побрал! — Вот теперь я отчетливо слышу женский голос и звенящее в нем напряжение.

— Ты работаешь в медиа и как хороший журналист, знаешь, как находить сведения. И еще ты знаешь, то иногда приходится преступать закон ради этого. Мне всего-то и надо, что узнать про дела бухгалтерии. Напомнить, что я могу сделать с Себастьяном?

Пауза. Желание пару раз пройти по его роже становится сильнее.

— Нет. Я все сделаю, дай еще неделю, и вся информация будет у тебя, — девушка сжимает кулаки. В ее словах чувствуется страх, безысходность и злость. Чем или кем этот ушлепок ее шантажирует?

— Мое терпение не безгранично, красота, — отвечает Кристиан, явно смягчившись. Он тянется к лицу девушки, но она резко отпрянула.

Любовники?

К черту догадки, сейчас все узнаем. Пора присоединиться к разговору.

Выхожу из укрытия, Тоб за мной, и мы идем в сторону странной парочки.

— Кристиаан, — на выдохе тяну, — для чего же ты заставляешь девушку преступать закон?

И стоит им обоим обернуться, как мой взгляд прилипает к девчонке.

Миниатюрная, темные волосы слегка вьются и обрамляют аккуратное лицо, а оливкового цвета кожа явно говорит о том, что девушка не из наших краев. Аккуратные губы персикового цвета, маленький нос. И хоть остальное оценить не удалось, ее от меня скрывает мешковатый спортивный костюм, она кажется очень изящной.

Дерзкий взгляд зелено-коричневых глаз транслирует явное разочарование. Не вовремя вас прервали? Не успела договориться? Но ведь ты его боишься. Что же вас связывает?

Я снова смотрю на горе-бизнесмена, который оттягивает ворот рубашки и косится на свою машину. Он-то понимает, что мы приехали сюда не дружеские беседы вести.

— Йен, Тобиас, вот так встреча! Не ожидал вас здесь увидеть, — начинает Нильсон, оттолкнувшись от машины и медленно перемещаясь в сторону водительской двери. — Чем обязан?

— Соскучились, блин, — Тоб усмехается. — Ты вдруг начал избегать личных встреч, особенно после того, как наши юристы запросили сертификаты и лицензии на оборудование. На рабочем месте тебя тоже не бывает — я не поленился, заехал несколько раз. Звонки игнорируешь. Айяй, Кристиан, — качает головой друг, словно отчитывает пса, нагадившего в неподобающем месте, — разве деловые люди так поступают?

Тобиас подходит ближе и облакачивается на водительскую дверь машины. Кристиан, поняв, что пути к бегству отрезаны, выпрямляется, поворачивается ко мне и засовывает руки в карманы.

— Я занятой человек, вы же знаете. Странно, что запрашиваемые документы еще не получены. Обязательно лично займусь этим на следующей неделе. Предлагаю встретиться и все обсудить? Сейчас не могу, извините, ребята, у меня приватная встреча. — Кристиан кивает на девушку, что застыла у капота машины.

К херам эти переговоры. Подойдя к нему вплотную, хватаю за шею.

— Я знаю, что ты решил подставить наш бизнес, подсунув некачественное оборудование, тем самым похоронив семейное дело Микельсенов. А позже купил бы его за бесценок и начал раскручивать под другим именем. Так вот, уясни раз и навсегда: я не хочу ни слышать, ни знать, что ты пытаешься наладить какие-то контакты или заключить деловые предложения. Не хочу видеть ни тебя, ни твою фирму на пороге своего офиса или где-то еще в городе. И уж тем более не вздумай искать на меня компромат или как-то иначе копать под меня. Это понятно?

Кристиан пытается безуспешно убрать мою руку, краснеет на глазах, но молчит. Пытаемся сохранить лицо, значит? Сдавливаю шею чуть сильнее, наблюдая, как цвет из красного переходит в бордовый и спрашиваю еще раз:

— Понятно? Не слышу.

— Понятно, — хрипит Нильсон, а потом закашливается, когда я его отпускаю. Прислоняется спиной к машине и сползает по ней, поднимая руки вверх в знак своей капитуляции. — Но знай: это какая-то ошибка, Микельсен! Ты сильно проиграешь, отказавшись от сделки со мной!

— Ошибкой будет не послушать меня и продолжать пакостить в городе. Подозреваю, я не единственный, кому ты решил поднасрать, — имею в виду разговор, что мы успели услышать и внимательно наблюдаю за Крисом.

В этот момент боковым зрением улавливаю движение перед капотом машины: девчонка резко разворачивается и бежит в противоположную от нас сторону. Выпрямляюсь и устремляюсь за ней. Нет, малышка, так не пойдет, мы все же поговорим с тобой.

Эстер

Твою мать. И еще три раза также. Оббегаю первое здание и несусь к дыре в заборе, чтобы успеть запрыгнуть в машину, оставленную за зарослями и исчезнуть из этого места. Я чувствую, как начинаю понемногу паниковать и в тоже время стараюсь лихорадочно сообразить, что делать дальше. На Криса надеяться смысла не было, он будет спасать только свою задницу. Я собиралась выторговать у него еще немного времени, чтобы найти способ вытащить брата, но договорить нам не дали, и я предпочитаю незаметно исчезнуть, пока эти крутые ребята решают свои дела. Может меня и рассмотреть не успели?

Они появились словно из ниоткуда. Двое крепких парней. У одного были каштановые волосы, собранные в бун, серые глаза внимательно наблюдали за мной и Кристианом, оставшуюся часть лица скрывала аккуратная борода. На шее я заметила часть татуировки, которая, видимо, начиналась где-то ниже. В голове сразу возник образ викинга. Второй был коротко стриженный брюнет с голубыми глазами, оба одеты в джинсы и толстовку с капюшоном. У брюнета татуировки вроде отсутствовали, по крайней мере на видимых участках тела.

Когда второй парень оперся о машину, отрезая Кристиану пути отступления, стало понятно, что крутые парни будут выяснять у кого больше.

Пробегаю несколько метров, замедляюсь, оборачиваюсь, и, не заметив никого, перехожу на шаг. До машины остается несколько метров, когда кто-то резко хватает меня за талию и толкает спиной к забору. Краем сознания замечаю, что из бокового кармана рюкзака вылетают ключи от машины и документы. Поднимаю взгляд и вижу викинга. Он смотрит на меня с хитрым прищуром и полуулыбкой, уперев руки по обе стороны от моей головы. Черт, он снова будто появился из-под земли.

— Куда собралась? Мы даже познакомиться не успели, — слегка охрипшим голосом говорит он. Приходится поднять голову, чтобы видеть его лицо.

— Дерьмо, — бормочу я, все еще пытаюсь понять, как он умудрился так бесшумно подкрасться.

— Ну я бы так не сказал, — он улыбается шире, обнажая идеальную улыбку.

— Ты по воздуху перемещаешься? Я тебя не слышала.

— Возможно, ты и не слыхала, пока пыталась сбежать, — отвечает он.

— Возможно, — рассматриваю его лицо.

Профессиональная привычка журналиста: никогда не знаешь кто может выдать нужный комментарий, поэтому запоминаю почти всех. Опускаю голову на секунду, и снова смотрю на него. — Слушай, не знаю, что у вас за дела с Кристианом, но я не имею к этому никакого отношения. Давай-ка ты уберешь руки, и я пойду.

Брови парня взлетают вверх от удивления.

— Ты мне указываешь?

— М... можно и так сказать.

Викинг смеется и продолжает внимательно рассматривать меня.

— Гораздо интереснее что за дела связывают тебя с Нильсоном, — сказал он уже серьезно, наклоняясь ко мне ниже.

Лучшая защита — это, как известно, нападение. Недолго думая, я пинаю его по колену.

— Черт, — парень ругается и хватается за подогнувшуюся ногу.

Не теряя времени, я подбираю с пола ключи и мчусь к машине. Только бы успеть, вряд ли он простит мне этот удар и вообще непонятно на что он способен. Чувствую, как начинаю дрожать от переизбытка адреналина и страха. Так со мной обычно случается: сначала делаю, а потом начинаю бояться последствий. Тем не менее погибать на заброшенном складе точно не входит в мои планы.

Пара метров, и я в машине. Блокирую двери, завожу мотор и резко дергаюсь с места. Есть, успела. В зеркале заднего вида я вижу парня. Он улыбается все той же хитровой улыбкой и что-то держит в руках. Жму на педаль газа и спешу скрыться с этого дьявольского склада.

Йен

Я возвращаюсь к нашей припаркованной машине. Парни ждут меня снаружи.

— Нильсон уехал? — спросил я Тоба.

— Да. Ты сильно его напугал. Я думал ты собирался просто предупредить его держаться от нас подальше, но прогонять из города и душить — ты как мафиози какой-то, — смеется друг.

— Не думаю, что он уедет, зато нас точно будет сторониться, — я ухмыляюсь и тру шею.

— Что с девчонкой? Догнал?

— С какой девчонкой? Там были девчонки? — оживает тут же Эмиль.

— Симпатичная шатенка почти перехватила у нас Кристиана, — отвечает Тобиас, с улыбкой глядя на Эмиля. Он знает, что стоит только произнести слово «девчонка», как тот отложит все дела, пойдет куда угодно. Наслаждаться моментом «здесь и сейчас».

— Ты всю ночь был у своей Карен. Тебе мало? — Встревает в разговор Уильям.

— Она теперь в прошлом, — отмахивается мой средний братец. — Так что за шатенка? Где она? И почему она убегала? Ты догнал ее?

— Догнал, но отпустил, — отвечаю.

— Почему? Я бы тоже не прочь посмотреть на симпатичную шатенку, — добавляет Уил.

— Пубертат на выгуле, ей-богу. Угломонитесь уже. — Показываю документы девушки, которые она обронила, пока убегала. — Отпустил, потому что хочу сначала узнать о ней побольше, а главное — что ее связывает с Кристианом.

— Думаешь она как-то связана с тем дерьмом, что планировал Нильсон? — Словно прочитав мои мысли, спрашивает серьезно Тобиас. Братья тем временем выхватили у меня удостоверение и рассматривали его.

— Узнаем, — пожимаю плечами. Хотя я был почти уверен, что Нильсон силой во что-то впутал девушку. При всей своей бравате и не считая подлости с коленом, она выглядела загнанной в угол и явно боялась.

— Действительно симпатичная. И имя красивое. Эстер. Если она на документах такая, то в жизни должна быть еще лучше. Скажешь мне ее номер телефона, как найдешь?

— Конечно, скажу, и домой к ней отвезу и билеты в кино куплю. Размечтался, — теперь уже я вырвал из его рук документы, пряча их в карман толстовки.

— Так бы и сказал, что она тебе тоже понравилась. Но, братец мой, победит сильнейший, — пафосно произносит Эмиль.

— Поехали уже, придурки, — Тобиас открывает переднюю дверь машины и прежде чем

сестра задерживает взгляд на мне, без слов спрашивая, прав ли Эмиль с своих предложениях. Ничего не отвечаю, молча садясь за руль. Глупо скрывать очевидное: девушка красива и вызывает интерес.

Что ж, важный рабочий вопрос был решен, можно сказать. Осталось только выяснить какую роль в этом играет Эстер. Я не буду себя обманывать, работа — не единственная причина, по которой девушка заинтересовала меня. Часто мои знакомства с девушками ограничивались парой встреч, иногда мы общались дольше. И уж точно ни одна из них не била меня, пытаясь сбежать. Далеко не уйдешь, амазонка, скоро мы снова встретимся.

Эстер

Я сижу в пекарне, размешиваю сахар в кофе уже минут пятнадцать, чем, кажется, раздражаю официанта и смотрю в одну точку. Итак, как ни поверни, расклад не в мою пользу. Заканчивается срок, поставленный ублюдком Кристианом на получение компромата, а значит, и отведенное на спасение брата время. Идей больше не осталось. Крис на звонки не отвечает уже два дня, с тех пор как мы виделись на заброшенных складах и мне удалось сбежать. Единственное сообщение, что он мне прислал вечером того же дня, содержало всего одну фразу «все в силе».

Нильсон где-то прятал моего брата, шантажировал меня его безопасностью, а теперь еще молчал, что меня напрягало вдвойне. Рабочий телефон тоже не отвечал, и сегодня я рискнула заявиться в офис Криса, чтобы лично поговорить с ним, но мне сказали, что фирма съехала день назад.

Может его забрали эти викинги? Я бы не сильно расстроилась. Да я бы даже порадовалась, наверное, если бы те парни навалили ему. Тогда я смогла бы обратиться в полицию и вытащить, наконец, Себа. В тот день я нарушила все возможные правила дорожного движения, пока мчалась со склада домой и, кажется, выжала максимум из своего старенького миникупера, а потом еще и не спала почти всю ночь, боясь, что они ворвутся в мою квартиру.

И вот сейчас я сижу в кафе, смотрю в стену, и не знаю, что делать дальше. Поежившись, я провожу руками по плечам и делаю глоток кофе.

Телефон на столе завибрировал, и я машинально тянусь за гаджетом. Пришло сообщение от Камиллы, моей лучшей подруги. «Встретимся через полчаса на нашем месте? Хочу рассказать новости».

Нашим местом мы называем крышу одного из домов, что располагается примерно на середине пути между нашими домами. Кажется, это было единственное здание в городе с ровной крышей и выходом на нее. Здесь мы познакомились впервые, когда приходили переживать свои подростковые проблемы, здесь же делимся радостями и горестями уже семь лет. Подружились мы сразу — хоть и были очень разными, но как любила говорить подруга «стержень был один». Похищение брата — единственный секрет, который я скрыла от Камиллы, но кажется, я больше не готова держать это в себе и переживать в одиночку.

«Выезжаю», набираю в ответ. Допиваю кофе и выхожу из кафе. Погода стоит прекрасная: весна в этом году определенно радует. Хорошо, что с утра я надела тренч, а не обычную теплую куртку. Хорошая погода всегда повышает мое настроение, насколько его можно повесить, конечно, в сложившихся обстоятельствах. Я прикрываю глаза, вдыхаю свежий воздух полной грудью и направляюсь к машине.

По пути встречаю в небольшую пробку.

«Могу немного опоздать. Пробки уже начались», пишу подруге.

«Быстрее давай, не могу ждать!»

Улыбаюсь. Камилла — сгусток энергии, не иначе.

Впереди стоит пост полиции. Они по очереди останавливают машины и проверяют документы.

— Добрый день, фрау. Ваши документы, пожалуйста, — попросил офицер, когда

очередь дошла до меня.

— Да, конечно, — я тянусь за рюкзаком, опускаю руку в боковой карман...и ничего там не нахожу. Открываю основной отдел и начинаю рыться там. Странно, куда они могли деться?

И тут до меня резко доходит. По спине проходит холодок, голова кружится, я тихо ругаюсь и хлопаю себя по лбу.

— Фрау? Документы, пожалуйста? — настойчивей просит офицер.

— Их нет. Потеряла.

— Тогда вам придется проехать с нами в участок до выяснения обстоятельств. Пожалуйста, следуйте за мной, — отвечает офицер, открывая дверь моей машины и приглашая на выход.

Дерьмо. И что я скажу полиции? Мои документы забрали викинги? Как я вообще умудрилась ключи подобрать, а документы не заметить. Боже, кажется, большей идиоткой я себя не чувствовала.

В отделение полиции я еще не была, потому что я порядочный гражданин и ничем незаконным не занимаюсь. Не занималась, точнее.

«Не ты ли пытаешься украсть компромат на издание, в котором работаешь?» — напомнил внутренний голос.

Точно, Кристиан. Второй раз за час я чувствую, как кружится голова и идет холодок по спине. Я знала, что он наблюдает за мной.

Когда он только похитил моего брата и начал шантажировать, я обратилась в полицию и помню, как этот ненормальный прислал мне волосы брата за обращение в участок. С тех пор я боялась. Боялась, потому что не знала, что еще может взбрести ему в голову. «Подарок» был получен через час после того, как я покинула полицию, отсюда и вывод, что он знает о моих перемещениях. Господи, надо написать ему сообщение, раз на звонки не отвечает.

Но я не успеваю, мы садимся в полицейскую машину, меня и еще пару автонарушителей просят убрать все вещи.

В участке записывают мое имя, забирают вещи, после чего ведут куда-то вглубь здания. Я думала меня посадят в комнату с решеткой, где и заставят ждать решения, по крайней мере в фильмах так и делают, но вместо этого офицер отвел в просторный светлый кабинет. В комнате был стол посередине и два стула по разные стороны от него, на один из которых я и села.

Где-то через полчаса, когда я уже собиралась напомнить о себе, дверь в комнату открылась. Вскликаю со стула и в третий раз день чувствую слабость и головокружение. Не день, а аттракцион сегодня.

— Твою мать, — невольно вырывается у меня.

На пороге стоял викинг.

Йен

Я смотрю на поднывающую девушку и невольно люблюсь: вздернутый подбородок, расправленные плечи, сжавшиеся кулачки, струящиеся по плечам волосы. Похожа на воинственную амазонку. И снова ругается. Уверен, будь у нее что-нибудь в руках, она бы этим в меня уже запустила. Красивая такая. Взгляд невольно цепляется за аккуратную фигуру. Сегодня на ней светлая водолазка, обтягивающие голубые джинсы по щиколотку и кроссовки, что позволяет мне рассмотреть ее в подробностях.

— Ты всегда ругаешься при виде парней? — Спрашиваю вместо приветствия.

— Ты полицейский? — вопросом на вопрос отвечает она.

— Нет.

Эстер скептически осматривает меня с ног до головы.

— Вроде полицейский должен отвечать на этот вопрос правду, — добавляю, рассеивая ее недоверие.

— Как ты узнал, что я здесь? — Она выстреливает следующим вопросом.

— Мне позвонили, Эстер.

Девушка замирает и взгляд останавливается на моем лице.

— Я не представлялась.

— Твое имя и остальную информацию мне сообщили документы, которые ты обронила пару дней назад на складах, пока старалась убежать от меня. Вот они, кстати, — вытащив из заднего кармана джинс, протягиваю ей удостоверение.

Несколько секунд Эстер раздумывает, стоит ли приближаться ко мне, после чего делает три быстрых шага и хватается за документы, пытаюсь вырвать их из моих рук. Не-а, не так быстро.

Вместо того, чтобы разжать пальцы и отдать удостоверение, я дергаю документ на себя и девушка почти падает в мои объятия. Склоняюсь к ней, оставляя сантиметры между нашими лицами и чувствую приятный аромат малины и жасмина.

— А теперь вернемся к событиям на складе. Что вас связывает с Нильсоном и почему ты была там?

Страх. Вот что я снова вижу в ее оливковых глазах, в сужившихся зрачках, стоит мне произнести имя этого мудака. Черт побери, чем же он ее так напугал? Нет, я не герой, чтобы решать проблемы малознакомых мне девушек, но тут чувствую, что начинаю злиться не него.

Считав мои эмоции, и, видимо, неверно их истолковав, Эстер все же выдергивает документы и быстро отходит назад, упираясь бедрами в стол, максимально увеличив расстояние между нами. Она смотрит на меня исподлобья, часто дыша, отчего ее грудь опускается и поднимается. Красиво опускается и поднимается.

Блять. Выпрямляюсь, прячу руки в карманы джинс, прикрываю глаза и выдыхаю. Я пришел сюда выяснить, что связывает Эстер и Кристиана, а вместо этого сначала разглядываю ее, а потом сам же и пугаю. Надо успокоиться и попытаться вызвать в ней доверие.

— Меня зовут Йен Миккельсен, я один из управляющих сети стоматологических клиник Сондсмил. Семейный бизнес. С Кристианом познакомился на одном из мероприятий — он

хотел стать нашим партнером, поставщиком оборудования, но не вызывал должного доверия, не прошел наших внутренних проверок. Как выяснилось, собирался нас подставить. А в последнее время и вовсе стал вести себя подозрительно: на звонки не отвечал, встречи переносил. Так я оказался на том складе: решил встретиться лично и объяснить основные правила делового этикета, так сказать. Благодаря Оливеру, другу из полиции, которого я попросил сообщить, если вдруг твое имя где всплывет, я узнал, что тебя остановили за езду без прав и приехал. — Я замолкаю и развожу руками в стороны, говоря, что это моя часть истории и приглашая Эстер рассказать свою.

— Кто был тот второй викинг с тобой? — Слышу вместо рассказа и невольно улыбаюсь.

— Викинг? — Н-да, так нас с Тобом еще не называли.

Девушка на секунду опускает глаза, после чего снова смотрит на меня.

— Ответь, — она бросает быстрый взгляд на входную дверь.

— Черт побери, ты снова мне указываешь, — с улыбкой отмечаю, внимательно за ней наблюдая. Забавная. Нервничает, но виду не подает. Уверен, в этой хорошенькой головке уже созрел план очередного побега. — Тобиас Мадсен, мой лучший друг.

— Я уже сказала тебе, что не имею никакого отношения к делам Кристиана. Не знаю, что он задумал и где находится. На мои звонки он тоже не отвечает.

— Ну да, вот только ты должна добыть для него какие-то данные, иначе он причинит вред кому-то, кто тебе дорог и поэтому ты его боишься, — выдаю на одном дыхании, сверля ее взглядом.

Эстер заправляет за ухо волосы, облизывает губы, что снова смещая мое внимание. Все же губы у нее чертовски красивые, и я бы их поцеловал.

— Я... — заговорила Эстер, отвлекая меня от созерцания ее рта, — я не могу тебе сказать. Крис за мной следит, и если он узнает, что я кому-то что-то сказала, то он действительно может кое-кому навредить.

Резко дергаюсь с места и делаю два широких шага к ней. Поставив руки на стол по обе стороны, я наклоняюсь так, что наши глаза оказываются на одном уровне.

— Эстер, этот гавнюк Нильсон уже много где успел наследить. Поверь, он затевает что-то нехорошее. И уже немало людей им заинтересовались, не в лучшем смысле этого слова. Шантаж очень даже в его духе. Ты можешь мне рассказать, я помогу. Или мы можем пригласить офицера сюда, и ты все расскажешь полиции? Ты не одна, — я стараюсь говорить спокойно, уверенно глядя ей в глаза и одновременно охреневая от собственных же слов. Я же не герой, так какого я так рвусь ей помочь? Но и заднюю давать я точно не стану. Тем более, что все сказанное мною — правда: вчера был на очередном благотворительном вечере и имя Нильсона действительно звучало несколько раз.

— Только не в полицию, в прошлый раз это плохо кончилось, — шепчет девушка.

— Тогда скажи мне, и я постараюсь помочь. — Продолжаю настаивать, стараясь при этом сохранить мягкие интонации, задаваясь при этом вопросом, что же, блять, такого страшного случилось в прошлый раз.

— Почему?

— Что почему?

— Почему ты хочешь помочь мне?

— Почему нет?

— Это не ответ.

Ты права, крошка, не ответ. Мы напряженно молчим, вглядываясь друг в друга. Причина

моего геройства в том, что ты мне понравилась, и я хочу тебя узнать поближе не только в плане разговоров, хотел бы я ответить, но, пожалуй, такой ответ ее только больше напугает. Обычно девушки ведут себя несколько иначе в моем присутствии. Хотя, надо признать, и обстоятельства наших встреч сильно отличаются от того, как мы познакомились с Эстер.

— Скажем так: у меня зуб на Нильсона, он впутал тебя в свои грязные планы, а значит, ты сможешь об этом свидетельствовать, когда я подам в суд и начнется разбирательство. Взамен я помогу с твоей бедой. Договорились? — Предлагаю, надеюсь, что такой ответ ее устроит.

Эстер нервно кусает губы, видимо, все еще сомневаясь в том, стоит ли мне доверять. И я, черт побери, снова перевожу взгляд на ее рот и люблюсь, вместо того, чтобы выдать дополнительный весомый аргумент в свою пользу. Который раз за эти пятнадцать минут, что мы общаемся, я рассматриваю ее?

— А если Крис узнает? — Спрашивает она.

— Не узнает. Он не всемогущ. — Я делаю небольшую паузу. — Давай сядем, и ты мне все расскажешь?

Я отталкиваюсь от стола, отодвигаю стул для Эстер, а сам обхожу его и сажусь на противоположное место.

— Так что вас связывает, Эстер? — Спрашиваю в третий раз за время нашего знакомства.

Йен

Она вздыхает, садится на стул и внимательно на меня смотрит. И только я подумал, что пауза затягивается, Эстер все же решается:

— Мы познакомились в последнее Рождество на вечеринке у моей подруги Камиллы. Кристиан пытался ухаживать за мной, но я ему отказала. За это время он узнал, что из семьи у меня есть только младший брат, и что финансовая составляющая, которая оставляет желать лучшего, на мне. Предложил заработать, для чего надо было достать компромат на СМИ, где я и работаю. Я отказалась помогать, тогда он похитил брата и сказал, что если я не достану для него информацию, то Себу не поздоровится. В тот же день я пошла в полицию, написала заявление, а когда пришла домой, увидела под дверью посылку от Криса. В ней были волосы моего брата и обещание, что в следующей посылке будет какая-то его часть тела, посмей я еще куда-то обратиться за помощью, — Эстер делает паузу, набирая воздух в легкие, — так я поняла, что он за мной следит. Заявление о пропаже я забрала и больше никому ничего не рассказывала. Прошло уже три недели. Крис начал терять терпение. Я надеялась, что смогу убедить его дать мне еще немного времени, подсунуть фальшивые данные и выгадать Себастьяна. Это и стало поводом для встречи на тех складах. Поговорить нам не удалось, потому что явились вы. Дальше ты знаешь. Это все. Знаю, звучит, как сценарий дешевого фильма, но это правда. — Заканчивает Эстер и смотрит на меня.

— Зачем ему этот компромат?

Теперь ее страх понятен: боится не Кристиана, а боится за брата. Что ж, девчонка и правда не робкого десятка. Не зря она показалась мне похожей на амазонку.

— Он уверен, что СМИ ведет черную бухгалтерию. Многое там завязано на коммерции. Официально они отчитываются об одних суммах, но на деле там совсем другие цифры. Хочет в долгу. Так просто его никто не примет, поэтому он должен заполучить документы и будет шантажировать, я полагаю.

В тишине рассматриваю ее и прикидываю в голове план, как найти брата и поймать Нильсона.

— Ты поможешь мне? — Эстер нарушает тишину.

— Да, я же обещал.

— То есть моей истории действительно достаточно для подачи заявления в суд против Кристиана?

— Достаточно, но естественно, ты не единственный свидетель и будут не только твои показания, — отвечаю.

— И на этом мы квиты?

— Почти. — Умница, амазонка, ты сама дала мне лазейку.

— Что значит почти?

— Есть еще кое-что, что я хочу получить от тебя, когда вы с братом снова будете вместе.

— И что же это?

Эстер с опаской смотрит на меня.

— Поцелуй.

Эстер

Я смотрю на Йена, пытаюсь понять говорит ли он серьезно. Если все это шуточки, а я

вывалила информацию не тому парню, я могу сильно пожалеть. И не только я.

— Ты шутишь?

— Нет, — он выглядит серьезным. — Брось, всего один поцелуй, — он снова переводит взгляд на мои губы. Уже не в первый раз я замечаю это.

— Мой брат в плену у психа, ты обещаешь помочь, а потом несешь какую-то дурь про поцелуи? Боже, это самый идиотский подкат в мире, — я начинаю злиться. А если я злюсь, то задеть может всех, кто рядом. Хотя в этот раз не поздоровится только этому красавчику, что, в общем, заслуженно. Как же мне везет на идиотов.

— Тише, тише, амазонка. Я обещал помочь, и я помогу.

Еще и прозвище придумал дебильное.

— Не называй меня так, — огрызаюсь в ответ.

— Извини. У тебя очень воинственный вид, когда ты злишься и поэтому ты напомнила мне амазонку. Хорошо, что у тебя нет оружия в руках, а то бы точно применила, — он вновь улыбается, и я на секунду замираю, уставившись на него, забыв о своей злости. Какого черта? Ты, блин, совсем что ли ненормальный?

Хотя насчет оружия ты прав. Действительно хорошо, что его у меня нет. И обращаться я с ним умею — отец научил.

Хенрик Янсен был военным, служил в разведке Дании. Он видел много жестокости за свою жизнь и понимал лучше многих, что мир вокруг не белый и пушистый, а потому приемы самообороны мы с братом освоили чуть ли не раньше, чем пошли в школу.

Это, кстати, еще один из вопросов которым я задаюсь: почему Себ не смог защитить себя от нападения? В свои восемнадцать он был на две головы меня выше и в два раза шире, не раз ввязывался в драки и всегда выходил победителем, даже будучи не один на один с противником. А здесь не смог. И этот факт нервировал меня больше всего.

В общем я хочу как можно скорее вытащить его из плена и поцелуи со спасателями явно не входят в мои планы. И вот еще момент: со спасателем ли? Кто знает этого парня.

— Ладно, обсудим этот вопрос чуть позже, — Йен поднимает руки, “сдаваясь”, и тут же переводит тему. — У меня есть план, но надо кое-что подготовить. Когда я все окончательно продумаю, я с тобой свяжусь. Договорились?

— Окей, но мы не будем больше говорить о поцелуях. Договорились? — Возвращаюсь к разговору.

Он лукаво улыбается и встает со стула. Я вдруг осознаю насколько у него внушительная фигура. Невольно зависаю на сильных и красивых руках, широких плечах и снова возвращаюсь к его спокойным серым глазам. И все же зря он рассмеялся, когда я назвала его викингом, он действительно очень на него похож.

— Пойдем, Эстер. Нам пора покинуть эти дружелюбные стены. — Он направляется к двери, распахивает ее и жестом приглашает на выход.

— Меня отпускают? — Удивляюсь и иду за ним.

В этот момент я умудряюсь споткнуться о край стола, теряю равновесие и рискую разбить лицо, упав плашмя на пол, если бы не Йен. Он так быстро кинулся ко мне, что я аккуратно приземлилась в его объятия.

— Осторожнее, — усмехается он и ставит меня на ноги, делая шаг назад, — мой знакомый из полиции, я тебе говорил. И по моей просьбе любезно согласился забыть этот инцидент, тем более, что твои документы нашлись и оказались в порядке.

Мило. У меня и так все было бы в порядке, но боюсь, что без помощи, выяснение этого

факта заняло бы больше времени. Красавчик зарабатывает баллы? Пусть так, сегодня отказываться не буду, хотя в другой раз, наверное, кричала бы, что я сама все решу, и ничья помощь мне не нужна.

Мы доходим до стойки информации, где я забираю свои вещи.

— Выходи из участка спокойно, я останусь, у меня еще есть дела здесь — говорит Йен переходя на серьезный тон и достает телефон. — Если Кристиан и правда за тобой следит, то ему лучше не видеть нас вместе. Я с тобой свяжусь. Чувствую, как вибрирует телефон. — Это мой номер, сохрани. До встречи, Эстер.

Он разворачивается и уходит в глубь здания.

Эстер

Я выхожу из полицейского участка. Теперь нужно забрать машину, которую отправили на штрафстоянку. В сумке зазвонил телефон. Камилла. Черт, насколько я опоздала?

— Да, Камилла. Прежде чем начнешь кричать на меня, я скажу, что опоздала потому что торчала в полицейском участке и только что вышла. Извини, — выдаю на одном дыхании.

— Что? Что ты натворила? — Кажется, я изрядно шокировала подругу.

— Расскажу при встрече. Сейчас заберу машину и приеду. Ты еще на крыше?

— Да. Надеюсь, в этот раз доедешь. Жду подробностей! Но если тебе придется тушить пожар или тебя похитят инопланетяне, напиши хотя бы сообщение, — стебет меня Ками.

Через полчаса я добираюсь до штрафстоянки, забираю машину и, наконец, еду. Подруга сидит на своем любимом месте — бетонном выступе. Увидев меня, она соскакивает крепко обнимает. Знает, насколько объятия важны для меня.

— Рассказывай, — требует подруга.

И меня словно прорывает. Я выдаю ей все: начиная с ухаживаний Криса, моего отказа, попытки шантажа, похищении брата и внезапного появления викинга.

— Документы, говоришь, просит у тебя. Может подделать их? Я тебе в фотошопе что угодно нарисую. Пока Крис разберется, Себастьян уже будет в безопасности.

В этом была вся Камилла, она могла сколько угодно ерничать и иронизировать, но на нее всегда можно было положиться: и выслушает, и делом поможет или просто помолчит рядом.

Смотрю на нее и думаю: хорошая идея или рискованный и неверный шаг? Скорее второе.

— Пять за попытку помочь и поддержать, но он не настолько тупой, чтобы вестись на это.

— А парням этим тоже не веришь? Не хочешь принять предложение?

— Я сомневаюсь, что он действительно помогать станет. Ты меня знаешь, я за помощью не хожу, но тут уже готова была согласиться, как он выдает, что хочет поцелуй за свою помощь! Можешь себе представить?

— Одно другому не мешает, — философски замечает она в ответ. — А что? Да что с твоим Себом станется. А тут такой красавчик встретился. Мне нравится этот парень! Ты ведь это не выдумала?

— Боже, Ками, ты неисправима. Ты вообще слушала что я говорила? Себа похитили! Я ничего не могу с этим сделать.

— Ну, во-первых, викинга сбрасывать со счетов не стоит. Во-вторых, Крис, конечно, козел, но к настоящему садизму вряд ли склонен, а в-третьих, ты как будто Себастьяна не знаешь. Он хоть тебя и младше, но за себя точно постоять сможет. Уверена, случай с волосами просто исключительное недоразумение и лишился он их по своей воле. А ты просто уже напридумывала. Это все, конечно, звучит и выглядит как сюр, и что-то мне слабо верится в реальность происходящего. — Уверенно заявляет подруга.

— У тебя все просто, черт побери, — отвечаю, задумчиво глядя на панораму города. Она кладет голову мне на плечо и тоже молчит.

Да, Ками была права в отношении брата, но менее волнительно от этого не становилось. Оставалась масса вопросов: почему он позволил себя украсть? Где он сейчас? А вдруг страдает? Что делать? Преступить закон и идти на поводу у Кристиана не хотелось, но и брата я, очевидно, бросать не буду.

Идти в полицию страшно, не идти тоже. Чувствую себя беспомощной. Что вообще делают в таких ситуациях люди? Какой выход находят?

Ну и викинг, конечно же. Действительно поможет или только наболтал? Я понимаю, что поступила несколько опрометчиво, рассказав ему историю, но что-то же заставило меня довериться Йену. Рядом с некоторыми людьми как-то сразу начинаешь чувствовать себя комфортно, в какой-то безопасности что ли. Так и с ним. Вроде и не сделал ничего, что вызвало бы доверие и тем не менее я ему все выложила.

От безысходности? Возможно. Просто, потому что нужно было кому-то рассказать и поделиться случившимся. Сейчас уже даже жалею, как будто. Надеюсь, мои откровения не выльются мне в еще большую задницу. Хотя куда уж больше.

Мы болтаем еще около полчаса и расходимся.

Когда уже добираюсь до дома, слышу, как телефон пиликает в сумке.

«Эстер, хранить молчание и шевелиться быстрее — в твоих интересах. Тебе, бл*ть, неясно было, что в полицию соваться не надо?»

Кристиан. Боже, нет. Чувствую, как все внутри опускается. Сглатываю и нажимаю кнопку вызова. Я все объясню и он поймет, что это ошибка.

Скидывает и следом приходит еще сообщение:

«Не звони, знаю я зачем ты там была. Неделя, Эс. Жду».

Сволочь! Знаешь, но решил на нервах моих поиграть.

На автомате поднимаюсь домой.

Если Кристиан знает, что я была в участке и даже знает почему, то полагаться на викинга рискованно.

«Спасибо за предложение о помощи, но откажусь», — набираю и отправляю Йену. Следующий за этим входящий от него сбрасываю и блокирую контакт.

Сама разберусь.

Никогда серьезно не нарушала закон. Что ж, все бывает в первый раз. Уже плевать, как-нибудь переживу. Хочу вытащить брата и вместе забыть про весь этот ужас. В конце концов раскрыть чей-то секрет не значит причинить физический вред. Придется скорее всего уйти из профессии, но с другой стороны я уже давно об этом подумываю.

С этими мыслями я и засыпаю.

На следующий день утром я впервые проснулась в более-менее адекватном состоянии. Разговор с подругой немного снял напряжение, да и принятое накануне решение давало понимание дальнейших действий.

Зарядка, душ, завтрак и к 9 утра я уже входила в конференц-зал на общую планерку.

Наш главред, мистер Лунд, солидный мужчина с цепким взглядом, проводит ее каждый понедельник. Мы обсуждаем темы на неделю, актуальные рубрики и планируемые интервью. В это СМИ я устроилась еще студенткой и после получения диплома меня взяли на полную ставку. Я отвечаю за раздел «развлечения». Кинособытия, приезд топовых звезд, выставки — за этим всем слежу я. И нет, так называемую «желтуху» мы не публикуем, вопреки известным стереотипам. Все сведения всегда проверяются и имеют под собой

реальные основания. Наш шеф хоть и был циничен, но за правду и качество стоял горой. И именно за качественный контент издание и любит читатель. Здесь не бывает открытых вакансий больше двух дней. Каждый, кто хочет пробиться в масс-медиа, хотел бы тут работать.

Но и у этого прекрасного издания есть свои скелеты. Один из которых я и решилась выкрасть и отдать Кристиану. Чувствую себя предательницей. Но между муками совести и Себом я выберу брата.

— Виктор, ты видел печать последнего номера? Вся реклама разъехалась. Я что клиентам скажу и отделу продаж?

— Да, шеф, в типографии] пластины опять поехали, часть тиража получилась размытой, не страшно уж, — улыбаясь, пытается острить Виктор. Он новенький, отвечает за распространение журнала, и еще не знает, как Лунд гневается, когда тираж получается некачественным.

— Конечно, не страшно мой хороший. Вычту из твоей зарплаты просто и все, — смотрю, как улыбка сползает с лица Виктора, а Лунд тем временем мчится дальше, — так, Тео, инфографика на пятой полосе нечитаема. Ты меня заверял, что все будет гуд. А на деле?

Тео — это наш дизайнер: творческий, неторопливый, спокойный. Восхищаюсь им, он напоминает островок спокойствия в этом бурном море информации.

— Мой косяк, переоценил возможности типографии, шеф. Исправлюсь. В следующем номере все будет огонь, — в отличие от Виктора, Тео характер нашего главного знает. И не прогадывает: Лунд молча отворачивается и просматривает свой ежедневник дальше. Санкции его миновали.

Обсуждение прошлого номера обязательно: наш босс считает, что только проанализировав свои ошибки можно двигаться вперед, и я с ним согласна.

— Что у нас по городским новостям. Дайте треша, надо трафик поднять. Крупный рекламодатель заходит, нужны показатели выше привычных. Алиса?

— В центре здание сгорело.

— Там кто-нибудь пострадал?

— Нет.

— Горело-то хоть красиво?

— Ну не совсем сгорело, скорее слегка подымило.

Вижу, как загоревшийся интерес в глазах Лунда тухнет, прямо как пожар в центре города.

Инфоповод и правда был хорош, как бы цинично это ни звучало. Увы, как ни крути, но люди любят читать и смотреть «чернуху». Будешь писать только позитив — растеряешь всех читателей.

В итоге для поднятия трафика Лунд останавливается на забастовке врачей одной из больниц. Им снизили зарплаты, сославшись на тяжелую экономическую ситуацию, хотя в начале года обещали прибавку и новый исследовательский комплекс. Зреет скандал, в основе которого вечный вопрос: где деньги? Это точно будут читать.

— Эстер, что у нас по развлечениям? — Вот и до меня дошла очередь.

— В эту пятницу будет концерт Эта Гирана. У нас запланировано интервью.

— В субботу делать будешь?

— Да, — в субботу как раз в редакции только верстальщики остаются, а значит, у меня будет доступ к кабинету Лунда, где лежат необходимые Кристиану сведения. Поэтому

возможность остаться в редакции одной в субботу — почти идеальные условия.

— Хорошо. До вечера все должно быть готово.

— Будет, — заверяю я.

Мы обсуждаем еще несколько моментов по номеру, делимся наметками на следующий. Кто-то получает одобрение от шефа, чьи-то идеи бракуются. Через полчаса сажусь на свое место и начинаю работать. Быстрее бы суббота и покончить с этим.

Эстер

Еще три дня проходит в таком же ритме: изучить биографию певца, подготовить вопросы, договориться с фотографом.

За это время ни викинг, ни Кристиан не давали о себе знать. Мысли все также вертелись вокруг предстоящего плана. И хоть я и была настроена решительно, время от времени все равно впадала в панику и искала альтернативные варианты. И не находила. Успокаивалась и снова просто ждала субботы.

Пятничное интервью прошло как по маслу. У нас было запланировано двадцать минут перед концертом. Артист был в прекрасном настроении, шутил и довольно развернуто отвечал на вопросы, обеспечивая меня прекрасным материалом. Несколько кадров, концерт и уже в десять вечера я ехала домой.

На следующий день я пришла в редакцию с утра, но, увы не первая. Перебирая в голове варианты верстки будущего интервью, а заодно и прикидывая в уме, что примерно в полдень все уйдут на обед, оставив меня одну, я потихоньку дописывала интервью.

— Эс, пошли на обед? — Слышу голос Тео. Меня бросает в жанр и все тело напрягается.

— Нет, я хочу доделать, — как можно непринужденнее отвечаю я, кивая на монитор.

— Да потом доделаешь, куда оно денется. А обедать лучше вовремя, ну.

— Позже, — улыбаюсь, отрицательно качая головой.

— Сэндвич тебе куплю и латте. А то от нашей звездочки скоро ничего не останется, — все же сдается Тео.

Печатаю, а сама наблюдаю, как немногочисленные коллеги собираются и друг за другом тянутся на выход. Через пятнадцать минут я остаюсь одна.

Вот он, час икс. Сейчас или никогда.

Встаю и иду в кабинет главреда. Невольно замечаю свое отражение на одном из мониторов: уверенный взгляд, легкая улыбка и неторопливые движения. Что ж, внешне я выгляжу довольно спокойно. Великая актриса пропадает во мне, черт побери. Кто бы знал, что моя улыбка — это нервное, а спокойствие и расслабленность мнимые.

Кристиан сказал, что нужный ему компромат хранится в обычной прозрачной папке, в третьем ящике стола. С виду совершенно неприметный.

«Лучший способ что-то спрятать — оставить это на виду», — невольно вспоминается в голове папина фраза. Он часто играл с нами «спрячь игрушку» и оставлял их на виду, а мы с братом не могли найти. Видимо с Лундом тоже кто-то в эту игру играл. Хихикаю себе под нос от этих мыслей. Боже, это уже на истерику похоже. Ничего смешного в происходящем, конечно, нет.

Откуда только Крис знает, где тут что хранится.

Быстро перебираю содержимое ящика и, наконец, нахожу нужный файл. «Рекламодатели». Оно. Бегло просматриваю содержимое. Цифры, цифры, цифры. Ничего сходу не разберешь. Фотографирую страницы, закрываю и убираю обратно в стол.

Тем же путем возвращаюсь на свое рабочее место. Смотрю на время и отмечаю, что прошло всего пятнадцать минут, как все ушли на обед. Машинально перекладываю свои записи с места на место, открываю и закрываю ручку.

Я сделала это. Испытать бы облегчение, но где там. Неприятное чувство. Как будто в

грязь упала и надо поскорее снять одежду и принять душ. Хочу удалить все эти фото и ничего никому не отдавать. Просто верните мне брата.

Вдох-Выдох. Гашу панику в зачатке, оставляю канцелярию в покое и возвращаюсь к интервью. Пора заканчивать и идти домой.

Через какое-то время передо мной опускается пакет с едой.

— Все съешь, — прилетает от Тео следом.

— Хорошо, спасибо, — улыбаюсь и невольно думаю, что я плохая и после сделанного не заслуживаю такой заботы коллег. Я ведь по сути их всех собираюсь подставить. Кто знает, чем все закончатся и не окажутся ли они без работы в итоге.

Сэндвич тем не менее съедаю, интервью сдаю и еду домой. Нужно написать Кристиану и сообщить, что все данные у меня и я готова к обмену.

По пути домой забегаю в магазин. Я надеюсь, Себ будет завтра дома, а аппетит у него зверский. Поднимаюсь по лестнице, открываю дверь, захожу в квартиру и замираю.

Здесь кто-то был до меня, а может, все еще есть. Делаю шаг назад и задеваю сумку на вешалке позади себя. Что-то глухо ударяется об стену.

Точно, оружие. Кто-то из друзей Себа давно подарил ему муляж оружия в виде зажигалки. А так как брат иногда баловался сигаретами, то не придумал ничего лучше, как хранить эту зажигалку у входа. Мы много раз ругались из-за этого, но сейчас я очень даже рада такому выбору места хранения.

С первого взгляда и не понять, что это подделка. Мне бы лучше бежать, наверное, но вместо этого я решаюсь на другое.

Прежде чем включить свет, тянусь к вешалке, незаметно вынимаю муляж оружия из сумочки, щелкаю выключателем и резко поворачиваюсь.

На спинке дивана сидит Йен, справа от него стоит второй викинг, кажется он назвал его своим другом, а слева был еще какой-то парень. Да что у него за манера внезапно появляться в моей жизни.

Увидев в моих руках псевдо оружие, Йен громко рассмеялся, запрокинув голову, а вот двое других заметно напряглись.

— Черт побери, ты неподражаема, — продолжает смеяться он.

Вообще, блин, не смешно. От скачка адреналина у меня колотится сердце и чуть-чуть дрожат руки.

— Как вы попали в квартиру?

— Открыли дверь и вошли, замки у тебя так себе, сигнализация вовсе не работает. Опустить свою зажигалку, мы не причиним тебе вреда, — отвечает Йен, поднимая раскрытые ладони, в знак того, что пришли они с миром, видимо. Так, про пистолет он догадался. Ладно.

— А зачем вы вломились ко мне? — Спрашиваю, отмечая про себя, что мои неожиданные гости расслабились.

— Я же обещал связаться с тобой, когда придумаю, как спасти твоего брата. Вот я здесь. Ты была права, Нильсон за тобой наблюдает, встретиться где-то в другом месте было рискованно. А звонить тебе бесполезно, ты почему-то решила отказаться от наших договоренностей. Почему, кстати?

— Решила, что сама справлюсь.

Про тот факт, что я почти справилась, пока умалчиваю. Йен закатывает глаза и вздыхает. Перевожу взгляд на его друга. Тот стоит, сложив руки на груди.

— Это мой друг, Тобиас, ты его видела, — представляет его Йен.

Тобиас улыбается и кивает мне в знак приветствия. Он был одного роста с Йеном, брюнет с пронзительным синими глазами.

— А это мой брат, Эмиль.

Эмиль был чуть ниже ростом, симпатичный блондин с добрыми голубыми глазами. Он также кивает мне.

— Эстер, — отвечаю, представляясь.

Я смотрю на всех троих и пытаюсь прийти в себя от шока — не каждый день ко мне вламываются трое неизвестных. Ну ладно, двое неизвестных и один сомнительный знакомый парень. А они уставились на меня, с любопытством наблюдая. Как будто я крайне забавный зверек.

— Кристиан точно не знает, что вы здесь? Он может и за домом следить, — спрашиваю, прерывая затянувшееся молчание.

— Точно.

— Хорошо. Так что за план? И где сейчас Себ?

Хочу знать, что они придумали. Вдруг там действительно что-то стоящее и никакой закон мне нарушать не придется? Сколько бы не храбрилась, а делать этого совсем не хочется.

— Не угостишь нас выпивкой? — спрашивает Тобиас.

— Нет. Что за план?

Ну да, я не самая гостеприимная, когда стрессую. Уж извините. Кортизол в крови зашкаливает.

Йен переглянулся с парнями и снова мне улыбнулся.

— Хотя бы пройди в свою квартиру. Мы не обидим тебя, правда. Да и общаться так будет удобнее, — говорит Йен, жестом приглашая меня сесть. На мой же диван.

Помедлив несколько секунд, прохожу в гостиную, сажусь в свое любимое кресло. Парни располагаются на диване, Йен садится в кресло напротив меня.

— Твоего брата держат в подвале загородного дома Кристиана. У него свой дом. Ты знала? — спрашивает Йен. Я качаю головой из стороны в сторону. Откуда мне это знать. — Его охраняют. Брат твой не робкого десятка, насколько мне удалось выяснить и не стесняется давать сдачи. Непонятно, как его умудрились схватить, но это спросишь сама. Сдается мне, что Нильсон и сам не рад, что связался с ним и с радостью от него избавится, что нам на руку. План, на самом деле, прост: ты позвонишь Крису и назначишь встречу в кафе, скажешь, что нужна ему информация у тебя, мы — обведя пальцем в воздухе, имея в виду себя и друзей, — будем неподалеку и будем контролировать его. Полиция тем временем вытащит твоего брата, и как только он будет в безопасности, Кристиана схватят.

Застываю и напряженно всматриваюсь в лицо Йена. Не обманывает? Не обманывает же? Действительно все так относительно просто решается? Я сглатываю образовавшийся в горле ком и только сейчас осознаю, что вцепилась в ручки кресла.

Это оно, решение?

— Кристиан ведь не узнает, что я все же обратилась в полицию? Пусть и через вас? Мы ведь вроде как не знакомы для него, — решаю все же уточнить на всякий случай.

По крайней мере в его сообщении не было ничего про викинга.

— Не знает, — Йен спокоен и серьезен и меня снова словно окутывает атмосферой безопасности.

— Ладно. Хорошо. Сейчас звонить?

— Да, звони сейчас, назначай встречу на завтра, на утро в КофеРум. Полиция уже готова.

— Кристиан не отвечает на звонки в последнюю неделю, лучше написать сообщение.

— Давай, — дает совет Тобиас, — пиши не вопросом, а ставь перед фактом.

Йен поддерживает идею кивком.

Беру телефон и печатаю: «Я сделала что ты просил. Завтра утром в КофеРум в 10:00». Через две минуты получаю короткое «ок». Поворачиваю экраном к Йену и вижу довольную улыбку.

— Отлично, — Йен хлопает в ладоши и поднимается со своего места, — завтра не опаздывай. На выход, — кивает он своей свите, — мы выйдем через запасной выход, не переживай. Кристиан ни о чем не догадается.

После чего все трое дружно направляются к выходу. Поднимаюсь, чтобы их проводить, все еще пребывая в шоке от того, что моя проблема вроде как почти решена.

— Доброй ночи, прекрасная Эстер, — улыбается мне Эмиль, сохранявший до этого молчание. Вижу, как Тобиас закатывает глаза.

— На выход. До завтра, — прощается он мне и выталкивает младшего брата Йена за дверь. Молча киваю обоим.

— И да, Эстер, — останавливается Йен перед выходом, пропуская вперед ребят, — наш договор в силе.

Договор? И тут до меня доходит. Я застываю, потому что не знаю, что ответить.

То есть это все же не шутка? Как можно в такой ответственный момент еще думать о поцелуях? Или похищение Себастьяна не настолько серьезная проблема, брату ничего не угрожает, а я все себе напридумывала?

Йен мне действительно помог и поцелуй я его, от меня не убудет, а с другой стороны как-то странно все это. Все эти мысли проносятся в моей голове за пару секунд и пока я думаю, Йен наклоняется и целует меня в уголок губ.

— Пахнешь обалденно. Доброй ночи, амазонка, — шепче Йен, разворачивается и спускается вниз.

— Д-доброй, — все, что получилось из себя выдавить напоследок.

Так, ладно, главное — кошмар скоро закончится и я увижусь с Себом. Захлопываю дверь и приступаю к домашним делам, параллельно прокручивая в голове завтрашнюю встречу. План понятный и все должно пройти гладко. Кристиан на крючке и я очень надеюсь, что он получит по заслугам за все мои страдания. Да и не только мои, очевидно, что он живет нечестно и неизвестно сколько еще людей пострадало от его рук.

То и дело возвращаюсь к разговору с викингом. Снова он пришел внезапно. Нормальные у меня замки, вполне себе надежные, убеждаю я себя. А еще невольно вспоминаю ощущение безопасности, комфорта, стабильности в его присутствии. Не знаю, как он это делает, но я хочу ему верить.

Машинально трогаю уголок губ, где меня коснулся Йен. Окей, признаю: парень не промах. Мало того, что пришел и нашел решение моих проблем, хорош собой, так еще и границы мои двигает аккуратно. Он мне все же нравится? Да, пожалуй, нравится.

И все же компромат, что достала для Кристиана не удаляю. Всегда успею, а это своего рода подстраховка, если все пойдет не по плану.

Мысленно замерев в каком-то режиме ожидания, я принимаю душ и ложусь в кровать.

Эстер

Стоит ли говорить, что следующую ночь я почти не спала. В итоге, проворочавшись с боку на бок до двух утра, я решаю встать и заняться уборкой, как раз вчера не успела доделать кое-что по мелочи. Без дела сидеть точно не получилось бы. В восемь я принимаю душ, пью кофе и начинаю готовиться к встрече с Кристианом.

Колготы, шорты и пуловер — ничего примечательного. Беру с собой флешку, нужно же создать видимость, что я приняла условия и принесла информацию.

Удалить файлы? Вроде же не нужны уже. Беру в руки телефон, открываю фото, пролистываю еще раз. Для меня просто цифры, которые ни о чем не говорят. Но любая информация может стать опасным оружием или рычагом давления, если знаешь как ее применить. Кристиан, видимо, знает.

Выбираю все файлы, собираюсь отправить их в корзину, как вверху экрана всплывает сообщение от Йена. Сворачиваю галерею и перехожу в мессенджер.

«Не передумала?»

Набираю в ответ «Нет, все как договаривались», отправляю и блокирую телефон. Удаляю потом, когда буду точно уверена, что файлы не нужны.

В половине десятого я вызываю такси и еду на встречу. Руки дрожат от волнения, но я стараюсь держаться. Ошибаться и позволить Кристиану сомневаться сегодня никак нельзя.

РумКафе — популярное у туристов место. Уютное кафе с вкусным кофе и отличной выпечкой. Я здесь редко бываю, потому что далековато от моего дома. Надеюсь, сегодняшняя встреча не станет поводом ассоциировать место со всеми имеющимися неприятностями.

Такси доставило меня к кафе за пять минут до назначенного времени. Забегаю внутрь, почти никого нет еще. Заказываю кофе, хоть в горло и кусок не лезет, устраиваюсь за столиком в углу и жду Нильсона.

В десять и даже пятнадцатью минутами позже никто не приходит. Это нормально, что он опаздывает? Он же ни о чем не догадался? А если все же понял что-то? Что делать дальше? Я всегда задаю много вопросов, когда нервничаю. А еще я злюсь от бессилия и страха, что ничего не получится.

Так, ну все, в двадцать минут одиннадцатого я понимаю, что уже не выдерживаю. Достаяю телефон и набираю Кристиана. Слушаю серию гудков и, наконец:

— Да.

— Кристиан? Где ты?

— Эстер, — пауза. Мои нервы натягиваются, как струна, — Я говорил, чтобы ты не пыталась меня обмануть?

Твою мать. Чувствую, как все внутри ухает вниз, голова начинает кружиться и кровь резко ударяет в голову. Ненавижу обманывать, но еще больше ненавижу, когда меня на этом ловят. План же был идеальным. Как он мог узнать? А может он и не знает ничего, а просто проверяет? Судорожно перебираю в голове варианты как лучше ответить.

— Я и не обманываю, с чего ты взял? Жду в кафе, информация у меня. Где ты?

— Сижу в машине и вижу Микельсона неподалеку от места нашей встречи. Я идиот, по-твоему? Когда только спеться успели?

Мне кажется, мое сердце сейчас стучит как у маленькой колибри. Йен, ты же обещал, что все под контролем. Это тоже часть твоего плана? Я ничего не понимаю. И что мне говорить теперь? Как не спугнуть и заставить Кристиана все-таки прийти? Делаю глубокий вдох, чтобы хотя бы немного успокоиться.

— Кристиан, тебе нужна информация? Приходи и забирай. Я не знаю, что тут делает Микельсон. Чего ради была вся эта головомойка? Я хочу увидеть Себастьяна, ты — информацию. Честный обмен. — Напряжение достигает своего пика, я загнана в угол, деваться некуда и поэтому начинаю атаковать в ответ.

— Врешь ты все также неубедительно.

А дальше гудки. Бросил трубку, черт его возьми.

Я смотрю в окно и наблюдаю, как машина Кристиана выезжает с парковки, а следом за ней движется белый внедорожник, и через открытое окно я вижу, что за рулем сидит Йен.

Понял? Догонит? Это все же не часть плана? Мне что делать? Себ в безопасности? Тысяча вопросов, ни одного ответа и, главное, спросить не у кого.

Не замечаю, как встаю со стула. Вижу только как две машины быстро уезжаю вперед.

— Эстер?

Оборачиваюсь и вижу Тобиаса.

— Успокойся, пожалуйста, — друг Йена кладет мне руки на плечи. — Сейчас все объясню.

— Кристиан узнал вас. Где Себ? Его вытащили?

— Себастьяна только что освободили, он сейчас в больнице, его осматривают врачи. Но да, Кристиан узнал нас, ты права. Все пошло немного не по плану. Йен сейчас едет за Кристианом, и я уверен, сможет догнать, полиция также подключилась и его обязательно поймают. Все самое страшное позади. Все, тихо, успокойся.

Позади. Себ в безопасности. Кошмар закончился.

Боже, чувствую, как начинаю дрожать, так как напряжение спадает и тело расслабляется. Тобиас внимательно за мной наблюдает, продолжая придерживать за плечи. Машинально отмечаю, что рядом с ним я испытываю похожее ощущение безопасности и спокойствия, как это бывает рядом с Йеном.

— Эстер? Ты в порядке? К Себу едем илиждемся Йена? — Спрашивает Тоб, видимо чувствуя мою дрожь.

— Да, все нормально, спасибо, — тут же начинаю кивать. К брату я очень хочу. — Просто перенервничала. Едем.

Выходим из кафе, садимся в машину к Тобиасу и едем в больницу.

Позади. Все самое страшное позади.

Йен

«Эстер — то же, что сложный эфи́р. Эстер или Юдит — имя легендарной эфиопской фалашской воительницы, которая в конце X века свергла династию эфиопских царей Соломонидов, основанную Байна-Лекхемом», — читаю описание ее имени в поисковике. С каких пор я интересуюсь значением имени девушки? С тех самых, как одна из них пнула меня и сбежала.

Да уж, эта амазонка не только царей свергнуть может. Почему-то я уверен, что она весь мир перевернуть способна. И как неаккуратно тебе на пути попался этот чертов Нильсон. Тебе неаккуратно, моя милая Эстер, а мне очень кстати.

— Чего ты ухмыляешься? — Слышу голос Тоба. Черт, забыл, что я не один. — Красавица Эстер покоя не дает?

— Она нас викингами назвала.

— Чего? — Смеется Тобиас. — А что не Одним? Я, знаешь ли, на меньшее не согласен.

Молча продолжаю улыбаться.

Да, мы тут вроде как геройствуем. Спасаем амазонку из беды. Точнее ее брата.

На деле Кристиан оказался еще глупее, чем есть на самом деле. Брат Эстер был заперт в загородном доме, а ее он просто напугал. Главная задача сейчас — выманить Нильсона и задержать, а дальше уже полиция освободит Себастьяна.

Мы с Тобом приехали раньше к кафе раньше и ждем в машине.

— Приехала, — констатирует очевидное Тоб.

Да я и сам вижу, что приехала, когда у входа в здание останавливается такси и из него выходит Эстер. Невольно залипаю на шортах, обтянувших зад, который плавно покачивается, но при этом шустро исчезает за дверьми кафе. Красиво.

Нильсон опаздывает, но я уверен, что приедет. Минут через пятнадцать с другой стороны въезжает, наконец, его машина.

— А вот и Нильсон. Ждем, пока из машины выйдет? — Спрашивает друг.

— Ждем.

Но Нильсон не выходит. Продолжает сидеть внутри, потом достает телефон и начинает кому-то звонить. Смотрю на Эстер и вижу через окно, что она тоже разговаривает по телефону.

Догадался? Не должен, мы на арендованной тачке, да и стекла тонированы. На улице не светились. Свою машину Тоб припарковал далеко.

Совпадение? Неприятное предчувствие пвяляется в груди. Интуиция вопит, что что-то идет не так. Ровно в этот момент Кристиан резко срывается с места и покидает парковку.

Перевожу взгляд на побледневшую Эстер.

— Объясни все Эстер и дождитесь меня, — кидаю Тобу, а сам подрываюсь следом за Нильсоном, как только друг покидает машину.

Нет, сука, так не пойдет. Ответишь и за попытку меня подставить и за то, что девушек красивых шантажируешь.

Едем по направлению выезда из города, я звоню Оливеру, сообщая о наших передвижениях и прошу встретить Нильсона. В свой дом он теперь вряд ли сунется, раз

заметил меня. А он заметил, судя по тому насколько мы нарушаем скоростной режим: я в попытках догнать, а он удрать.

Адреналин шпарит по венам, мы несемся по Копенгагену, чудом никого не задевая. Благо, сегодня суббота и многие предпочитают провести день дома.

Давлю на газ, но все равно отстаю. Это хоть и внедорожник, но крайне медленный по сравнению с гелендвагеном Кристиана. Блять, кажется эта колымага уже выдала свой максимум, и я чувствую, что упускаю Криса.

Впереди вижу бригаду рабочих и запрещающий знак на одной из полос, а дальше дорога сужается. Херово. В Копенгагене часто ведутся реставрационные работы зданий, стоило ожидать, что мы рано или поздно на что-то такое наткнемся.

Нильсон делает резкий разворот и выезжает по направлению к каналу Ньюхавн. Я следую за ним, но на развороте меня заносит и я въезжаю в строительное ограждение. Срабатывает боковая подушка безопасности и пока я ее убираю, все, что мне остается потом — смотреть, как Кристиан пересекает канал и теряется среди других машин.

Упустил. Заебись. Надеюсь, Оливер не подведет и где-то встретит его. Стою еще перед мостом, раздумывая над вариантами.

Опасен ли он сейчас? Вряд ли. Скорее всего несется из города, желая скрыться.

Попытается ли отомстить? Вероятно, да.

Что я могу сделать сейчас? Могу и хочу быть рядом с Эстер.

Выхожу из машины, объясняю подбежавшим рабочим, что я не пострадал, машина в порядке, благодарю за помощь, после чего еду за Эстер и Тобиасом.

— Вы еще в кафе? — Набираю по пути друга.

— Нет, Эстер не захотела ждать. Себастьяна доставили в Национальную королевскую больницу, едем туда.

— Понял.

Перестраиваюсь и сворачиваю в сторону госпиталя. Ну еще бы Эстер стала сидеть на месте. Через двадцать минут подъезжаю к больнице и вижу припаркованную машину Тобиаса.

Значит, уже внутри.

Захожу и с порога слышу, как амазонка объясняется на рецепции куда ей надо, но получает вежливый отказ персонала. Тобиас с кем-то говорит по телефону.

— Извините, фрау, но Себастьян Янсен сейчас на осмотре, мы не можем вас пустить к нему. После его переведут в палату, однако доктор рекомендовал покой.

— Покой — это прекрасно. Я не собираюсь тревожить его покой, черт вас возьми.

Понимаю, что ситуация на грани. Отвожу администратора в сторону, сую в руки купюру и говорю, что девушку нужно пропустить.

— Пожалуйста, только не долго, — просит меня администратор, пряча деньги в карман.

— Недолго, — заверяю я ее. — Какая палата?

— Двадцать пятая, второй этаж.

Кивая, возвращаюсь, беру Эстер за руку, и мы вместе поднимаемся на второй этаж. Тобиас остается ждать внизу. Машинально отмечаю, что у нее холодные руки. Вижу, что волнуется. Приобнимаю за плечи, она не сопротивляется. Глаза горят, торопливо идет между палатами в поисках нужной.

Наконец, двадцать пятая. Открываем дверь, и я вижу на кровати вполне себе взрослого парня. Забинтована рука, несколько пластырей на лице. Худой и почти лысый, но в целом

выглядит нормально.

— Себ! — Кидается ему на шею Эстер и начинает плакать.

— Эстер, успокойся, все в порядке. Я в порядке. Не плачь, пожалуйста, — обнимая, тихо успокаивает ее брат.

Я наблюдаю за ним и первое впечатление вполне положительное: не инфантилен, взгляд не прячет, когда пересекаемся, сосредоточен на сестре, но обо мне не забывает. Тем интереснее становится, как он попал к Кристиану.

— Господи, Себ, я так переживала. Что с рукой?

— Нормально, все нормально. Небольшая рана, но ничего критичного. Я завтра планировал домой. Не стоило тебе приходить.

— Боже, ты и правда без волос. Как это случилось? Они издевались над тобой? — Эстер продолжает всхлипывать, гладит его по голове и лицу.

— Нет, конечно. Случайность. Ну все, все, тихо.

Он обнимает ее и Эс постепенно успокаивается, а я ловлю себя на мысли, что хотел бы сам прижать ее к себе и успокоить, а не чтобы брат это делал.

— Это Йен, он мне помог спасти тебя, — вспоминает она обо мне.

— Буду должен, — говорит мне Себастьян.

Киваю, зная, что ничего с него не возьму. Хотя...

— Эстер, мы можем с твоим братом поговорить наедине? — Спрашиваю и конечно же получаю уничтожающий взгляд. — Пара слов, детка, обещаю сильно не напрягать. Точнее вообще не напрягать.

И только я собираюсь отбиваться от ее отказов, как мне на выручку приходит Себастьян.

— Эс? Пара минут. Обещаю, все будет в порядке.

Хороший парень. Мне уже нравится. Они смотрят друг на друга пару секунд, после чего, о, чудо, блять, амазонка кивает брату и выскальзывает за дверь.

— Итак, Себастьян, — начинаю я, оставшись наедине с ним, — как так вышло, что Нильсон тебя похитил?

Он опускает взгляд, ухмыляется, качает головой, вздыхает, а потом выдает:

— По собственной тупости. Кристиан ухаживал за Эстер. В один день позвонил мне и сказал, что она у него, плохо себя чувствует и нужна помощь. Я поехал. Дальше удар в голову, отключка и вот я уже в подвале пристегнут наручниками.

Действительно, глупо вышло.

— А волосы?

Себ еще раз вздыхает, проводит рукой по голове и пожимает плечами.

— А волосы отрастут.

Не расскажет. Ну, пусть останется загадкой.

— Эстер волновалась. Кристиан ее шантажировал.

— Знаю! Ублюдок. Спасибо, что помог. Я в долгу перед тобой.

— Ты понимаешь, что он может начать мстить? — Спрашиваю, подводя к желаемому.

— Мы уедем с Эстер.

— это необязательно. Я живу в охраняемом загородном поселке. Моей семье принадлежит несколько домов там. Можете пожить у нас, так вы будете защищены и переезжать не придется.

Пауза. Себастьян не дурак и ищет тайный смысл в моей щедрости.

— В чем подвох? Эстер не согласится.

— Эстер не согласится, — киваю я. Слишком гордая, — и вот тут мы возвращаемся к твоему долгу. Уговори ее, и мы квиты.

— Зачем?

— За тем, что она мне нравится, и я не хочу, чтобы вы уезжали. Мне нужно время, чтобы пообщаться с ней, а она, как ты знаешь, так просто к себе не подпустит.

Себастьян молчит еще пару минут. Давай, парень, соглашайся. Я точно не тот, кого стоит остерегаться.

— Надолго она не согласится, — наконец он оживает.

— Долго и не надо.

— Не вздумай обидеть ее.

— Не обижу.

Вот и чудно.

— Поправляйся, Себастьян, — киваю ему и выхожу из палаты, натыкаясь на Эстер. Шагаю вплотную и обнимаю ее. Хотел бы сказать, что быстро, чтобы избежать пререканий и уйти красиво, но увы. Обнимаю, вжимаю в себя и хочу забрать с собой. Какая же она все-таки притягательная и красивая. А амазонка молчит и на удивление даже не спорит. Чуть отстраняюсь, заглядывая в глаза.

— Все нормально?

— Да. Теперь да. Спасибо, Йен. Ты правда очень помог.

И я чувствую в этот момент, как в груди разливается теплая волна удовольствия. Я рад, что смог ей помочь. Наклоняюсь и целую ее в уголок губ, висок, втягивая уже знакомый легкий запах малины и жасмина.

— Очень рад за тебя, — еще раз прижимаю ее к себе, после чего отпускаю и слежу, как Эстер возвращается к брату в палату. А я направляюсь на рецепцию.

Вижу друга, который снова на телефоне. С кем он там треплется бесконечно.

— Все нормально? — спрашивает Тоб, когда подхожу.

— Да. У тебя? — Киваю на телефон.

— Да, есть пара интересных предложений по работе. Помнишь, обсуждали расширение бизнеса? Нас не так хорошо знают в Греции и Италии. Думаю, можно будет зайти.

— Обсудим позже. Пара минут и едем.

Нахожу и договариваюсь с дежурным врачом ночной смены, чтобы Эстер и ее брата не беспокоили. Она наверняка захочет остаться тут на ночь, что запрещено правилами больницы. Ко мне точно не поедет, а дома может быть небезопасно. Пусть переночуют здесь, тем более им наверняка есть что обсудить.

Мы садимся в машину Тобиаса, когда я чувствую вибрацию телефона в кармане. Оливер.

— Йен? Плохие новости. Нильсону удалось скрыться.

— Твою мать, — выдыхаю и откидываюсь на подголовник.

— Будем искать дальше, — продолжает он.

— Понял, спасибо, — сбрасываю вызов и смотрю в лобовое стекло.

— Нильсону чертовски везет, постоянно удается улизнуть. Что делать думаешь? — спрашивает друг.

— Договорился с братом Эстер, что поживут в нашем поселке какое-то время, — отвечаю, поворачиваясь к нему.

Тобиас ухмыляется.

Блять, сейчас начнется. На удивление он ограничивается только одной фразой:

— Будет интересно.

Да. Очень на это рассчитываю.

Эстер

Как врач и обещал, уже на следующий день Себа отпускают домой долечиваться. Я ночевала с ним в больнице. Ну как ночевала, сидела у постели брата и не могла насмотреться.

Физически он действительно выглядит более-менее, не считая отсутствия волос и того, что чуть-чуть похудел. Да и ведет себя как обычно. И я испытала колоссальное облегчение, когда убедилась в этом лично.

Да, я понимаю, что все закончилось, да и Кристиан не маньяк, но в каком же я была напряжении все это время. Как будто стояла в планке последние секунды: дрожало все и вся.

Не знаю почему меня не выгнал персонал. Медсестра только зашла один раз ночью, уточнить как дела, и утром, чтобы взять анализы.

Когда Йен вчера ушел, брат первым делом расспросил меня про Криса. Я не стала ничего скрывать и про намерение нарушить закон тоже сказала, на что получила крепкие объятия Себа и тихое «спасибо».

И уже после этого он высказал опасения по поводу Нильсона. А потом и про разумную, по его мнению, мысль переехать временно жить к викингу.

Окей, официально признаю: Йен мне нравится, но точно не настолько, чтобы жить вместе. Наверное, в другой ситуации я бы поспорила, но не сейчас. Не хочу. Слишком много стресса в последнее время. Нужна передышка. Хочу расслабиться и довериться. Снять квартиру где-то в городе Себ отказался.

Так что теперь мой новый, пусть и временный, дом в Драгоре — поселке недалеко от города. И забирает нас сегодня водитель Микельсонов.

— Черт, поверить не могу, что согласилась, — говорю вслух, пока Себ собирается.

— Это временно, Эс. Дай мне окрепнуть, чтобы быть уверенным, что смогу тебя защитить. На данный момент не могу, а Йен предложил подходящий вариант, — снова объясняет мне брат, натягивая футболку.

Йен считает, что Кристиан где-то затаился и что, возможно, решит отомстить нам с братом. Я и сама предполагала что-то такое, и хотела перестраховаться и может быть даже уехать из Копенгагена, чтобы где-то укрыться, хотя покидать город совсем не хотелось.

Пожалуй, теперь точно имеет смысл продать родительскую квартиру, купить что-то поскромнее. Да и Себу надо продолжать учебу.

Я позвонила на работу и взяла отпуск за свой счет по семейным обстоятельствам. Лунд хоть и был недоволен, но отпустил. Предложил подумать о статье про случай с Себом, но я сразу сказала нет.

Вообще сомневаюсь, что вернусь в это медиа. Журналистику я люблю, но быть в инфополе двадцать четыре часа в сутки иногда утомляет. Да и постоянная охота за эксклюзивном и гонка за первое место в рейтинге надоели.

Я всегда хотела вести свой блог. Как интересно порой складывается жизнь: ведь ничего не мешало мне осуществить свою мечту и раньше, но надо было дожидаться эмоциональной встряски, чтобы начать двигаться к действительно желаемому.

Выходим с братом из больницы и видим на парковке машину представительского класса. Водитель здоровается, забирает вещи, пока мы садимся.

Заезжаем в нашу квартиру, я беру несколько вещей, после чего мы едем в Драгор. Я читала про это место, когда готовилась к одному из интервью — спикер был родом оттуда. Песчаный берег, дорогая недвижимость и центр яхт-спорта. Никогда там не была, но звучит интригующе.

Поглощенная этими мыслями, я не сразу заметила, как мы въехали в поселок.

Красивое место. Большинство зданий — ухоженные, аккуратные двухэтажные домики. «Как в рекламном буклете» — промелькнула мысль.

Мы останавливаемся у одного из таких домиков. Дверь с моей стороны открывается, и я вижу протянутую ладонь. Йен. Замираю на секунду, а потом вкладываю свою и выбираюсь из машины.

— Привет, Эстер, Себастьян. Добро пожаловать в Драгор. Рад, что согласились, — проговорил он, продолжая держать мою руку.

Надо признать, что и я свою не убираю. Мне вдруг стало так хорошо, спокойно. Он снова делает это: дает мне ощущение безопасности, надежности, стабильности.

— Спасибо, Йен. Спасибо, что помогаешь. И за Себа и за приют. Вчера не успела толком поблагодарить, извини. Мы надолго не задержимся.

— Все в порядке, чувствуйте себя как дома и никуда не торопитесь, — улыбается он, а затем переключается на Себа, — рад, что поправляешься. Ваш дом этот.

Я перевожу взгляд на небольшой темно-серый дом с белыми окошками и дверьми. Как и все остальные дома вокруг он окружен зеленью. Небольшая лестница светлого цвета ведет к крыльцу. Пока я рассматриваю дом, Йен и Себ достают вещи и начинают подниматься. Иду следом и захожу за парнями в дом.

Внутри красиво, но пусто. Диван в гостиной. Столовая и небольшая кухня. Похоже на выставочные образцы комнат в Икеа: все аккуратное и абсолютно не живое. Выдыхаю, понимая, что тут и правда никто не живет и не съехал пару дней назад. Мы никого не потеснили, это хорошо. Мне так спокойнее.

— Внизу гостиная и кухня. Наверху две спальни. Сад на заднем дворе, — коротко инструктирует Йен. — Мой дом — напротив. Если будут какие-то вопросы, заходите. Или звоните.

— Это твой дом? — решаю уточнить. Увы, справиться с неловкостью получается только частично.

— Часть домов в этом поселке принадлежат нашей фирме. Их снимают наши сотрудники. Особые условия для лучших врачей, — усмехается Йен, глядя на меня. — Конкретно этот пока пустует. Так что смело располагайтесь.

— Спасибо еще раз, — вдруг говорит Себ, жмет Йену руку и поворачивается в сторону лестницы на второй этаж, — я в душ.

Он же ходил в душ в больнице. Мне вдруг становится неловко, когда понимаю зачем Себ ушел. Черт возьми, почему? С каких пор мне вдруг неловко наедине с парнем? Никогда не было. Набираю в грудь воздуха и поворачиваюсь к Йену.

— Обещаю держать дом в порядке, вернем в первозданном виде, — четко отбиваю.

— Знаю, Эстер, — улыбается Йен, и я понимаю, что зависаю на его улыбке. — Хотел сказать: рад, что ты рядом.

— Да, я тоже рада, что все закончилось. Еще раз повторю, что очень благодарна тебе.

Йен продолжает улыбаться, опускает взгляд на мои губы, которые тут же хочется покусать.

— Один из сотрудников клиники планирует небольшое барбекю в конце недели. Это нормально для наших, периодически так встречаемся. Приходи тоже.

— Ладно, — соглашаюсь прежде, чем успеваю подумать, — буду. Будем, то есть.

— Отлично, — Йен наклоняется, и я уже знаю, что он снова меня поцелует, что и происходит через секунду — в уголке моих губ снова остается легкий, аккуратный поцелуй.

Йен чуть-чуть отстраняется, смотрю ему в глаза, а потом тянусь навстречу, и он накрывает мои губы своими.

Перед глазами мелькает картинка из какой-то мобильной игры, где нужно уничтожать фрукты. Ловишь бонус и происходит фруктовый взрыв. У меня сейчас взрыв внутри. Понимаю, что сердце ускоряется и начинает кружиться голова. Приятно. Мне приятно.

Йен кладет одну руку мне на талию, обнимая, а вторую на щеку. А потом я чувствую его язык у себя во рту. Теплый, влажный, ласковый. Мне нравится, и я начинаю его посасывать, лаская в ответ своим. Йен сжимает меня еще крепче. Закидываю руки ему шею и встаю на носочки. Вся неловкость пропадает. Мне становится так хорошо, спокойно, уютно, что я полностью расслабляюсь.

Не знаю, сколько мы так целуемся, но прерываемся одновременно. Смотрю на викинга и вижу, что он улыбается.

— В пятницу жду, — говорит Йен и гладит меня по щеке.

Просто киваю в ответ, подтверждая свое намерение быть.

Он еще раз наклоняется, касается меня губами, а потом отстраняется и пятится к двери.

— Какая же ты красивая, с ума сойти, — мы замираем взглядами друг на друге.

Два шага, поворот дверной ручки, хлопок и я остаюсь наедине со своим фруктовым взрывом внутри и кучей мурашек.

Эстер

Я стою на мосточке через пруд и смотрю, как Себастьян и Тобиас тренируются. Всего четыре дня прошло, как мой брат вернулся из плена, и вот уже машет руками и ногами. Я рада. Это точно лучше, чем если бы он вернулся с травмами и пришлось бы прибегать к серьезной помощи врачей.

Мы успешно обосновались в поселке. Люди здесь очень дружелюбные, неоднократно предлагали помощь. Да и в целом обстановка очень уютная. Много зелени, тихо, спокойно.

С работы я ушла, как и планировала. Думала, что буду сожалеть, но нет, даже облегчение почувствовала. Все же не зря я все чаще задумывалась о смене места работы. Кстати, добытый ради Кристиана компромат я удалила, когда ночевала у брата в больнице. Так что в той истории точно поставлена точка.

В тот же день завела свой блог и даже уже опубликовала первые посты. Сегодня на меня подписался сотый человек. Да, пока только друзья и знакомые, но это уже шаг вперед. Так что я праздную первый взятый рубеж.

А еще сегодня пятница и запланирована вечеринка, на которую нас позвал Йен.

Викинга я не видела со дня приезда. Он только писал несколько раз сообщения, спрашивал, как дела. Вживую хоть и не видела, а вот снился он мне не раз. И во сне мы не только целовались.

Всю неделю гоняю мысли о нем и о том поцелуе. И еще меня волнует то, что я не видела его всю неделю. Не совсем понимаю почему не приходил. Непросто признаться, но меня это разочаровывает. Однако, вот она я, стою нарядная в красивом платье, готовая к празднику. Надеюсь, Йен там тоже будет. Все и выясним заодно.

Солнце собирается садиться за горизонт, дует теплый ветер и все вокруг залито красивым вечерним светом. Будучи сейчас на территории поселка и наблюдая за тренировкой брата, я, наконец, чувствую себя расслабленно и спокойно. Впервые такое продолжительное время за последний месяц.

— Привет, — звучит за спиной низкий голос Йена. Несильно вздрагиваю.

— Привет, — поворачиваюсь и поднимаю голову к нему.

— Как дела? Как малыш Себ?

Улыбаюсь, оглядываясь на своего почти двухметрового брата. Малыш Себ, кто бы мог подумать, что прозвище привяжется. Его почему-то так прозвали, как узнали, что он мой младший брат.

— Лучше, как видишь.

— Вижу.

Йен тоже улыбается и наблюдает за парнями.

— Как думаешь, кто победит?

— Это тренировка, а не поединок или бой.

— И все же. Думаю, Тоб его уделает, хотя Себ подает большие надежды, — резюмирует Йен, повернувшись ко мне.

Я пожимаю плечами, давая понять, что не намерена вступать в дискуссию.

— Ты очень красивая. — Йен внимательно изучает мое лицо, медленно скользя взглядом.

— Спасибо.

— Итак, твой брат спасен, негодяй Нильсон повержен. История счастливо закончилась, — продолжает он.

— Да, слава Богу все закончилось, — машинально отвечаю и тоже внимательно его рассматриваю. У него все тот же бун на голове, аккуратная борода. Из-за ворота футболки выглядывает край татуировки. На шее сегодня кожаный ремешок с какой-то подвеской.

Мне нравятся его мужественные черты лица. Нравится внимательный, спокойный, но очень живой взгляд. Нравится весь этот brutальный образ викинга.

— Ты на вечеринку?

— Да, как раз шла. А ты?

— А я к вам заходил, но никого не было. Хотел проводить. Пойдем тогда?

Киваю, мы спускаемся с моста и идем вдоль озера. Вечер теплый, а от воды дует тихий ветерок. Внутри все сжимается от сладкого предвкушения. Вроде бы еще пару минут назад собирались выяснять отношения и переживала, что не виделась, а сейчас и думать про это забыла. Мысленно усмехаюсь самой себе.

— Какие планы на будущее? — спрашивает Йен.

— Немного придем в себя после счастливого финала истории и начнем двигаться дальше. Думаю, что еще неделя и мы уедем. Спасибо еще раз, что приютили нас, — отвечаю.

— Вы можете оставаться столько, сколько нужно. Уверена, что недели вам хватит?

— Да. Себя в порядке, я тоже. Кристиана нигде не видно и не слышно. Нехорошо злоупотреблять гостеприимством. — Я снова улыбаюсь и смотрю на него.

Йен вдруг останавливается, берет меня за руку и немного тянет на себя.

— Я же сказал: все в порядке, оставайтесь сколько нужно. — Отмечаю, что он смотрит на мои губы и чуть сжимает ладонь. Чувствую, как пульс ускоряется. — Ты обещала мне поцелуй, амазонка.

— Не обещала. Я сказала, что это самый тупой подкат в мире и еще просила не называть меня так. И мы уже целовались.

— Ага, и я хочу еще.

Йен притягивает меня к себе за талию ближе, и целует, окутывая необычным ароматом парфюма. Это вода, ветер, песок и отглаженная ткань. Поцелуй получается сразу глубокий и жадный. Я держусь за его плечи, охотно впуская язык в рот, отвечая и понимая, что очень этого ждала.

Чувствуя взаимность, Йен сжимает меня еще крепче, его руки соскальзывают с талии и ложатся на ягодицы. И снова внутри все сладко сжимается. Йен отрывается от моих губ и смотрит в глаза. Выглядит довольнее некуда, невольно вызывая ответную улыбку.

— Что? — не удерживаюсь я от вопроса.

— Задница у тебя шикарная, — сообщает, начиная легонько сжимать ее.

— Я вся шикарная, — отвечаю, смеясь. Закидываю руки ему на шею, одной рукой оглаживая затылок. Он у него, оказывается, бритый. Как-то не обращала внимания.

— Точно, — Йен начинает целовать мою скулу, щеку, добирается до уха и касается кончиком языка ушной раковины, чем вызывает рой мурашек по всему телу. А сейчас я чувствую, как напрягаются соски.

— Добрый вечер, — раздается вежливое приветствие позади меня.

Вздрагиваю от неожиданности, снимаю руки с шеи Йена и оборачиваюсь. Мы настолько увлеклись друг другом, что не заметили, что уже оказывается не одни. На нас,

улыбаясь, смотрит Эмиль. Слышу недовольный вздох Йена позади себя, что нисколько не смущает брата Йена, и он продолжает:

— Вы идете на барбекю сегодня?

— Добрый, — успеваю пискнуть я, как вмешивается викинг.

— Идем. Мы догоним, не жди, — отвечая, Йен и сжимает меня в плотное кольцо рук.

Эмиль продолжает улыбаться и рассматривать нас по очереди еще несколько секунд, после чего его взгляд останавливается на мне, и он произносит.

— Эстер, рад, что у вас все хорошо.

— Спасибо, что помогли и приютили.

— Всегда рады, — Эмиль шутливо отвечает поклон. — Надеюсь, я не очень вам помешал?

Собираюсь, конечно, ответить, что нет, но не успеваю, как слышу сзади нетерпеливое:

— Очень. Иди уже.

— О, прошу прощения. Что ж, действительно пойду. Кто ест барбекю холодным? Невкусно же, — после чего Эмиль проходит мимо нас и идет по направлению к одному из домов.

Йен снова разворачивает меня к себе, касается слегка губ своими губами. Чувствую, как снова расслаблюсь в его объятиях.

— Идем? — спрашивает он.

Киваю, после чего он разжимает руки, галантно подставляет локоть, и мы направляемся в сторону вечеринки.

Йен

Что чувствуют победители? Тот, кто шел к цели и, наконец, получил желаемое? Мощный удар дофамина, и, как результат, эйфория, полное удовлетворение собой и существующим положением. Кажется, что я вообще все могу. Проблем нет, есть временные трудности.

Не сказать, что победы были редки в моей жизни, даже, наоборот. Я их воспринимал как должное, как результат долгой и качественной работы, точного просчета, но именно факт того, что Эстер ответила мне взаимностью вставляет. И все это при том, что я довольно спокоен обычно и сдержан. Здесь же готов орать на весь мир. Блять, так и начинается что ли та самая любовь?

Держу Эстер под руку и не могу перестать улыбаться. Она с интересом рассматривает окружающую обстановку, а я снова залипаю на ней. Ну до чего же кайфовая, с какой стороны ни посмотри: пахнет очень нежно и мне безумно приятно трогать ее. Мы идем на барбекю, а я думаю как бы ее оттуда утащить и продолжить целовать. Хотелось бы не только целовать, конечно. Настроение приподнятое во всех смыслах.

Такие мероприятия действительно не редкость в нашем поселке. Ну как нашем, просто часть живущих здесь — сотрудники клиники Сондсмил, мы все друг друга знаем и периодически собираемся. Убиваем двух зайцев сразу: и отдохнуть и коллективный дух поддержать.

Алекс, к которому мы сегодня идем, женат, у него двое детей, поэтому и дом он сначала снимал, а потом и выкупил большой. Двухэтажный коттедж в лаконичных бело-голубых цветах. Мне становится вдруг интересно какой у Эстер какой любимый цвет. Идти здесь недолго, буквально пару минут и чем ближе мы подходим, тем громче слышим музыку, смех и детские крики. Мы как раз подходим, и я собираюсь узнать про цвет, как входная дверь распаивается и нас встречают хозяева дома.

— Йен! Ну наконец-то! Я больше не могу в одиночку спорить с Питером. Он убеждает меня, что стейки нужно жарить по одной минуте с каждой стороны, так они более сочные.

— Они не сочные, а сырые, — отвечаю, не задумываясь.

Он всплескивает руками, поддерживая мысль. Кто бы мог подумать, что на работе этот человек лишнего слова не скажет. Исключительно по делу. Он из тех врачей, что серьезные и сдержанные только на работе. Вне работы они такие же люди. Алекс, например, обожает шумные споры, эмоционален и болтает без умолку.

— И я ему так сказал, но он все равно свое. В общем, нужна твоя помощь. О, ты с девушкой? — заканчивает он и внимательно рассматривает Эстер.

— Да, знакомься. Это Эстер, они живут с братом недалеко.

— Привет, кажется, у вас очень весело, — говорит Эстер, протягивая ему руку для пожатия.

— О, да, у нас всегда так. Проходите, я сейчас тебя со всеми познакомлю.

Вечер у Алекса как обычно проходит легко. Наблюдаю за Эстер издали и отмечаю, что она довольно комфортно себя чувствует и общается со всеми. Как, впрочем, и ее младший брат, который уже наелся и кажется неплохо выпил и начинает организовывать танцы. Эмиль активно его поддерживает. Тобиас же это увлечение не разделяет и лениво

потягивает коктейль. Наши дамы только рады, как и я.

Ищу глазами Эстер и замечаю, что она, пять минут назад весело что-то рассказывающая, стоит в одиночестве. Передвигаюсь к ней и притянув к себе за талию, шепчу:

— Пошли потанцуем.

Мы тихонько покачиваемся под медленную музыку, вокруг нас такие же парочки. Ловлю на себе сдержанные улыбки гостей Алекса, а потом и внимательный взгляд Себа. Едва заметно ему киваю. Долг младший братец моей амазонки вернул сполна. Переглядываемся еще пару секунд, после чего Себа зовет кто-то из толпы.

Обнимаю Эстер покрепче, она кладет голову мне на плечо, и я снова во всю силу легких вдыхаю нежный аромат. Мне хорошо и приятно рядом с ней, и я отчетливо понимаю, что хочу, чтобы она была со мной.

— Ты профессионально занимался плаванием? — Отрывается она от меня и тихо поясняет. — Девочки рассказали.

— Было дело.

— И награды были?

— Были.

— Почему бросил?

— Надо было делать выбор: или спорт или семейное дело. Я сделал.

Эстер внимательно меня рассматривает. Хочется верить, что я ей нравлюсь также, как и она мне. Мы больше не танцуем, просто замерли посреди толпы и смотрим друг на друга. Поднимаю руку и веду костяшками по скуле. Эстер склоняется к моей руке и начинает ласкаться. Амазонки бывают и нежными, отмечаю про себя.

От легких прикосновений ловлю новый приход с эмоций. Так. Пожалуй, мы все. Беру ее за руку и веду на выход.

— Куда мы идем?

— Ко мне. Покажу тебе свои медали, — подмигиваю и тяну вперед.

Подходим к хозяевам дома и прощаемся.

— Спасибо, Алекс, нам пора.

Вечер был и остается чудесным, но я все чаще возвращаюсь к мысли, что хочу ее. Хочу нестерпимо здесь и сейчас. Чувствую, как кровь начинает приливать к члену. Вдох-выдох. Спокойно, говорю сам себе. Мы проходим пару домов и заходим во внутренний двор нашего коттеджа. Эстер снова с любопытством озирается по сторонам.

— Красиво, — резюмирует она.

— Рад, что нравится. Пошли, покажу дом.

— Точно? Мы никому не помешаем?

— Никого и нет сегодня. Мои редко дома бывают.

И это правда, с братьями пересекаемся утром за завтраком или вечером за ужином. Родители наши полностью заняты бизнесом. С виду может показаться, что мы не слишком дружны, но на самом деле это не так. Семья у нас всех на первом месте.

Мы заходим в гостиную, и Эстер замирает.

— Внутри еще лучше, чем снаружи. Это скандинавский стиль?

— Да, моя мать очень любит его.

— Не зря я подумала, что ты викинг, — отмечает Эстер, заставляя меня смеяться в голос.

— Ну какой я викинг, Эс? Посмотри на меня. Видишь топор или может я только с драккара слез? — Думаю, что парирую.

Теперь уже смеется она.

— Откуда тогда ты знаешь, как назывались их лодки?

Закрываю рукой лицо. Похер, викинг так викинг.

— Хочешь что-нибудь? — Меняю тему.

— Воды можно.

Наливаю ей стакан воды.

Мы соприкасаемся пальцами и дальше я не отдаю ей стакан и не убираю руку, а пою ее водой сам. Эстер делает глоток, глядя мне в глаза. Сознательно сильнее наклоняю его так, что тонкая струйка воды стекает по ее подбородку, шее и теряется где-то в декольте.

Бляя... что может быть эротичнее? Вся моя выдержка летит к чертям. да я и не очень-то стараюсь ее удержать. Мощная волна возбуждения стекает по позвоночнику вниз и ударяет в пах. Отставляю стакан, и второй рукой притягиваю Эстер за шею. Я целую ее жадно, сплетаясь языками. Вторую руку кладу на задницу и, наконец, сжимаю. Аккуратный зад в виде сердечка. Чем больше я ее пробую, тем больше хочу.

Эстер кладет руки мне на грудь и отвечает.

Прерываю поцелуй, ловя ословевший взгляд и разворачиваю ее к себе спиной. Опускаю голову и шумом втягиваю аромат малины и жасмины на шее. Как же охеренно она пахнет. Чувствую, как Эстер пытается развернуться и кладу руки на ее бедра.

— Замри.

На Эстер сегодня легкое платье. Очень ей идет. Но больше ей пойдет все же без него. Целую за ушком, медленно спускаясь по шее и одновременно вожу руками вверх-вниз по телу. Невзначай касаясь сосков, тут же улавливаю ответную реакцию. Я их вижу, угадываются через платье, потому что сейчас она возбуждена. Останавливаю руки на уровне груди и большими пальцами дразню эти напряженные вершинки, а потом сжимаю пальцами довольно сильно. Реакция следует незамедлительно. Эстер резко дергается назад, впечатываясь задницей аккуратно мне в пах.

— Боже, Йен, — вскрикивает, накрывая мои руки своими и поворачивает лицо.

Аккуратно веду губами по скуле, пока она снова не опускает голову. Ей нравится, я знаю. Эстер сама не замечает, как легонько трется об меня бедрами, усиливая и без того явную эрекцию. Хочу больше. Дальше стягиваю платье до талии и люблюсь на открывшуюся мне красоту.

— Ты шикарная, Эстер.

Блять, знаю, что банально, но грудь у нее и правда очень красивая. Небольшая, но аккуратной формы с розовыми сморщенными сосками и очень нежной кожей. Собираю ее вместе и отпускаю, смотря, как она свободно опадает вниз. Попробовать ее грудь я тоже хочу, но это позже.

Опускаю вторую руку на внутреннюю часть бедра и стопорюсь. Эстер не отталкивает. Ждет. И я, получив добро, веду ладонью медленно вверх, потом обратно. Чувствую на коже мурашки и ловлю очередную волну кайфа. Я слышу, как она часто и глубоко дышит. Продолжаю водить рукой по бедру, каждый раз поднимаясь все выше, второй рукой играю с грудью.

Вверх. Вниз. Выше на сантиметр.

Вверх. Вниз. Еще выше. И со следующим разом я касаюсь кромки трусиков. Член уже

болезненно упирается в джинсы, а Эстер в моих руках мелко дрожит.

А потом она едва слышно стонет и поворачивает ко мне голову. Стон хоть и тихий, но звенит внутри как удар в колокол. Возбуждаюсь еще сильнее, хотя казалось бы куда уже больше.

Терпеть не могу громкие стоны. Выглядит крайне ненатурально и дешево. Всегда отвращало. А ее слегка уловимый звучит как просьба. Наклоняюсь и целую, лаская и дразня ее тело вокруг белья.

В очередной раз понимаю, что не так-то уж и крепка моя выдержка. Хочу уже нагнуть и трахнуть ее. Да, посреди гостиной родительского дома, аккуратно напротив панорамного окна, выходящего на улицу. Хорошо, что хотя бы свет приглушен и с улицы угадываются лишь силуэты.

Подцепляю резинку трусиков и кладу ладонь на промежность. Чувствую нежную кожу половых губ. Смаковать весь этот процесс приятно, но как не ускориться и не перейти уже к основному? Указательный и безымянный пальцы кладу на половые губы, а средний попадает аккуратно посередине, в сладкую расщелину. Моя амазонка крайне возбуждена, поэтому мокрая и горячая. Смазки столько, что палец почти скользит, пока вожу от клитора до ануса и обратно.

— Боже, — стонет Эстер и откидывает голову мне на плечо.

Целую. Снова впиваюсь в губы как голодный. Мой палец замирает на клиторе, и я начинаю его массировать, сначала не торопясь, а потом все активнее. Эстер вздрагивает, отстраняется, закрывает глаза и приоткрывает рот.

У меня возникает совершенно животное желание лизнуть ее, что я и делаю в следующую секунду — вытаскиваю язык и веду им по щеке. Следом ловлю первую мелкую дрожь в ее бедрах и очередной чувственный стон. Брови сведены вместе, лицо напряжено, губы сухие.

Эстер громко дышит. Ускоряю темп и через некоторое время она замирает, а потом начинает дрожать и словно пульсировать у меня в руках. Крепко держу ее, не прекращая стимулировать клитор, пока ее накрывают одна за другой волны оргазма.

А потом она разворачивается, вижу довольный взгляд, но вместе с тем и решительный. Что-то не так, мелькает мысль и тут же гаснет, потому что в следующую секунду она опускает руки к моей ширинке и начинает ее расстегивать. Оттягивает трусы, достает уже деревянный член и начинает водить ладошкой вверх и вниз.

О да, блять. Закидываю голову назад и выдыхаю, сжав губы.

Красивая девушка, ласкающая твой член — что может быть приятнее?

Опускаю голову и смотрю на ее лицо. Эстер не торопится, прикусила нижнюю губу и вместе со мной наслаждается процессом. Кладу свою руку сверху и чуть направляю ее. Она быстро улавливает нужный темп, ускоряется и сжимает меня сильнее, размазывая по члену выступившую смазку.

Сейчас мне много не надо, мариновался достаточно. Дыхание сбивается, и я чувствую напряжение на грани внизу живота, пара движений, взрыв и я кончаю. Вижу, как сперма стекает по нашим рукам, но Эстер не останавливается до тех пор, продолжая меня ласкать. Кладу свою руку на ее.

— Спасибо, детка, — прижимаю к себе.

И да, я стою голой задницей к окну в гостиной родительского дома, в комнате пахнет сексом, мы оба только что кончили. Мне плевать, потому что в эту минуту я счастлив. Эстер

доверчиво жметя, и я ловлю новую волну кайфа. Ее скулы все еще румяные после оргазма и от этого она еще красивее.

— Мне, наверное, пора, — шепчет она, возвращая нас в реальность.

И мне бы очень хотелось отвести ее наверх в свою спальню и продолжить начатое, но чувствую, что не согласится, а форсировать я не хочу. Хочу смаковать и наслаждаться каждым сантиметром и каждой фантазией.

Но и прощаться тут же после близости не хочу. Еще раз обнимаю ее, потом подаю салфетки и помогаю одеться. После чего все же уговариваю не сбегать. Перемещаемся в столовую и еще часа два болтаем о всяком, целуемся, я показываю свои награды. В конце концов она же под этим благим предлогом пришла.

Позже я провожаю Эстер до дома. Дорога занимает у нас около часа, потому что я снова не могу от нее оторваться, хотя и идти тут максимум двадцать минут. Убеждаюсь, что амазонка благополучно оказалась дома, разворачиваюсь и абсолютно довольный жизнью иду домой.

Эстер

После вечеринки у Алекса я проснулась в отличном настроении, даже и не помню, когда такое было в последний раз. В голове сразу же всплыли воспоминания о вчерашнем вечере. И кажется, я впервые пожалела, что просыпаюсь одна, а не в объятиях мужчины, а точнее не в объятиях Йена.

Интересно, какой он с утра? Сразу просыпается или любит поваляться? Поцеловал бы меня или в первую очередь пошел в душ? Или может быть мы в полудреме занялись сексом, а потом вместе пошли в душ? Еще минут двадцать я лежу и фантазирую о пробуждении с викингом и встав, понимаю, что все это время улыбалась своим мыслям.

Я знаю, что Себ вернулся домой позже меня, и сейчас скорее всего еще спит. Настроение было хорошим, хотелось пританцовывать, и чтобы куда-то деть свою энергию, я решаю приготовить панкейки. Порадую себя и брата заодно, он их любит, особенно с джемом.

Интересно, а Йен с чем любит? Хочу его тоже угостить. Не скажу, что я мастерица кулинарить, но панкейки — это мое фирменное блюдо и я хочу, чтобы Йен убедился и восхитился моими творениями.

Включаю музыку и, двигаясь в такт, начинаю замешивать тесто и именно поэтому, видимо, не слышу, как хлопает входная дверь. И только когда большие, горячие ладони опускаются на мою талию, я понимаю, что не одна.

Непроизвольно вскрикнув и подскочив, я резко оборачиваюсь, параллельно ловя посуду с тестом.

— Привет, — убавляя музыку, говорит Йен и утыкается лицом в изгиб шеи. — Извини, что напугал. Я стучал, но судя по громкой музыке гостей тут не ждали.

Йен легонько целует мою шею, а я невольно покрываюсь мурашками, забывая и про тесто, и про джем и вообще про все. Поворачиваюсь и смотрю на него.

Он выглядит довольным. Чуть-чуть прищуривается, когда улыбается. Сегодня на нем тонкий темно-синий свитер, отчего его глаза выглядят не просто серыми, а какого-то стального цвета, джинсы и неизменный бун. Сурово, но привлекательно.

Он мне нравится. И я ему нравлюсь. Внутри все сладко скручивается и закручивается в очередной раз от осознания этого факта.

Пару секунд мы смотрим друг на друга, а потом Йен наклоняется и целует меня. Нежно, тягуче, не спеша. Наслаждаясь и смакуя каждое движение. Закидываю ему руки на шею и жмусь еще ближе, а Йен спускает руки с талии мне бедра и сжимает.

— Доброе утро! — Слышу бодрое приветствие брата откуда-то сверху.

Резко возвращаюсь в реальность. Какого черта ты встал так рано, хочется мне спросить, но я, разумеется, молчу.

Мне всегда было немного неловко перед Себом, когда появлялся парень. Все-таки я старшая сестра, всегда чувствовала ответственность, что должна приглядывать за ним. И вроде как одно другому не мешает, но вот такое вот у меня представление. Пытаюсь вырваться из рук Йена, но он, наоборот, прижимает меня крепче и так же бодро приветствует Себа:

— Доброе! Панкейки будешь? Эстер как раз собиралась делать. Я бы тоже

присоединился.

— Присоединяйся, если Эс не против, — тянет брат. Оба мужчины ждут моего ответа.

— Да, собиралась, — прокашливаюсь и отвечаю я, — садитесь, сейчас напеку.

Краем глаза вижу, как Себ уходит в ванную, а Йен целует меня в висок и, наконец, отпускает. Разворачиваюсь к плите и начинаю готовить первую партию.

— Джем достану, — говорит он и собирается пойти к холодильнику, но останавливается, видя как я тихонько смеюсь.

— Что?

— Ничего, — пытаюсь замять, но понимаю, что не отвертеться. — Просто утром как раз думала с чем ты любишь. Вот и ответ.

Так и зависаем дальше: он, на пути к джему и я, забыв про выпекание. Смотрим друг на друга и создаем какой-то свой мир вокруг.

— У тебя сейчас сгорит, Эс, — второй раз за утро нарушает нашу идиллию спустившийся сверху Себ.

— Ты и горелые ешь с удовольствием, — отвечаю, разворачиваюсь к плите и продолжаю готовить.

Что за настойчивость. Мне может и неловко, но он явно делает это специально.

— Да сегодня только горелые и будут, похоже, — вздыхает брат.

Дальше парни молча сервируют стол, а после сидят за столом друг напротив друга и общаются довольно натянуто.

Никак не могу понять, что между ними произошло. Вроде бы оба были достаточно дружелюбно настроены. Успели поругаться?

Через двадцать минут выключаю плиту и подаю на стол горку горячих блинчиков. Сажусь рядом с Йеном и тянусь за первым панкейком.

— Итак, вы теперь вместе? — Буравит нас взглядом брат.

Я так и зависаю с вытянутой рукой, потому что до меня вдруг доходит. Себ ревнует. Впервые на моей памяти, обычно брат был равнодушным и никак не реагировал на моих ухажеров.

Атмосфера за секунды густеет. Кидаю взгляд на Йена. Отношения и статус мы с ним не обсуждали. Тот факт, что кончили от рук друга друга еще ни о чем не говорит. И только я собираюсь как-то съехать в темы, как он уверенно заявляет:

— Вместе. Ты против?

Внутри все сжимается от радости. Не то, чтобы я не предполагала такое развитие событий, но получить подтверждение очень приятно.

Себастьян переводит вопросительный взгляд на меня, а следом и Йен.

Киваю брату, чувствуя, как викинг кладет руку поверх моей ладони на столе. Еще пара секунд и паузу между нами можно уже назвать напряженной, но тишину разбивает брат:

— Нет, не против. Просто хотел понимать. За вас тогда! — Произносит он шуточный тост, поднимая чашку с кофе. — Я пойду, собирались с Тобиасом еще спаринговаться сегодня.

— Ты же не ел толком, — по привычке начинаю беспокоиться о нем, — поешь нормально и пойдешь потом.

— Некогда, техника сама себя не отработает, — Себ встает из-за стола, на ходу поедая еще пару панкейков. — Все, ушел. Больше не мешаю вам, а то Эс мне на лбу дыру прожжет.

Так заметно было?

— Тобу привет, — кивает ему Йен, после чего брат выходит из столовой, а через пару секунд мы слышим хлопок двери.

Эстер

Мы остаемся в доме вдвоем. Поворачиваюсь к Йену и вижу, что он совершенно доволен. Решаю, что поведение брата стоит все же объяснить.

— Извини за Себа. Он обычно не лезет в мои отношения. Не знаю, что на него нашло.

— Все в порядке. Ты извини, что раньше не поговорили. И я рад, что ты тоже считаешь, что мы пара, — Йен перетягивает меня к себе на колени, усаживая лицом к лицу. — Панкейки шикарные, ты — волшебница.

Внутри разливается тепло, а губы растягиваются в улыбке. Мне приятно, что ему понравилась еда. Приятно, что хвалит. Приятно, что с уверенностью говорит о статусе наших отношений. Приятно, что все время тянется и ищет телесного контакта. Для меня это очень важно.

Обнимаю его за шею, и сама склоняюсь для поцелуя.

Нежно веду языком сначала по нижней губе Йена, потом по верхней, дразня и играя. Но на этом его терпение заканчивается, он кладет руку мне на затылок и целует глубоко с языком.

И я впервые могу описать поцелуй как вкусный. Камилла говорила так про поцелуй своего первого парня. Говорила, что с ним вкусно целоваться, а мне казалось это просто яркий эпитет. Ну как поцелуй может быть вкусным? Оказывается, может. Теперь и мне это известно.

Руки Йена тем временем спускаются по спине вниз и сжимают ягодицы.

— Задница у тебя огонь, конечно, — шепчет он мне в губы. — Еще в первый раз заметил, когда убегала от меня.

— Спасибо, ты уже говорил.

— И скажу еще не раз.

Снова улыбаюсь и начинаю ерзать у него на коленях, но Йен меня останавливает.

— А так лучше не надо, иначе мы из дома не выйдем, а у меня были на тебя планы сегодня.

— Что за планы? — Спрашиваю, послушно замирая. И с каких пор я слушаюсь его?

— Хочу показать тебе одно место. Возьмем с собой панкейки и проведем день вдвоем на природе.

— Свидание? — кокетничаю я.

— Свидание с моей девушкой, — уточняет Йен, снимая меня с себя, и поправляя ширинку. — Шустрее давай.

Чуть ли не подпрыгивая, несусь в свою комнату. Внутри все вибрирует от предвкушения. Что он задумал? Что можно делать на природе весь день? Нам хватит еды? Одеться теплее или полегче? Тысяча вопросов проносятся в голове, пока я собираюсь.

Скидываю платье и решаю, что джинсы со свитером будут идеальным вариантом. Мимходом смотрю на себя в зеркало. На мне простой черный комплект белья. Ничего особенного, но смотрится хорошо. Не знаю, как далеко у нас сегодня зайдет, но если все же решусь на близость, то хочу быть готовой. С собой беру еще плащ на всякий случай.

Спускаюсь вниз. Йен как раз укладывает в корзинку остатки завтрака и термос с чаем.

— Готова? — Спрашивает, услышав мои шаги.

— Да, ты уже все собрал?

— Только самое вкусное, остальное купим по пути если что.

— Мы же на природу едем. У кого мы купим? У белок что ли? — Начинаю хихикать своей же шутке.

— Природа не значит глушь, — объясняет Йен, бросая в корзину салфетки, — там, куда мы едем вполне себе цивилизованная природа.

Цивилизованная. Природа. Ладно, стало еще интереснее. Не спорю больше. Вкладываю ладонь в протянутую руку Йена и иду за ним к машине.

«Вернусь вечером», — пишу Себу сообщение на ходу. Брат хоть нас и благословил, но чуется мое сердце, стоит предупредить. Ответа нет, но это ожидаемо, раз он пошел на тренировку. Больше не беспокоюсь о нем. Здесь я чувствую себя в безопасности и все благодаря Йену.

Не дойдя до машины замираю и наблюдаю за ним. Смотрю, как достает ключи, как укладывает корзину в багажник. Хмурится, потому что та никак не желает вставать ровно. Как кивает кому-то из проходящих мимо людей. Потом доходит до пассажирской двери и открывает ее.

Вроде бы простые действия, но до чего же сексуально он все это делает. Внутри все снова сладко сжимается в предвкушении.

— Чего застыла?

— Задумалась.

— О чем?

— О свидании. Куда мы все-таки? — признаваться, что люблюсь им как-то вдруг неловко.

— Есть предположения? — он еще раз целует меня в губы и висок, помогает сесть и закрывает дверь. Садится на свое место, заводит машину.

— Нет. Что значит цивилизованная природа? Мне сложно представить. Дания прекрасна, но я все же больше городской житель.

— Так и подумал. Поэтому едем мы не в клуб, а на природу. Тебе понравится, городской житель, — обещает Йен, заводя двигатель.

Верю ему. Замолкаю и начинаю смотреть в окно на мелькающие домики. Мы едем некоторое время по поселку и через пять минут покидаем его границы.

Эстер

Всю дорогу Йен держит мою руку, иногда подносит ее к губам и целует. Боже, это такой милый жест, что у меня внутри в очередной раз все сжимается.

Примерно через полчаса он сворачивает с трассы на грунтовую дорогу.

— Менс Клинт? — спрашиваю с удивлением, издали узнавая белые скалы.

— Да, люблю это место. Часто бывали здесь с родителями в детстве. А ты? Ты ведь вообще не отсюда, верно?

— Не отсюда, — подтверждаю — папа местный, но надолго уезжал из страны, а вернулся женатым и с двумя детьми. Мы живем в Копенгагене уже семь лет, но я так и нашла времени выбраться сюда.

— Даже завидую немного, — улыбаясь, он кидает взгляд на меня — место очень красивое. “Здесь родилась Дания”, говорят ученые.

— Вся в предвкушении.

— И я, — тихо бормочет Йен.

Не развиваю мысль, что он имеет в виду. И без того волнительно. Мы паркуемся и выходим из машины. Йен покупает входные билеты, забирает нашу нехитрую провизию из машины, и мы идем гулять.

Первым делом Йен ведет меня к скалам, по пути рассказывая историю появления этого места, почему оно популярно и так значимо для страны. И хоть я про все это читала, все равно слушаю, потому что он интересно рассказывает, с шутками, комментариями, своей интерпретацией каких-то событий.

Удивительное сочетание белых скал и прозрачного моря заставляет меня зависнуть на несколько минут. Впереди чистейшее море зелено-синего оттенка, ближе к берегу видны красные водоросли. Природа умеет создавать красоту.

Хоть сейчас и весна, ветер все равно пронизывает. Я вздрагиваю от очередного порыва. Йен подходит и обнимает меня сзади. Приятно, я снова ловлю волну мурашек, только теперь уже от его присутствия.

— Завораживает, — говорю, прижимаясь к парню.

— Почему за семь лет жизни в Копенгагене, так и не смогла добраться сюда?

— Сама не знаю. Наверное, не этого было. Родители познакомились на Кубе, мама родом оттуда. Когда мне было шестнадцать, мы узнали, что у мамы рак, — сглатываю, потому что всегда сложно говорить об этом. — Отец сразу же перевез нас сюда, ведь медицина здесь лучше. Было не до прогулок первое время. Мама быстро сгорела. К сожалению, врачи не помогли, ее не стало через год после переезда. А еще через два ушел и отец. Мы с Себастьяном остались вдвоем, я училась, подрабатывала. На развлечения мало времени оставалось. Потом началась работа, а у нас коллектив не особо любит выбираться на природу, чаще по тусовкам в городе. В общем, то одно, то другое и так и не поехала.

— Сожалею по поводу родителей. Так и понял, что ты не северная девушка, очень непохожа на местную.

— Спасибо. Ну а ты настоящий северный парень, потомок викингов, я ведь угадала? — смеясь, оборачиваюсь к нему и получаю нежный поцелуй в губы.

Йен улыбается и задерживает на мне взгляд, рассматривая. Потом вздыхает и смотрит

вдаль на море.

— В родстве с викингами не уверен, но я действительно родился здесь, как и несколько поколений до меня. Мои родители живы, мы живем вместе, ты была в нашем доме, — воспоминаниями тут же проваливаюсь во вчерашний вечер в гостиной, от чего внутренности совершают кувырок. Невольно улыбаюсь, а Йен продолжает, — про семейный бизнес тебе рассказывал. После отца все перейдет ко мне и братьям.

— Здорово. Зубы я, кстати, у вас лечу.

— Польщен, но не удивлен. Мы же лучшие, — смеется Йен, и я вместе с ним.

Дальше мы гуляем по одной из тропинок для туристов, иногда натыкаясь на велосипедистов и других посетителей, спускаемся к подножию скал. Виды цветущих орхидей и аккуратный, словно сказочный, густой буквый лес очень успокаивают и наполняют. Признаю, эта природа действительно цивилизована.

Останавливаемся на одной из лужаек, в стороне от основной тропы и устраиваем небольшой пикник с видом на Балтийское море.

— Очень вкусно, — снова говорит Йен, доедая последний панкейк.

— Спасибо! — довольная собой, допиваю чай, и сама тянусь к нему, чтобы поцеловать. Не могу перестать это делать. Очень нравится его касаться. Йен, перехватывает, усаживает сверху и поддерживает. Так мы сидим еще какое-то время. Ласкаемся, много смеемся и болтаем о пустяках.

— Итак, значит ты журналист, — убирая волосы мне за ухо, спрашивает Йен.

— Была. Я уволилась, после того, как Себа освободили.

Рука Йен замирает, он сводит брови вместе, застывая на мне взглядом.

— Почему?

— Не хочу повторения ситуации с Кристианом. Мало ли кто еще решит воспользоваться ситуацией. Не хочу больше шантажа, хоть и понимаю, что ситуация вряд ли повторится.

— Уверена? Я читал некоторые твои интервью, очень талантливо. А это медиа имеет хорошие рейтинги.

— Спасибо, — невольно улыбаясь, говорю я, — но да, уверена. Я решила вести свой блог. Примерно на ту же тему, только хочу говорить с известными людьми напрямую. Без подготовки, без согласования текстов с пиар-менеджерами, без редполитики издания. Сейчас это модно, эдакая беседа в прямом эфире.

— Видел. Прикольно, — улыбаясь, Йен неспешно водит рукой у меня по спине. Приятно так, что хочется даже мурлыкать. — У тебя получится, уверен.

— Почему? — Да, я может напрашиваюсь на комплимент, но в любом новом начинании нужна поддержка.

— Все данные при тебе: ты красива, на тебя приятно смотреть. Ты умна, с тобой приятно говорить, а значит беседы уже не будут плоскими. Ты смелая, не побоялась пнуть меня и сбежать, — усмехается Йен, глядя мне в глаза.

— Ты еще долго будешь мне это припоминать? — откровенно смеюсь, спрашиваю. — Я и не от смелости, кстати, пнула, а от отчаяния.

Теперь уже смеется он и обнимает меня крепче.

— Ну а ты? Что дальше хочешь? После того, как станешь полноправным владельцем бизнеса, — теперь моя очередь спрашивать.

— Дальше хочу открыть сеть клиник по всей Европе. Возьмешь у меня интервью, когда станешь известной блогершей?

— Договорились. Ты симпатичный, женская аудитория любит таких, сможешь набрать очередной миллион просмотров.

— Чувствуется опыт в охоте за трафиком, — снова смеется Йен.

— Что? Я думаю о своей аудитории! Надеюсь ты не растолстеешь к тому времени, как станешь богат.

Йен только качает головой. Он прижимает меня еще крепче к себе. Мы молчим какое-то время, а потом он выдает:

— Еще семью хочу. Такую, как моя: свой дом, жена, дети. Мои родители молодцы в этом плане, нас трое братьев, мы очень дружны, но при этом каждый реализован, у каждого своя жизнь. И секрет в том, что нас не словами воспитывали, а собственным примером.

Слушаю его и невольно соглашаюсь с каждым словом. Моя семья тоже была полной, дружной и самодостаточной, пока смерть не забрала родителей.

Йен улыбается и снова меня рассматривает. А я его. Мы еще какое-то время болтаем, после чего начинаем собираться.

Темнеет, становится прохладнее, и мы перемещаемся в геологический музей, большая часть помещений которого находится под землей. Часа два дурачимся там, а когда выходим, то уже совсем поздно.

— Здесь можно остаться с ночевкой, мы не все посмотрели. Завтра еще покатаемся на лошадях и хотел показать тебе маяк Мен, потом вернемся домой. Что скажешь? — Прижимает меня к себе Йен.

Я понимаю, что если соглашусь с ним переночевать, то у нас будет секс. Знает и он. Прислушиваюсь к себе, стараясь понять хочу я этого или еще недостаточно ему доверяю и не готова сделать шаг дальше.

Смотрю в глаза Йену. Там желание, которое он сдерживает, а еще готовность принять любой мой ответ.

А я вдруг четко и ясно осознаю, что хочу остаться, потому что мне нравится этот мужчина. Мне нравится чувство безопасности, надежности, что он дает. Мне нравится, как он говорит, как пахнет и его забота обо мне.

— Давай останемся, — решаю я.

Йен целует меня, потом берет за руку, и мы идем заселяться в отель.

Эстер

Йен снимает номер с видом на озеро. Внутренний интерьер очень минималистичен: пастельные тона, в правой части комнаты диван и маленький столик. Кровать в центре, изголовьем к стене. Еще есть небольшая ванная комната и панорамное окно, где я и залипаю, рассматривая водную гладь. Вечер ясный, озеро окружено деревьями, которые сгущаются на противоположном берегу, словно размывая его, а в центре бликует луна.

Волнительно. У меня немного дрожат руки и чуть-чуть кружится голова. Как будто впервые с парнем. Оборачиваюсь, чтобы что-то сказать, но Йен опережает:

— Что заказать на ужин?

— Что-нибудь легкое? Может салат и закуски?

Он кивает и звонит на ресепшн.

А я иду в душ освежиться, радуясь параллельно, что с утра побрила ноги и тут не о чем беспокоиться. Мою голову, нежась под теплыми струями. Когда выключаю воду, слышу, что Йен с кем-то говорит по телефону. Надеюсь, ничего срочного. Я по-прежнему волнуюсь, но больше предвкушаю. Накидываю только свитер, благо он длинный, примерно до середины бедра и выхожу из ванной.

Йен оборачивается, окидывает взглядом мои ноги, медленно поднимается выше и смотрит в глаза.

— Да, все. На связи, — сбрасывает вызов и убирает гаджет в карман джинс.

Кажется, что его взгляд чуть темнеет, а зрачки расширяются.

Ему нравится. Я ему нравлюсь. Мне приятно и внизу живота сладко екает.

Прохожу в комнату, не разрывая зрительного контакта. Не покидает ощущение, что стоит мне сделать резкое движение, и он набросится. Еще пара секунд, после чего я отвожу взгляд, а он прокашливается.

— Я в душ. Быстро, — чуть хрипло говорит и исчезает в ванной.

Выдыхаю и ловлю себя на мысли, что накинься он сейчас на меня, то я бы только поддержала. Лицо горит. Прижимаю ладони к щекам, чтобы остудить немного.

Замечаю, что стол уже сервирован, в комнате приглушен свет и еще стало заметно теплее, а может я в душе согрелась хорошо. Смотрю на себя в зеркало еще раз. Влажные волосы на плечах, легкий румянец. Свитер чуть сполз с одного плеча. Мысленно ставлю себе десять баллов за внешний вид.

Не проходит и пяти минут, как дверь открывается и выходит Йен. Теперь моя очередь разглядывать его. Плоский живот, рельефные мышцы рук, подтянутая фигура. Идеальный перевернутый треугольник. «Хочу», проносится в голове мысль.

Босой, на нем только джинсы, идет ко мне и по пути натягивает футболку. Собирает волосы на голове в неизменный бун, подходит и обнимает, крепко-крепко, как будто давно не видел.

— Не могу перестать касаться тебя, — шепчет мне в висок. Обнимаю его за торс, поднимаю голову и подставляю губы для поцелуя.

Вчера Йен брал напором, а сегодня удивительно нежен. Он берет в руки мое лицо и целует сначала губы, не углубляя, а просто ласкает. После чего отстраняется и внимательно смотрит в глаза. Не останавливайся, хочется мне сказать. Не знаю, улавливает ли он мой

посыл или ведом своими желаниями, но в следующую секунду Йен наклоняется и ведет языком по моей шее снизу-вверх к подбородку.

С шумом втягиваю воздух, сминая его футболку и утыкаюсь лбом ему в грудь. Волна мурашек сбегает по телу, а колени становятся ватными. Чувствую, как тепло и приятное томление внизу живота усиливается. Я вижу, что получив отклик, он стал дышать чаще и сжал меня еще крепче. Между нами искрит.

— Поужинаем? — Слышу над своей головой.

Классно, конечно, что он решил позаботиться о наших желудках. Но сейчас мне кажется, что лучшей заботой было бы заняться сексом и снять напряжение. Смешно от собственных мыслей, что я даже прыскаю. Впору как в лучших эротических фантазиях просить, чтобы меня трахнули.

— Что? — тут же реагирует мой викинг.

Мотаю головой и тяну его к столу.

— Давай поужинаем, да.

Йен отодвигает для меня стул. Сажусь. Он открывает вино, разливает по бокалам, и мы приступаем к еде.

— Пока ты была в душе, мне звонил Оливер.

— Твой знакомый из полиции?

— Да. Кристиана поймали на границе, пытался покинуть страну.

Упоминание Нильсона неприятно колет внутри.

— Его будут судить?

— Да, и скорее всего посадят. Возможно понадобятся твои показания, хотя я постараюсь обойтись и без этого, — негромко замечает Йен и внимательно на меня смотрит.

Киваю, помня про свое обещание. Кладу приборы на стол, опускаю голову и молча смотрю на салат в тарелке, осознавая информацию.

Кристиана посадят. Я рада? Нет, но я определенно чувствую удовлетворение, что справедливость восстановлена. Я столько никогда в жизни не нервничала и почти пошла на уголовное преступление. Он точно заслуживает наказания.

— Эстер? — Йен кладет руку поверх моей, возвращая в реальность. — Ты в порядке?

— Да, все нормально, просто Кристиан неожиданно ворвался в наш день.

— Извини, не хотел портить тебе настроение, думал, порадуешься, что он будет наказан.

— Я рада. Наверное, — улыбаюсь. Йен тоже кладет приборы. — Просто неприятно вспоминать эту историю.

— Понимаю, — чувствую, как он поглаживает мою ладонь большим пальцем. — Главное, что ему не удалось втянуть тебя в свои махинации.

Смотрю на него и молчу. Сказать, что компромат какую-то часть времени был у меня? Вдруг это важно? С другой стороны, меня никто не видел, и никто об этом не знает. Какой смысл рассказывать сейчас, когда я уже давно удалила все файлы.

— Эстер? Все в порядке?

Медлю пару секунду, а затем киваю. Не буду рассказывать. Не хочу.

— Иди ко мне, — он чуть-чуть тянет меня за руку на себя.

Откладывая приборы, делаю глоток вина, встаю и иду к нему. Йен откидывается на кресле, наблюдая за моими действиями. Подхожу ближе, встаю между ног и кладу руки на

плечи, его же ложатся на мои ноги под бедра.

Глажу мягкую щетину, пока он также аккуратно ведет по моим ногам, поднимаясь выше и уже касаясь ягодиц.

Наклоняюсь и прижимаюсь губами. Поцелуй получается именно таким, как я хочу: медленным, чувственным и тягучим.

Йен задирает мой свитер и кладет руки на голые ягодицы. Отстраняется и заглядывает в глаза, приподнимая бровь. Удивлен, что без белья.

— Все равно же снимать, — пожимаю я плечами.

Тяну его вверх и как только Йен встает, поднимаю его футболку. Хочу уже коснуться этого тела. Он снимает ее, скидывает на стул и снова прижимается к моему рту губами. Я кладу руки на его пресс и трогаю горячую мягкую кожу.

Йен снова нежничает. Целует мои щеки, линию подбородка, мочку уха и смещается на шею. Руки тем временем мнут задницу. Чувствую, как между ног увлажняется и тянет. Боже, еще чуть-чуть, и я начну нетерпеливо постанывать.

Йен делает шаг назад, медленно утягивая нас к кровати. И когда уже его ноги упираются в матрас, он отрывается от меня, поднимает края свитера и тянет вверх.

Одно движение, и я стою голая перед ним. И хоть в комнате и тепло, я вся в мурашках. Одна гигантская дрожащая мурашка. Боже, да с чего такое волнение. Облизываю пересохшие губы.

— Ты очень, очень красива, Эстер, — Йен ведет пальцами от моей кисти, по плечу, рассматривая при этом лобок, живот, грудь, шею и возвращается к глазам.

Я тем временем смелею и тянусь к пуговице его джинс, начиная расстегивать. Верхняя, нижняя, потом молния. Чуть приспускаю и вижу головку возбужденного члена. Йен тоже без белья. Замираю на секунду, поднимая на него взгляд.

— Все равно же снимать, — возвращает он мои слова.

Улыбаюсь и целую его в грудь, Йен опускает руку в задний карман джинс, достает серебряные квадратики, бросает их на кровать. А дальше снимает джинсы, откидывает их в сторону и роняет нас на кровать.

Кажется, я только сейчас в полной мере осознаю насколько он большой. Чувствую себя совсем маленькой под ним.

Йен ласкает шею, ключицы, не торопясь спускается к груди и прикусывает сосок. Невольно выгибаюсь и тихо хнычу от спазма внизу живота.

Он отрывается от груди, на губах играет лукавая улыбка. И мне вдруг неловко за столь бурную реакцию.

— Извини, — шепчу я.

— Не извиняйся, — он едва качает головой из стороны в сторону. — Мне нравится твоя реакция.

Йен поднимается на локтях выше. Так, что наши лица оказываются на одном уровне. Кладет ладони мне на голову, словно обнимает и снова целует. И этот, казалось бы, простой жест, дарит ощущение безопасности. Я расслабляюсь. Забываю про Кристиана, про волнение и с головой ныряю в море нежности, создаваемое Йеном.

Обнимаю его ногами за торс, чувствуя внутренней частью бедра горячий, твердый член. Ловлю его язык и начинаю посасывать. И снова мелькает мысль, что мне вкусно.

Йен отрывается, тяжело дыша. Зрачки расширены, взгляд словно остекленел. Я понимаю, что он уже на пределе. Как и я. Он наверняка почувствовал, что между ног у меня

влажно и горячо. Дальше действуем почти одновременно: расцепляю ноги, он отталкивается и тянется за презервативом. Торопливый шелест пачки, и я уже наблюдаю, как он раскатывает презерватив по члену.

Поднимаю руки и тянусь, невербально поторапливая.

Йен берет меня за щиколотки и разводит ноги в сторону. Опускается так, что его руки оказываются по обе стороны от моего лица, и он аккуратно берет его в ладони.

Его достоинство упирается мне в промежность. Мне даже немного неловко, что я настолько его хочу, что уже буквально теку. Но уже в следующий момент становится не до этого, потому что Йен делает толчок бедрами и входит в мое тело.

Вдыхаю и выгибаюсь. Пальчики на ногах поджимаются от удовольствия. Мне приятно. Он растягивает меня изнутри, мышцы невольно сокращаются. Йен ловит мои губы и вместе с поцелуем начинает двигаться.

Толчок. Толчок. Толчок.

Наши языки сплетаются, мои руки у него на спине, гладят его от затылка до ягодиц.

Толчок. Толчок. Толчок.

Дальше я сама прерываю поцелуй, потому что мне перестает хватать кислорода. Слишком много ощущений во всем теле. Мне хочется замедлиться и ускориться одновременно. Мне хочется остановиться и вместе с тем сделать так, чтобы это не заканчивалось.

Йен как будто синхронизирован со мной. Не успеваю сказать о своих противоречивых желаниях, как он поднимается на локтях и начинает двигаться активнее.

Чувствую, как внутри нарастает напряжение. Еще несколько быстрых движений, а потом он выходит, чтобы встать на колени. Притягивает меня за бедра ближе к себе и закидывает ноги себе за спину.

— Боже, — шепчу, снова выгибаюсь, когда он начинает трахать меня так. Другой угол вхождения, он задевает внутри какие-то особые точки и ощущения становятся в разы острее.

Мне жарко, убираю волосы, прилипшие к лбу. У Йена и вовсе течет капелька пота по виску. В какой-то момент он замедляет темп. Хочу поймать его взгляд, но сейчас он смотрит не на меня, а вниз. Туда, где наши тела соединяются. Полностью покидает мое тело и снова загоняет член, с особым усилием в конце. И на каждом толчке я дергаю. Мне мучительно-сладко.

Напряжение внизу живота начинает достигать пика. Как волны, которые накатывают с каждым разом все больше и больше и вот-вот накроют с головой.

Мне не хватает еще чуть-чуть для разрядки. И Йен, словно улавливая мое настроение, тянет руку и сжимает один из сосков.

Взрыв.

Мышцы сокращаются, сладкая судорога и я почти задыхаюсь от силы оргазма. Таких сильных ощущений у меня еще никогда не было. Я как будто вышла из тела и снова вошла. Выгибаясь, я одновременно сжимаю коленями Йена. Он замер и ждет, пока я попытаюсь справиться с оргазмом. И как только, спазмы спадают, переносит руки мне на щиколотки.

— Разведи ноги шире, — хрипит.

Делаю как просит. Чувствую, как он ускоряется. Мне кажется, что я чувствую, как его член внутри набухает. Дальше несколько особенно сильных толчков, после чего я чувствую его пульсацию внутри. Йен опускается на меня и коротко стонет мне на ухо.

А потом он расслабляется, скатывается справа от меня, утягивая и мы вместе качаемся

на волнах расслабления.

Хо-ро-шо. Мне очень хорошо. С этими мыслями сознание отключается, и я засыпаю.

Эстер

Утром я просыпаюсь, когда чувствую ласковые поглаживания. Йен водит губами по плечу, а руками крепко обнимает, прижимая к себе спиной.

Мы лежим под одеялом. Тепло, тихо. За окном уже светло, но вряд ли уже середина дня, скорее раннее утро. Почти мурлычу от того, насколько мне приятно. Понимаю, что вчера уснула без душа. Голая. Можно сказать, что почти под ним.

Становится вроде бы неловко, но задницей продолжаю вжиматься в Йена и чувствую член, что в ответ упирается мне в поясницу.

Ласки становятся активнее, его ладони добираются до груди и пальцы сжимают соски. Несильно, но достаточно для того, чтобы волна мурашек скатилась вниз, а я резко выгнулась.

Он настойчивее целует за ушком, плечи, между лопаток. Вторая рука опускается мне между ног и начинает ласкать клитор, палец легко скользит от него ко входу во влагалище и обратно. Чувствую, как внутри все сладко сжимается, внизу живота тяжелеет, а между ног становится влажно. Стону и закрываю глаза от накатывающего удовольствия.

И тут у Йена заканчивается терпение, потому что он откидывает одеяло, наклоняется и по-животному проводит языком по моей щеке. И меня снова вставляет эта дикая, совершенно далекая от приличий привычка. Выпячиваю задницу больше, поджимаю верхнюю ногу, приглашая и подставляя себя. Йен прижимается ближе и плавно вводит член.

Внутри остро, приятно и мало. Мне мало, и я непроизвольно толкаясь навстречу. И он не разочаровывает, тут же начинает двигаться: мощно, размашисто и быстро. Упираюсь руками в изголовье. Мурашки бегут по телу, внизу живота снова концентрируется напряжение и начинаются спазмы. Я протягиваю одну руку и сжимаю его бедро. Мы оба надсадно дышим, неизбежно приближаясь к пику. Утром все даже быстрее, чем было накануне.

Еще серия таких же толчков и я взрываюсь. Йен догоняет почти сразу же, вытаскивая член и кончая мне на ягодицу. Чувствую, как сперма стекает на ногу вязкой и теплой жидкостью.

— Нормально, Эс? — спрашивает Йен, обнимая. — Извини, не смог удержаться. Твоя задница слишком аппетитно торчала.

— Нормально, — улыбаясь, поворачиваюсь к нему лицом.

Рассматриваю его. Морщинки, щетину, безумно красивый серый цвет глаз, ухмылку. Веду руками по мощным плечам, рукам. Они сейчас напряжены и словно сделаны из камня. Татуировка, конечно, дополняет образ. Начинается на груди и витиеватым узором ползет вверх. Все же он очень похож на викинга.

Мне хочется верить, что и он любит меня. Конечно, любит, конечно, даже не сомневайся, одергиваю сама себя.

Мы валяемся еще с полчаса, а потом идем в душ. Вместе. И снова трахаемся. Не слишком ли много секса для первого раза, спрашиваю сама себя. Не слишком, тут же парирую. Он нравится мне, я — ему и нам хорошо вместе. Это самое важное.

Позже мы катаемся на лошадях и гуляем вдоль маяка Мен и я во второй раз очаровываюсь местной природой. Радуюсь, что Йен меня сюда пригласил: отличный релакс после пережитого стресса.

А еще он постоянно меня касается, в очередной раз подтверждая свои слова, о необходимости в этом: то держит за руку, то целует, но чаще просто обнимает. Стопроцентная тактильность, как я люблю. И я снова ловлю себя на мысли, что мне хорошо сейчас: я спокойна, расслаблена и наслаждаюсь происходящим. Снова напитываюсь теплом, что продуцируем, находясь рядом.

Обедаем в отеле, после чего идем сдавать номер.

— Обязательно посетите пещеры парка Хокинг-Хиллз в следующий раз, — советует провожающий нас портье. — Пепельная пещера и водопады еще никого не оставили равнодушными.

— Спасибо, — киваю ему на прощанье и начинаю гуглить про эти пещеры.

— Съездим как-нибудь в выходные, покажу тебе самый красивый водопад, — предлагает Йен, замечая мой поисковой запрос.

— Спасибо, — улыбаюсь и целую его. Увы, и там я не была по той же причине: не нашла времени.

По пути домой отвечаю на звонок Себа и успокаиваю брата, что со мной все в порядке и что скоро буду дома. Отправляю пару сообщений Камилле. Надо бы встретиться с ней, давно не виделись. Мы созванивались пару раз, она знает про ситуацию в целом, но чувствую, что хочет подробностей.

Начинаю немного дремать, поэтому обратный путь проходит быстрее. Примерно через пару часов мы въезжаем в поселок. Йен останавливается у нашего дома и глушит мотор.

— Пошли провожу, — он выходит из машины, помогает мне, берет за руку и доводит до двери.

Прижимает к себе, вдыхает глубоко и целует. Кажется, что недолго. Я уже по привычке растворяюсь в ощущениях. Не замечаю ни проходящих мимо людей, ни звука входящего сообщения. Хоть инопланетяне паркуйтесь посреди лужайки. Мне все равно.

— Привет, — прерывает нас высунувшийся из дома Себастьян. — Вы или зайдите в дом и закончите начатое или расходитесь уже. Зрителей собрали.

И только в этот момент я замечаю, что на противоположной улице скучковались женщины и тихо разговаривают, бросая в нашу сторону насмешливые взгляды.

Упс!

— Завидуйте молча, — парирует Йен, крепче меня обнимая. — Как дела тут без нас?

— Нормально, — отвечает брат. — Только не увози больше так Эстер. Я переживаю.

— Себастьян! — Мне неловко за эту неуместную заботу. — Мне не десять лет, и даже не пятнадцать. Спасибо, конечно, но это лишнее. Тем более, что я тебе писала.

— Ты прав, извини. В следующий раз обязательно предупрежу. Рассчитывали на день, но в итоге переиграли, — к моему удивлению говорит Йен.

Брат недовольно кривится, но кивает и уходит обратно в дом.

— Что? — реагирует Йен, когда я молча на него смотрю. — Себ прав. Вспомни себя на его месте. Когда брат пропал ты на все была готова.

Ну да, неохотно соглашаюсь. Поднимаю руки в знак капитуляции и уже хочу прощаться, но Йен сам притягивает меня к себе и целует еще раз.

— Увидимся, — говорит он, крепко меня сжимает и только после этого отпускает.

Поднимаюсь на крыльцо, оборачиваюсь напоследок, ловя его взгляд и, наконец, захожу в дверь.

— Себ, прости, — кричу вглубь дома. — Ты был прав, а я вспылила.

Знаю, что он меня услышал и иду в сторону кухни.

— Знаю, что прав и великодушно тебя прощаю. Запомни мою доброту. Как съездили? —

Брат не отстаёт от меня и следует по пятам.

— Очень хорошо, — улыбаюсь я в ответ, игнорируя колкость. — Правда, все отлично.

Межбровная складка на лбу Себа разглаживается и, кажется, он расслабляется.

— Ладно, но больше не пропадай так, пожалуйста, я волновался.

Решаю не спорить и не объяснять, что с Йеном я в безопасности и просто киваю. Брат ещё какое-то время меня рассматривает, потом складывает руки на груди и опирается о косяк двери.

— Ты вся светишься. Влюбилась что ли?

Оборачиваюсь и смотрю на Себа. Он серьёзен и как будто обеспокоен. Пожимаю плечами и просто улыбаюсь.

Брат вздыхает, проводит рукой по волосам и наклоняется за спортивной сумкой. Только сейчас замечаю её у ног Себастьяна.

— Ладно. Я на тренировку.

— Опять? Вечер же уже.

— Да, мне нравится. Тобиасу нужен партнер для тренировок, а мне наставник. Взаимовыгодное сотрудничество.

— Во сколько вернешься? — машинально спрашиваю.

— Около одиннадцати.

Киваю и иду к кофеварке.

— Вот видишь? Простой вопрос и простой ответ, без всяких претензий, — говорит Себ.

— Ты сказал, что простил, засранец мелкий, а сам упрекаешь.

— Уже давным-давно из нас двоих мелкая это ты.

Хватаю со стола прихватку и бросаю в него.

— Иди уже.

Себ смеется, машет мне и уходит.

Иду за молоком и невольно торможу, рассматривая себя в отражении холодильника. Губы горят от поцелуев, волосы немного растрепаны, но глаза действительно светятся. Ещё я пахну Йеном, а внутри меня бабочки бушуют. Я полна энергии и постоянно хочу улыбаться.

Пью кофе, прокручивая в голове два прошедших дня. Пожалуй, стоит признать очевидное: я влюбилась в Йена. Со мной ещё не было таких сильных чувств и так быстро. И совершенно точно ещё ни с кем я не чувствовала себя рядом так спокойно, как с ним. Разве что с папой, когда была маленькой.

“Мужчина в первую очередь должен обеспечить тебе стабильность и безопасность”, — всегда говорил отец.

“Хочу красивого мужа”, — упорно твердила я, но папа оставался непреклонен: “Из вас двоих красивой будешь ты, а он пусть будет надежным”.

Я поймала комбо, папа: мне достался красивый и надежный.

Мою чашку, поднимаюсь наверх, принимаю душ и уже собираюсь лечь спать, как вспоминаю, что в телефоне ждет не открытое сообщение. Мы так и не договорились с Камиллой о встрече. Прикидываю, когда примерно мне будет удобнее и решаю предложить ей встретиться в среду.

Тянусь к гаджету. Но там не Камилла. Одно сообщение от неизвестного абонента. Открываю и невольно вздрагиваю.

“Натраhalась? Ты мне за все ответишь, лживая дрянь”.

Йен

— Подъем, — слышу сквозь сон голос Эмиля.

— Да отвали ты от него, он может лег за полночь, дай человеку поспать еще немного, он успеет собраться, — а это уже Уил.

— Как он там всегда говорит? Ранние подъемы способствуют продуктивности. Сейчас уже далеко не рано. Йен! Вставай, — продолжает орать Эмиль.

Переворачиваясь с живота на спину и рывком сажусь на кровати. Уже достаточно светло. Вчера, после того, как попрощались с Эс, я ездил в городской офис, забрал некоторые документы, потом работал. И да, лег поздно.

Тру лицо, сгоняя остатки сна и поднимаю взгляд. Братья расположились по комнате: один на сидел в изножье кровати, другой в кресле.

— Сколько время? — Шарю в поисках телефона. Вчера точно засыпал с ним в руках.

— И хоть счастливые часов не наблюдают, Йен, время почти двенадцать часов. Скоро обед. Мама просила разбудить тебя.

Застываю на пару секунд. Я редко встаю позже семи, но чтобы в обед — это нонсенс. Как, впрочем, и тот факт, что меня будят. Теперь понятно. Сегодня еще и воскресенье, а у нас по воскресеньям запланированы семейные трапезы.

Скидываю одеяло и иду в душ. В голове проносятся события вчерашнего дня. Эстер и наша первая ночь вместе.

Хочу, чтобы она сейчас была здесь. Затащил бы в душ и получился бы у нас отличный утренний секс. И чем больше я вспоминаю ее тихие стоны, мягкую задницу и твердые соски, тем сильнее кровь приливает к паху. Блять. То, что нужно для семейного обеда.

Переключаю температуру воды на холодную, потом снова на горячую, организуя себе контрастный душ и заряд бодрости. Обматываю полотенцем бедра и выходу, по-прежнему обнаруживая братьев в комнате.

— Че третесь здесь до сих пор? Соскучились что ли так сильно?

Оба смотрят на меня исподлобья. Понимаю, что не просто так ждали меня. Видимо есть разговор. Понятия не имею о чем, и не уверен, что хочу знать. Поэтому молча прохожу в гардеробную. Надеваю футболку, джинсы и кроссовки. На руку часы, на голове привычный бун. Состричь их что ли? Смотрюсь в зеркало еще пару секунд и возвращаюсь в комнату.

Телефон так и не нашел с утра. Ладно, вряд ли за ночь что-то случилось, проверю позже. Выхожу и встаю напротив обоих родственников.

— Слушаю.

— Эстер придет на обед? — спрашивает первым Уил.

Вот оно что. Амазонка не только мне покоя не дает. Интересно, родителям тоже уже сказали?

— Мама уже знает, что у тебя появилась девушка. Утром приходила соседка, сказала, что ты вчера никак не мог оторваться от какой-то девушки, и что она никогда не видела тебя таким влюбленным, — словно читая мои мысли рассказывает Эмиль.

Пара секунд и начинаем ржать.

— Так и сказала? — отсмеявшись, уточняю.

— Ага. Вот мы и пришли увидеть воочию, так скажем, — продолжает стебаться Эмиль.

Люблю свой дом и поселок. Но скрыть здесь что-то практически нереально. Вздыхаю и качаю головой. Снова возвращаюсь к кровати и ищу телефон. Куда он, блять, делся?

— Так она придет?

— Нет, Эстер не придет сегодня.

— Почему? Мы думали у вас все серьезно, — не унимается Эмиль.

— У нас серьезно, но я забыл про воскресенье, про сегодняшней обед и не предупредил ее заранее. Придет в следующий раз.

Мимходом отмечаю улыбки на лицах братьев. Болеют за нас? Приятно. Наконец, обнаруживаю телефон под подушкой. Одно уведомление в чате от Эс. Открываю диалог: “сообщение удалено”. Странно. И только я собираюсь позвонить ей и узнать, что она там удалила, как мы слышим снизу голос матери:

— Мальчики, обед готов. Спускайтесь.

Как один поднимаемся и идем вниз. К обеду опаздывать у нас не принято, особенно к воскресному.

Почти всю неделю каждый из нас чем-то занят, мы можем и не пересекаться, но воскресенье всегда для семьи. Мама сама готовит в этот день свои фирменные блюда. Так и сегодня: она решила, что сегодня итальянский обед. Поэтому едим пасту, теплый салат и свежий чесночный багет по ее фирменному рецепту.

Уил хвастается новыми рекордами в зале, уплетая обед за обе щеки. Спорт ему всегда нравился. Не уверен, что он когда-нибудь всерьез займется семейным бизнесом. Скорее откроет что-то свое, связанное со спортом. Эмиль ставит нас в известность, что в следующее воскресенье обед пропустит, так как едет на день рождения. Этому брату всегда нравились тусовки. Заинтересованности в стоматологии у него тоже не наблюдается. Если он и решится на что-то свое, то это будет скорее ночной клуб.

А вот родители удивляют, когда сообщают, что едут в отпуск на месяц. Летом они обычно активно работают. Отец, конечно, не впервые оставляет управление на меня, справлюсь. Но все же новость неожиданная.

Про Эстер никто не спрашивает. Родители, хоть и в курсе, но тактично молчат, а я жалею, что не додумался позвать ее сегодня. Слишком быстро нас закрутило и утопило в удовольствии и наслаждении друг другом.

— Йен, зайди, есть разговор, — говорит отец, когда обед заканчивается, и я снова тянусь к телефону, чтобы уже позвонить Эс.

Мы идем в его кабинет. Если они собрались в отпуск, значит, как обычно, даст несколько наставлений. Сажусь за стол, ожидая указаний. Отец заводит руки за спину, смотрит в окно пару секунд, а потом достает папку и кладет передо мной. Бегло читаю и понимаю, что это дарственная на передачу контрольного пакета акций. Подписанная.

Поднимаю на него взгляд и жду комментариев. Но отец молчит и спокойно смотрит мне в глаза.

— Ты решил уйти?

— Да. Посоветовался с матерью и решил, что хватит с меня. Большую часть акций получишь ты, как и планировалось. Остальное поровну разделю между Эмилем и Уиллом. Поздравляю, сын, бизнес теперь твой. Развивай, приумножай и славь, — лаконично заканчивает отец, протягивая мне руку.

Машинально поднимаюсь за ним и жму ладонь.

— Не рад что ли?

— Рад, просто не ожидал. — Пытаюсь осознать новость.

— Пошли, откроем ради такого случая бутылку шампанского.

Семья оказывается в курсе, поскольку уже ждут внизу с бокалами и охлажденным напитком.

— За большого босса, — орут братья наперебой.

Мама просто обнимает. Не сказать, что решение было неожиданным, отец давно предал мне большую часть дел, но я никак не думал, что это случится сейчас. Мы отмечаем мое назначение еще пару часов. Благодарю родителей, с отцом обсуждаем ближайшие планы. Оба брата разъезжаются по своим делам примерно через полчаса.

В голове мелькает мысль об Эстер и ее реакция на происходящее. Чувствую, как внутри все сводит от предвкушения, а заодно мелькает мысль, что так и не позвонил ей и не узнал, что это было за удаленное сообщение.

— Мам, пап, еще раз спасибо, но мне пора.

— На работу завтра не опаздывай, — летит вдогонку от отца.

— Не опоздаю, — киваю в ответ.

Еще раз обнимаю мать, и, выходя из дома, набираю Эстер.

— Алло, — звенит на том конце.

— Привет. Дома? Иду к тебе.

— Да, дома, — слышу подавленный голос.

— Что-то случилось?

— Нет, все нормально. Жду тебя, — она сбрасывает звонок.

Волей-неволей начинаю думать, что я натворил. Не звонил весь день? В этом причина? Не отправил вчера сообщение? Или отправил, но не то? Ладно, сейчас узнаю.

Йен

Подхожу к дому, где живут Себ с сестрой, стучу. Дверь открывает Эс. Сходу отмечаю, что руками обнимает себя за плечи. Делаю шаг, беру ее лицо в ладони и внимательно смотрю в глаза. Там удивление, смятение и испуг. Блять.

— Кто обидел?

— Йен, — она пытается вывернуться.

И меня это напрягает еще больше. Все мысли в голове отходят на второй план. Полностью концентрируюсь на ней.

— Говори, — настаиваю и продолжаю удерживать. Эстер замирает на секунду, словно раздумывает рассказать ли, а потом опускает взгляд и выдает:

— Мне написал Кристиан. Я испугалась и подумала, что он сбежал и может нам навредить. Немного перенервничала из-за этого.

Убираю руки от лица, обнимаю ее крепко и Эстер сразу же откликается, почти вжимаясь в меня. Дышу глубоко. Держусь, успокаивая ее, хотя внутри бурлит злость. И звучит набатом вопрос, как это ему удалось.

Более-менее восстанавливаю внутреннее равновесие и спокойствие. Стоим так с минуту, после чего я отстраняюсь и веду ее в гостиную. Усаживаю к себе на колени и ловлю обеспокоенный взгляд. Стараюсь говорить тихо, но внушительно:

— Эстер, вы в безопасности здесь. Поселок охраняется и просто так случайный прохожий в дом не попадет.

Она слабо кивает и слегка мне улыбается.

— Нильсон точно никуда не сбежал, да он бы и не смог. Камера предварительного заключения тоже не проходной двор. Завтра я еду на встречу с адвокатом. Нужно обсудить дальнейшую стратегию. Не я один выдвигаю обвинение. Его посадят, Эстер. Надолго. И он тебя не тронет. Ты об этом писала в сообщении?

— Да, — часто кивает она и снова опускает взгляд.

— Правильно сделала. А удалила зачем?

— Подумала примерно то, что ты сказал и решила, что зря паникую, но осадок все равно остался.

— Что было в его сообщении?

— Да ничего такого, — Эс тушуетя и снова прячет взгляд.

— Покажи, пожалуйста. Себ в курсе? — Мягко настаиваю я.

Она качает головой. Значит, брат не знает еще. Эстер достает телефон и протягивает мне разблокированный экран. Читаю и молча возвращаю обратно. Спокойствия и равновесия как не бывало. Злость снова, словно кипящая лава, бурлит по венам. Сученьш.

Вдох-выдох. Фокусируюсь на Эстер.

— Со мной ты в безопасности, не бойся.

— Да, но как он узнал, что я... Что мы были вместе? Он следит за нами?

— Пока не знаю, но разберусь.

Чего бы мне это не стоило, добавляю про себя. Снова обнимаю, прижимаю к себе и целую в висок. Блять, как же ты достал, Кристиан. Зубы невольно сжимаются.

— Ты голоден? — Эс не дает мне углубиться в свои мысли.

— Нет, спасибо. Но я бы чаю попил. С твоими панкейками.

— Хорошо, — быстро кивает. Еще раз прижимаю к себе, а потом провожаю взглядом ожившую фигурку. Это ее привычное занятие так успокоило или мое присутствие? Самолюбие тешит думать, что все же второй вариант.

Наблюдаю, как берет посуду, отмеряет ингредиенты и начинает готовить.

А я достаю телефон и пишу Оливеру.

«Поможешь завтра организовать встречу с Нильсоном. Приватный разговор»

«Без проблем. Мне надо об этом знать?»

«Он смог проследить за мной, сидя за решеткой. Сможешь выяснить как?»

«Постараюсь».

У нас личные счета. Не понимает он, что девушек нельзя обижать. Все же надо объяснить доходчивее.

Убираю телефон и иду помогать Эстер. Точнее больше нахваливать ее шедевры. Пока возится, рассказывает, что днем составляла контент-план и наметила первых лиц, у кого хотела бы взять интервью.

Слушаю. Киваю. Поддерживаю. При любой возможности обнимаю и целую, успокаиваю. Наблюдаю.

Через полчаса понимаю, что моя тактика работает. Она снова почти расслаблена. Почти. После чая и новой порции похвалы, решаю, что можем переходить к следующей стадии успокоения. Убираю последнюю чашку в посудомойку и за талию притягиваю ее к себе.

— Пошли наверх, — говорю поверх макушки. — Буду тебя расслаблять и снимать стресс.

— Как? — спрашивает она.

— Увидишь.

Поднимаемся в спальню. Я приглушаю верхний свет.

— Ложись. Массаж сделаю, — киваю на кровать.

— Ты и массаж умеешь делать? Что за мужчина, — хихикает, но футболку послушно стягивает. Без белья. Это я еще внизу, конечно, понял. Но одно дело знать, а другое — увидеть воочию. Взгляд скатывается к идеальным грудям, которые приподнимаются и опускаются, пока хозяйка раздевается. Сглатываю. Возвращаю взгляд на лицо.

— Не умею, но тебе будет приятно, ложись давай, — я правда не знаю, как делать массаж. А еще я не планирую секс сегодня, напоминаю себе, поправляя ширинку. Хочу просто помочь ей отпустить эмоции. Эстер очень чувствительная и тактильная. Помню ей спину, стопы, кисти. А еще буду снова много обнимать и целовать.

Скидывает шорты и послушно укладывается на кровать. Я снимаю футболку, сажусь сверху и снова залипаю.

У Эстер очень красивая спина. Изящная шея, аккуратные плечи, тонкая талия и невероятно мягкая кожа. Наклоняюсь и целую между лопаток. Ее глаза закрыты, и она чуть улыбается. Потом растираю ладони, кладу на основание шеи и веду по плечам. Сейчас они уже не так напряжены, как были, когда я обнял ее в первый раз сегодня.

Возвращаюсь к спине и аккуратно проминаю мышцы сверху к низу. В какой-то момент слышу, как Эстер тихонько постанывает. Повторяю несколько раз движения, а потом перехожу к рукам.

Руки у нее тоже красивые. Массирую каждый пальчик, ладони, кисти. Потом смещаюсь

к ногам и проделываю тоже самое на ступнях. Целую колени, бедра, неспешна поднимаясь и начинаю массировать ягодицы. Слышу стон и улыбаюсь. В паху уже ощутимо распирает. Сажусь рядом. Чуть раздвигаю ее ноги, поглаживая, прохожусь по внешней и внутренней стороне бедер. Эстер чуть выгибается и подается назад, навстречу моим ладоням.

Ну, блять. Я ее хочу, конечно, но не сексом же ее отвлекать. Все эти мысли несутся в голове, пока я наклоняюсь и целую ее поясницу, аппетитную попку и кладу руку на промежность. Под трусиками уже горячо и мокро. Я чувствую пряный запах ее возбуждения и дурею на несколько секунд.

С другой стороны, почему бы не сексом? Мы с ней явно на одной волне. Убираю ладонь и за бедра тяну ее на себя. Эстер встает на колени и задом садится мне на ноги. Голова ложится на плечо, веки также прикрыты. Кладу руки на грудь и обвожу ореолу, постепенно смещаясь к соскам.

— Боже, Йен, — нежно стонет она, и у меня очередная волна возбуждения спускается в пах. Надо было снимать все с себя, сейчас бы джинсы так не давили.

Поворачиваю ее лицом к себе и целую. Нежно посасываю нижнюю губу и язык, продолжая стимулировать по очереди соски. А потом я опускаю одну руку ей в трусики и начинаю массировать клитор средним пальцем. Эстер непроизвольно выгибается, прерывая поцелуй и кладет свою руку поверх моей. Дыхание учащается, она начинает двигать рукой активнее.

— Йен, пожалуйста, не надо больше дразнить, — шепчет Эстер, убирает мою руку, проползает по кровати вперед и стягивает трусики.

Дважды повторять мне не надо. Встаю, избавляюсь от джинс и белья. Достак презерватив. Раскатываю по члену и перевожу взгляд на нее.

Эстер уже перевернулась на спину, тоже смотрит на меня, согнув ноги в коленях, и чуть разведя их в сторону. Залипаю. Уже трахал ее, но вид чуть раскрытых половых губ, влажных розовых складок возбуждает еще сильнее. Ставлю одно колено на кровать, раздвигаю ноги шире и ложусь на нее сверху. Член проходится по горячей, влажной промежности.

Направляю себя рукой и плавно вхожу. Эстер стонет и закатывает глаза, а я обхватываю ее шею и затылок и начинаю двигаться.

Мы снова оба уже на взводе. Через серию толчков она кладет руки мне на поясницу и толкает на себя. У нее закрыты глаза, Эстер часто дышит и подмахивает моим движениям.

Чувствую, как нарастает возбуждение, по активным движениям Эстер понимаю, что она тоже близко. Спазм. Чувствую, как сжимает меня. Мы оба уже влажные. Волосы прилипли ко лбу Эстер, ее кожа прохладная.

Еще спазм. Эстер уже не стонет, она словно бы жалобно скулит, полностью сосредоточившись на процессе и стремится к развязке. Чувствую, как у меня скатывается пот по позвоночнику. Серия толчков и кусаю ее за шею. Эстер вскрикивает, и я чувствую, как она начинает активно сжимать меня внутри.

Блять, меня охуеть как прет от ее оргазмов. Она проживает каждый, а я наслаждаюсь ее видом. Еще пара движений и догоняю ее.

Выхожу, стягиваю презерватив. Ложусь рядом, лаская губами лицо Эстер. Получив разрядку, так и лежим какое-то, не меняя позы.

Потом поднимаемся и идем в душ. Неспешно моемся. Отмечаю, что Эстер окончательно расслабилась. Есть, цели я достиг.

Позже ложимся в кровать и смотрим фильм. Эстер засыпает примерно через полчаса, и

я выключаю ноут и любуюсь ею. Моей воинственной амазонке сегодня нужна была поддержка. И мне чертовски приятно, что я был рядом. Обнимаю Эстер, накрываю нас одеялом и тоже проваливаюсь в сон.

Йен

Утром я просыпаюсь от того, что затекла рука — мы так и проспали всю ночь в обнимку. Аккуратно вытаскиваю ее из-под Эстер и ложусь на спину. Она ворочается во сне и одеяло спадает, обнажая бедра и полупопия, разделенные танго. Чувствую, как к паху снова приливает кровь. После вчерашнего массажа мы занимались сексом еще дважды — ночью и когда начало светать, в какой-то полудреме. И вот я снова ее хочу.

И пока я раздумываю над своим залипанием на этой девушке, Эстер поворачивается, закидывает на меня ногу и начинает водить носом по плечу.

Ласкаю в ответ, конечно. Кладу руку на бедро и начинаю слегка массировать, сначала по белью, а потом и под ним, с каждым разом проникая все дальше под трусики. Стоит мне подумать, что мой организм не вынесет с утра долго таких ласк, как Эстер поднимается и перекидывает ногу через меня и садится сверху. А потом начинает тереться, аккуратно промежностью по моему члену и еще чуть постанывать. Бляять. В паху становится еще тяжелее.

— Эстер, — сам не замечаю, как голос хрипеть начинает, — я так долго не выдержу.

Смотрю в хитрые, хоть и еще сонные глаза. Утром она решила одеться. На ней сейчас полупрозрачная черная сорочка, сквозь которую видно покачивающуюся грудь. Скольжу ладонями вверх по талии.

Она замирает. Смотрит на меня пару секунд, потом приподнимается, достает мой член из трусов и начинает водить ладошкой вверх-вниз. Чуть сжимая, но не быстро. Понимаю, что она меня дразнит. Окей, принимаю правила игры. Не комментирую, но поднимаю руки еще выше, кладу большие пальцы на соски и начинаю поглаживать. Посмотрим, как далеко зайдет.

И Эстер не разочаровывает. Через некоторое время она приподнимается, сдвигает свои трусики в сторону и опускается на член с тихим стоном. Кладу руки на ее задницу. Не могу больше терпеть, даю пару секунд привыкнуть и начинаю двигаться. Амазонка кладет свои руки поверх моих, откидывает голову назад и полностью отдается процессу. Между нами уже почти что хлюпает, и я чувствую, как по ногам немного течет.

Перемещаю одну ладонь на ее живот, большой палец на клитор и начинаю его массировать. Эстер вскрикивает, чуть наклоняется вперед, вытягивая одну руку и упираясь в изголовье кровати.

А мне не дает покоя прыгающая перед глазами грудь. Приподнимаюсь, спускаю одну бретель с плеча, тянусь к соску и прикусываю его. Всасываю горошину и в следующую же секунду чувствую, как Эстер начинает меня сжимать внизу.

Уже в который раз замечаю, что укусы во время секса помогают ей кончить. Машинально фиксирую: объятия, чтобы расслабить, укусы, чтобы завести.

Откидываюсь на подушки, продолжая трахать ее снизу и продлевать ощущения. Внизу спины сводит, я уже на пределе. Член твердый и как только ее спазмы заканчиваются, приподнимаю ее, вынимаю член и обильно кончаю Эстер на внутреннюю часть бедра.

Тяну и укладываю ее на себя и через пару секунд слышу, как она мурлычет мне в шею:

— Доброе утро, Йен.

Да уж. Красивая девушка, с удовольствием скачущая на твоём члене. Утро может быть

еще добрее?

— Доброе, — все еще хриплю ей в ответ и целую в макушку.

— В душ? — Поднимает она голову и смотрит на меня.

— В душ, — веду рукой по щекам с легким румянцем и любуюсь ею.

Эстер целует меня в плечо и убегает в душ. А я тем временем звоню Тобиасу. Сейчас она спокойна, это хорошо. Но вопрос с Нильсоном по-прежнему не решен, это плохо. Не хочу, чтобы она вспоминала про него. Пусть думает, что поехал по делам.

— Хочу поговорить с Нильсоном. Через час примерно. Сможешь со мной поехать?

— Без проблем. Случилось чего? — Без промедления соглашается друг.

— Нет, но может. Поедем на моей.

— Договорились.

Блокирую телефон, прячу в карман джинс и иду в ванную. Она как раз закончила. Беру с вешалки полотенце и заворачиваю ее.

— Ты знаешь, что очень красивая? Особенно с утра. Особенно после секса.

— Теперь точно знаю, — она улыбается и крепко обнимает меня. Обнимаю в ответ. Я не такой тактильный, но с именно с ней касания приобрели какой-то особенный смысл и удовольствие.

Отправляю ее в комнату, быстро моюсь и иду одеваться. По голосам слышу, что Эс и Себ внизу разговаривают. Машинально анализирую не сильно ли мы шумели с утра, потому как не уверен, что с шумоизоляцией тут нормально. Ну, в конце концов, Себ не маленький, должен все понимать.

Пока Эс готовит нехитрый завтрак и фотографирует его для блога, зову Себа в гостиную.

— Нильсон связывался с Эстер на днях. Угрожал ей, — решаю не ходить вокруг.

Смотрю на взлетевшие брови и сжатые зубы Себа. Он уже дергается, чтобы пойти к Эс и устроить, как я полагаю, разбор полетов, но я его останавливаю.

— Я сегодня заеду к нему, объясню, что к чему. Здесь вы в безопасности. Эстер сильно испугалась, но ни мне, ни тебе не сказала, пока я вчера силой не вытряс. Сейчас мне нужно, чтобы ты побыл рядом с ней. Не спрашивай про то, что случилось договорились?

Себастьян сверлит меня взглядом и соглашаться не спешит.

— Себ, я решу. Поддержи сестру.

Еще несколько секунд играем в гляделки, после чего Себ, наконец, кивает.

— Завтрак! — Слышим с кухни.

Себастьян садится за стол и внимательно смотрит на сестру.

— Кофе какой? — Спрашивает она. У меня уже стоит с молоком. Запомнила. Приятно.

— Обычный, — буркает Себ.

Эстер наливает ему черный и присоединяется к нам.

— Сегодня хочу попробовать договориться с первым спикером на интервью. Он добился того, что в Копенгагене практически не используют пластик в промышленных масштабах. Многие о нем писали, но интервью мало кому давал. На мое предложение ответил предварительным согласием, — рассказывает Эстер, пока разрезает свой омлет.

Это она для Себа, я эту историю еще вчера слышал. Молча жую и наблюдаю за его реакцией. Себ хмурится, а Эстер пытается его разговорить, явно не понимая причины молчания. Но младший брат видимо жаждет восстановить справедливость и отомстить за сестру, а потому выдает лишь:

— Круть.

— А ты что будешь делать? — не сдается Эс.

— Как обычно.

— Тренировка? Про учебу не думал?

— Нет.

Разговор и дальше не клеится. Смотрю на Себа, а тот на меня, на Эс, а потом встает и уходит из-за стола. Поддержал сестру, блять.

Откладываю приборы и снова заключаю Эс в свои объятия. Придется все же объяснить ей причину поведения брата.

— Не обращай внимания. Перекинулись парой слов с ним с утра. Он чуть не в настроении из-за ситуации с Кристианом.

— Что ты ему сказал?

— Что Нильсон писал тебе.

Эстер задумчиво смотрит на лестницу, по которой Себастьян поднялся в свою комнату и уже дергается пойти за ним. Теперь не пускаю ее к нему. Не хочу, чтобы ругались.

— Не надо, не трогай его. Отойдет и поговорите.

Она обмякает в моих руках, но не спорит. Смотрю на время и понимаю, что уже надо ехать.

— Мне пора. Проводишь?

Эстер кивает и идет за мной в коридор. Накидываю куртку, разворачиваюсь и крепко обнимаю ее.

— Эстер, ты в безопасности здесь. Ничего не бойся, если что — сразу пиши или звони мне, окей? — Еще раз проговариваю. Отстраняюсь и внимательно смотрю в глаза, пытаюсь понять, как воспримет. Также неуверенно как вчера или все же уже лучше. В следующую секунду чувствую, как внутри разливается тепло, потому что она улыбается и кивает.

— Окей, спасибо.

— И сообщения больше не удаляй.

— Не буду.

Еще раз внимательно на нее смотрю.

Спокойна, расслаблена, отлюблена. Будет занята братом и блогем. Отлично. Наклоняюсь, еще раз целую и выхожу из дома.

Забегаю к себе переодеться, беру машину и еду за Тобиасом.

Йен

— Что случилось-то? Чего тебе Нильсон вдруг понадобился? — Друг встречает вопросом, запрыгивая в машину.

— Он угрожал Эстер.

Тоб поднимает одну бровь и на секунду зависает, так и не пристегнув до конца ремень безопасности, пока я трогаюсь с места.

— Как это возможно? Он же за решеткой?

— Вот так, — бросаю взгляд на друга. И он, как всегда, понимает без слов.

— Ясно. А я зачем?

— Подстрахуй, чтобы я его не придушил там.

Тоб смотрит на меня еще пару секунд, а потом молча кивает. Я понимаю недоумение друга. Решать вопросы через силу, обещать придушить — не про меня. Да я и сам в ахере от происходящего. Внутри снова начинает закипать злоба. Представляю лицо этого ублюдка, написывающего Эс, и хочется бить его.

— Есть пара интересных маркетинговых фишек. Я видел у азиатов. Надо бы обсудить на совещании. Не знаешь, когда твой отец планировал общий сбор?

Рой мыслей в голове не сразу дает сосредоточиться на вопросе. Снова делаю вдох-выдох, прочесываю ладонью волосы и блокирую злость внутри.

Работа. Маркетинг. Совещание. Черт, Тоб же еще не знает о новостях. Никому не успел сказать, даже Эс. Попытка переключить внимание удалась.

Прокашливаюсь и заявляю без прелюдий:

— Теперь я генеральный.

Тоб снова зависает на секунду, потом присвистывает и легонько толкает меня кулаком в плечо.

— Неожиданно. С чего вдруг такие перемены?

— Отец сказал, что устал, — пожимаю плечами и кидаю взгляд на друга.

Тоб ухмыляется. Я знаю это выражение лица. Дальше будет стеб.

— Хм. Ну что ж, господин Миккельсен, когда у нас общее собрание?

— Уточни у моего секретаря.

— Вживаешься в роль на ходу. Поздравляю.

Знаю, что друг искренне рад за меня. Мы никогда не обращались друг к другу официально и, я надеюсь, не будем.

План Тоба сработал, я отвлекаюсь. По пути обсуждаем еще несколько ключевых моментов по работе и до участка доезжаю в более-менее спокойном состоянии.

Нас встречает Оливер.

— Йен, Тобиас, — по очереди жмет руки.

— Мне нужно минут пятнадцать с глазу на глаз, без камер.

— Без проблем. Надеюсь, не покалечишь мне обвиняемого? — вроде бы в шутку уточняет Оливер, а сам внимательно смотрит на меня.

Я, блять, тоже надеюсь. Молча киваю.

— По поводу твоего запроса, — добавляет он, пока мы идем в сторону камер предварительного заключения, — провели обыск у Нильсона. Нашли телефон, с которого он

выходил на связь. Изъяли, конечно. Во входящих был номер некоего Блейка. Знакомое имя? Мысленно перебираю в голове фамилии и не нахожу ничего похожего.

— Нет.

— Так и думал. Пока пробиваем кто это.

— Дай знать, как что-то нароешь, — хлопаю Оливера по плечу.

— Хорошо, — отвечает он, переключая внимание на звонящий телефон, — сами дойдете? Срочный вызов.

— Да, спасибо.

Оливер кивает одному из офицеров и дальше мы с Тобом идем в его сопровождении.

Длинный коридор, ряд глухих закрытых дверей. У каждой маленькое окошко в центре.

Три этажа и на каждом стоит офицер. Камера Нильсона в самом конце, на первом этаже. Когда доходим, офицер стучит в дверь, открывает окошко и кричит:

— Заключенный, встать!

Из-за его спины, сквозь решетку в окне вижу, как Нильсон встает, поворачивается лицом к стене и опускает голову.

— К вам посетитель, — также звучно говорит офицер.

Щелкает замок, скрипит дверь, и дальше я делаю шаг в темное, маленькое помещение.

Запах спертый. Внутри койка, раскладной стол и стул. На мебели видны потертости. В углу раковина и унитаз с ржавчиной на керамике.

Перевожу взгляд на Нильсона. Он похудел. Тюремная роба висит на нем, словно велика на два размера. Сгорбленный. Лоск сошел, волосы грязные. Сейчас передо мной стоит типичный неудачник. Сложно представить, что какое-то время назад он был на благотворительном вечере и рассуждал о надежности инвестиций в недвижимость.

Встречаюсь с ним взглядом и вот тут случается диссонанс. Нильсон смотрит на меня со странным ликованием, надеждой даже. С хера ли столько радости?

Боковым зрением отмечаю, как Тоб прислоняется к стене и дверь в камеру захлопывается.

— У меня есть компромат на ваших конкурентов. Они закупают дешевое сырье на черном рынке, а продают его под известным брендом и за большие деньги. Отдайте эту информацию в СМИ, и они банкроты, — заявляет Нильсон.

Склоняю голову набок и внимательно смотрю на него. Человеческая находчивость и наглость поразительные вещи.

— Взамен вы снимаете с меня обвинения, я выхожу и тихо покидаю город, клянусь, — продолжает удивлять Кристиан.

— У тебя хватает наглости торговаться со мной после того, как ты пытался меня одурачить, а потом угрожал Эстер, — чувствую, как снова начинаю закипать.

— Я не пытался тебя одурачить. Это бизнес, я его веду как умею. Был не прав, виноват, признаю.

— То есть по-твоему бизнес-партнеры так и ведут дела? Кто кого поимеет первым? Так не бывает, Нильсон. Репутация очень важна. Раз просрешь, уже не восстановишь. Ты свою благополучно потерял. Из-за собственной тупости, жадности и лжи.

— Все мы не без греха. Только кому-то это с рук сходит почему-то. Взять хотя бы твою подружку. Милая Эстер не так уж и невинна, так ведь. Она собиралась слить мне информацию про журнал, в котором работала. Это честно, по-твоему? Или у нее иммунитет, потому что она ноги перед тобой раздвинула?

Это, блять, финиш. Ненавижу ложь и клевету даже в мелочах. В два шага преодолеваю расстояние между нами, хватаю его за грудки и впечатываю в стену.

— Ты, я смотрю, вообще краев не видишь.

— А ты не в курсе что ли, ее выходок, поэтому бесишься? — Кристиан пыхтит, держит меня за запястья и пытается оторвать от себя, — она же знала, где вся нужная мне информация находится. Лундт, осел, хранил ее в столе. У меня был доступ к камерам видеонаблюдения, и она точно входила к нему в кабинет в одну из суббот. Провела минут десять. Достаточно, чтобы сфотографировать пару файлов.

Отрываю его от стены и впечатываю еще раз. Легче не становится. Ярость внутри меня разгорается все сильнее. Кристиан стучается головой, из носа начинает течь кровь, и только я собираюсь приложить его еще раз, как на плечо ложится рука друга.

— Йен, остынь.

Вдох-выдох. Помогает слабо, вонь только усугубляет дело. Тобиас прав. Если останусь здесь еще немного, то точно покалечу этого слабоумного.

Разжимаю кулаки и Кристиан съезжает по стене на пол. Пытается вытереть кровь с лица, но только размазывает ее, делая собственный вид только хуже.

— Йен. Пошли, — друг стучит в дверь, и та тут же открывается.

— Еще раз напишешь Эстер, приеду и закончу начатое, — разворачиваюсь и иду на выход.

— Я прав, — Кристиан сплевывает на пол кровь, — прав.

Дверь камеры захлопывается, а я сжимаю и разжимаю кулаки, пытаюсь успокоиться. Мысли кипят. Нильсон не может быть прав. Даже если Эс что-то и собиралась сливать ему поначалу, то потом бы наверняка мне призналась. Я спрашивал, она сказала, что нет.

— Это правда? — Не сразу понимаю, что Тоб обращается ко мне.

— Что?

— Эстер в чем-то замешана? Это может стать уликой против нее. Если записи сохранились и Нильсон ими воспользуется.

— Это неправда. Закрыли тему, — рублю сходу все предположения.

Тоб на резкость не реагирует. Мельком отмечаю удивление в его взгляде и все. И снова понимаю друга. У меня нет привычки психовать и что-то доказывать на эмоциях.

И тем не менее назойливая муха в голове продолжает жужжать. Сколько бы я себя не убеждал, что Кристиан оклеветал Эстер, спокойнее будет, если я еще раз спрошу, а она еще раз скажет нет.

Нет, ничего не было и она мне не врала.

Набираю ее номер, пока выходим из участка, но в ответ короткие гудки. Скинула. Следом приходит сообщение «На встрече по поводу интервью».

На свежем воздухе немного успокаиваюсь. Мы обсуждаем несколько деловых вопросов с Тобом по пути в офис. Работа отвлекает, это факт. Дождусь Эстер и заберу со встречи.

Уже на месте смотрю несколько документов по работе, проверяю отчеты. Мельком бросаю взгляд на телефон, но Эстер не перезванивает.

Примерно в обед секретарь зовет меня в конференц-зал на пару минут, где я обнаруживаю весь коллектив, небольшой фуршетный стол и Тобиаса с плакатом «за нового босса». Улыбаюсь, принимаю поздравления, обещаю всем большую барбекю-пати в честь назначения. За всей этой суматохой пропускаю пару входящих от Эстер.

Перезвонить не успеваю, потому что теперь ко мне, как к новому боссу идут за

подписями абсолютно все. Они же задают кучу вопросов, которые откладывали до возвращения отца.

Подписываю, отвечаю, обещаю, направляю. И так до восьми вечера. В половину девятого выпроваживаю, наконец, последнего посетителя и набираю Эс.

— Алло, — явно в хорошем настроении пребывает. Невольно перенимаю и улыбаюсь.

— Привет. Весь день хочу до тебя дозвониться и все никак. Как день прошел?

— Взаимно. Ты сам пропустил несколько моих звонков. Так что мы квиты, — смеясь, отвечает она, — день отлично. Интервью все-таки будет. Разговаривала с менеджером, обсудили место съемок.

— Ты моя умница. Знал, что у тебя все получится, — честно радуюсь ее успехам и напрочь забываю, что еще пару часов назад в чем-то там сомневался.

— А ты как? Как твой день? Я слежу за вашим аккаунтом в соцсетях. Что за праздник?

— Я теперь полноправный владелец семейного бизнеса. Отец отошел от дел.

— И ты молчал, — смеется Эс в трубку. — Поздравляю!

— Спасибо, детка. Отметим?

Не планировал, но сейчас это решение кажется правильным.

— Давай. Завтра?

— Да. Заеду в восемь.

— Договорились, — радостно щебечет Эстер на прощание и скидывает звонок.

Становится как будто теплее после разговора. Всего лишь звонок, а мне спокойно и слова Нильсона кажутся полной чужью. Не могла она соврать.

Эстер

С утра листаю блоги известных людей. Тема и вопросы к первому интервью готовы, думаю, что опубликовать дальше.

Как же сейчас модна тема с осознанностью, личными границами и прочим подобным, в который раз натываюсь на такие посты. Хочу найти авторитетного психолога и задать ему вопросы, когда первое интервью опубликую. Ключевое, конечно, выбрать действительно специалиста своего дела, а не просто человека, который посмотрел пару видео и повторяет, как попугай, про границы.

Делаю пометки в блокноте, а сама мыслями то и дело возвращаюсь к сегодняшнему вечеру. Мы вчера не решили, куда пойдём праздновать назначение Йена. Генеральный директор. Звучит очень весомо. И очень ему подходит в том смысле, что Йену точно по силам взять на себя ответственность за целый бизнес и вести за собой людей. Я хоть и не причастна, но даже у меня пальчики на ногах поджимаются от масштабов.

Зато я определилась с нарядом. Надену атласный комбинезон черного цвета. Редко его ношу, он очень элегантен, но как-то повода не было.

После обеда начинаю, не торопясь, собираться: маска на лицо, маска на волосы, принимаю ванну, наношу крем на тело, сушу и укладываю волосы.

Сажусь делать макияж, и сама же засматриваюсь на свое отражение. Казалось бы, с лицом ничего не изменилось, все та же я, но вот глаза совсем другие. Как будто стали ярче, как будто светятся и как будто и визаж не нужен, потому что внимание и без него акцентируется на глазах.

Решаю все же сделать легкий мейк. Как раз заканчиваю, когда слышу звонок в дверь. Йен. Губы невольно растягиваются в улыбке, сердце ускоряется и внутри разливается тепло. Пришел. Я успела соскучиться.

Переговариваются внизу с братом. Смотрю на себя в зеркало последний раз и иду его встречать.

— Да, имей в виду, что Тобиас будет занят в ближайшее время. Стоит поискать другого партнера для спарринга, — слышу голос Йена.

Спускаюсь с лестницы и вижу брата со спортивной сумкой на плече. Снова уходит на тренировку.

— Понял, — говорит Себ, и услышав мои шаги, разворачивается, — ладно, я пошел...
Вау!

Замираю и реагирую благодарной улыбкой. Восхищенные взгляды — это всегда приятно. Спускаюсь и делаю поворот вокруг себя. Красоваться, так не стесняюсь.

— Огонь, Эс, — говорит Себ, ухмыляясь, — все, сваливаю. Хорошо вам отдохнуть.

Он хлопает Йена по плечу, выходит и мы остаемся вдвоем.

Сегодня на нем строгий деловой костюм. Значит, с работы сразу ко мне приехал. Достаточно простой, но как же обалденно он в нем смотрится. Статный, спокойный, уверенный в себе.

Йен улыбается, потом ведет рукой по лицу, как будто трет уставшее лицо. Делает шаг и за талию притягивает к себе.

— Очень красивая, Эстер.

— Спасибо, — внутри все сладко сжигается от его слов. Compliments от брата приятны, но нравиться любимому мужчине — это особый вид удовольствия.

Я встаю на цыпочки и тянусь к нему, а Йен чуть склоняется и целует меня. Одна рука по-прежнему на талии, а вторую он кладет мне на шею. Поцелуй получается неторопливый и чувственный. У меня как будто даже голова чуть-чуть кружится, когда мы останавливаемся.

Йен отстраняется, внимательно на меня смотрит и ведет пальцами по щеке.

— Поехали. Не против Шримпа? — Берет за руку, и мы выходим из дома.

— Нет, я с удовольствием.

По дороге в ресторан обмениваемся новостями, Йен держит мою ладонь, иногда подносит ее к лицу и проводит губами. А я каждый раз сжимаюсь от удовольствия.

До места мы добираемся минут через двадцать. Тихое уютное место с европейской кухней. Йен так и не отпустил мою руку, поэтому в здание мы входим держась друг за друга. И это так... естественно.

Официант провожает нас до столика. Не могу перестать улыбаться, мне кажется у меня даже щеки уже горят. Йен галантно отодвигает стул для меня и целует в висок, когда я сажусь.

Листаю меню и мучаюсь с выбором между равиоли с гребешками и лососем на гриле. Поднимаю взгляд и вижу, что Йен меня внимательно изучает. Взгляд очень серьезный. И я четко понимаю, что это не любование. Это что-то другое, совсем иного характера. Внутри слабо екает неприятное чувство. Тут же спрашиваю:

— Что?

— Ничего, смотрю. Выбрала?

— Да.

Показалось. Мало ли, о чем он думал. Должность обязывает быть включенным в работу постоянно. Скорее всего мыслями там. Не буду нагружать его расспросами. Ко мне он приехал отдохнуть.

Заказываю в итоге гребешки, официант разливает вино и оставляет нас одних.

— Как тебе в роли генерального директора?

— Да нормально, я ведь фактически давно всем управляю, просто официальная должность изменилась, — мне кажется, он скромничает.

— Не каждый в тридцать с небольшим может похвастаться своим бизнесом.

— Не своим. Семейным. Свой я буду уже на этом фундаменте развивать, — снова возражает Йен.

Внимательно на него смотрю. Брови чуть сведены, поза хоть и расслаблена, но в руках крутит ножку бокала. Все же что-то фонит, что-то его беспокоит. Решаю не спорить.

— За тебя тогда, — поднимаю бокал с вином, — пусть все амбициозные планы сбудутся.

— Спасибо, Эстер, — Йен улыбается, чуть поднимает бокал, — уже работаю над этим.

Потом официант приносит наш заказ и мой мужчина расслабляется. Ужинаем, болтаем обо всяком. Осознаю, что уже долго сидим, когда за окном совсем стемнело, а нам подали на десерт мусс — подарок от шеф-повара заведения.

— Спасибо, — поблагодарил Йен официанта и пододвинул обе тарелки ко мне. — Зубы берегу.

— А я буду, — окунаю ложку в мусс и со стоном пробую, — очень вкусно, кстати.

Йен внимательно следит за моим мини-представлением, а потом наклоняется и тихо

говорит:

— Не стони так, Эстер. До дома не доедем.

Десерт застревает где-то в середине пищевода, потому что внутри все сжимается от неожиданности, а еще от предвкушения. Проглатываю и включаюсь в игру. Наклоняюсь к Йену и целую его легонько в губы. Он улыбается и кладет руку на коленку и откидывается на стуле. Мне кажется, я вся горю.

Доедаю десерт, Йен расплачивается по счету, и мы идем к выходу.

— Забегу в дамскую комнату быстро.

— Давай, жду у выхода.

В туалете умываюсь, охлаждая горящие щеки. Поправляю волосы, макияж и так в порядке. Внутри все дрожит, вроде бы будет уже не первая ночь вместе, но все равно ожидание волнительно.

Выхожу из туалета. Йен стоит спиной и смотрит что-то в телефоне. Подхожу, обнимаю со спины. Он оборачивается, и я натываюсь на хмурое лицо. Второй раз за вечер внутри звенит тревожный звоночек. Снова отмахиваюсь, но все же спрашиваю.

— Как дела?

— Нормально. У тебя?

— Тоже. Что-то случилось?

— Нет. Пойдем в машину.

Киваю и иду за ним. Мимоходом отмечаю, что он больше не держит меня за руку. Так, все же что-то видимо случилось. Сама сажусь в салон и жду. Внутри неприятное чувство. Нет уже привычной легкости, как нет и поцелуя или хотя бы объятий. Это как в пасмурную погоду: надеешься, что грозы не будет, когда только видишь тучу. Потом, рассчитываешь, что обойдется, когда холодает и начинает дуть сильный ветер. Но когда природа замирает, становится тихо и душно, ты уже знаешь, что ливня не избежать. Так и я. Замерла и жду, что сейчас случится гроза.

— Виделся с Кристианом вчера, — начинает Йен, садясь в кресло, и внимательно смотрит на меня. А вот и первые капли дождя. — А сейчас получил информацию, что у него есть подельник на свободе и что он тоже работает в СМИ.

Пока не понимаю к чему Йен ведет, но молчу и жду продолжения.

— Он нес какую-то хрень про то, что у тебя был компромат на медиа, в котором ты работала, то есть нужная ему информация. А я точно знаю, что не было.

Йен делает паузу, а у меня все внутри обрывается. Я мало того, что стою под дождем, меня еще как будто и поймали за преступлением.

— Не было ведь ничего? — И я впервые слышу в его голосе жесткость. Не грубость, не крик, а именно твердую, непоколебимую непреклонность. Так гремит первый гром во время грозы. Пока еще несильно и не близко, но уже страшно.

— Было, — невольно сглатываю, но понимаю, что смысла молчать нет. Да я и не сделала ничего такого, за что было бы стыдно, — я боялась за Себастьяна. И я бы любую информацию отдала, чтобы спасти брата.

Пауза. Йен смотрит на меня, и я словно вижу в его глазах разочарование. Мелькнувшее, как молния на темном небе. Вздрагиваю. И мне становится стыдно на секунду, но только за то, что не призналась ему сразу.

— Почему соврала? Я ведь спрашивал. Ты четко ответила, что нет.

— Не думала, что это важно. К тому моменту все уже было позади.

Йен откидывается на кресле и трет лицо руками.

— Что это меняет сейчас?

— То, что у Нильсона есть видео, из которого очевидно, что ты заходишь в кабинет вашего главреда, когда в офисе никого нет.

Скорость звука ниже, чем скорость света, поэтому сначала всегда молния, потом гром. Сначала я вздрогнула от световой вспышки, а теперь сжимаюсь от грохота. Мне страшно. Представляю себе обвинения, суд и вид из окна через решетку. Нет, этот ублюдок не может утащить меня за собой.

— Файлы все еще у тебя?

— Нет, ничего нет. Я сразу же все удалила. Он не сможет использовать это против меня? Он же меня шантажировал, это очевидно. — Я инстинктивно тянусь к Йену за успокоением.

— Эстер, я поэтому и спрашивал нет ли у тебя чего. Не хотел тебя ввязывать во все это вообще. А ты соврала, — продолжает бушевать Йен.

— Я не думала, что все так обернется. Не думала, что это важно.

— Ненавижу, когда мне врут.

Молчу, потому что не знаю, что еще сказать. Я хотела, как лучше.

Йен заводит машину, и мы едем в сторону поселка. Молча.

Доезжаем еще быстрее, чем в город. Он останавливается у нашего дома и выходит, чтобы помочь мне.

Открывает дверь, и мы встречаемся взглядами. Он смотрит на меня сверху вниз. И я четко понимаю, что мне не нравится. Он как будто давит. Встаю тоже и выхожу из машины.

— Я поеду, надо еще уладить пару вопросов по работе.

Не верю, что слышу это. Одна маленькая недосказанность и такая огромная перемена в его поведении. Это обескураживает. А еще он не касается меня. От самого ресторана ни одного прикосновения. Делаю шаг в сторону, чтобы уйти, но в последний момент решаю все же уточнить:

— Чего мне ждать?

— Пока не знаю. Я позвоню. Доброй ночи, Эстер.

Йен проходит мимо, садится в машину и уезжает. А мне вдруг перестает быть безопасно. Чувство защищенности пропадает. Я как будто была в домике, а теперь у дома грозой крышу унесло. Ежусь и растираю руки, как от холода.

Дома сразу поднимаюсь наверх, переодеваюсь, надеваю теплый свитер и утыкаюсь пустым взглядом в монитор.

Неужели Йен не понимает, что я не собиралась и не собираюсь его обманывать. Неужели недоговоренность, которая не имела значения на тот момент, сейчас разрушит все. Мы не так много знакомы, но в таком состоянии я его еще не видела.

Телефон пиликает новым входящим сообщением. Теон.

«Привет, Эстер. Ты так неожиданно уволилась. Скучаем по тебе. Может зайдешь на неделе? Хотим нормально попрощаться, да и вещи твои остались в редакции».

Да, с некоторыми моими коллегами действительно жаль расставаться. Отвечаю Теону согласием и снова сажусь за свой блог. Не хочу сидеть и переваривать то, в чем почти не виновата. Да и поменять сейчас я ничего не могу. Ситуация была критичной, я была в отчаянии и действительно была готова на все, чтобы вытащить Себа.

Если для Йена это такой принципиальный момент, то я, возможно, ошиблась с выбором

МУЖЧИНЫ.

Йен

— Акция «Приведи друга, получи скидку» отлично сработала, наши доходы по Копенгагену выросли на десять процентов. Думаю, можно запускать и в других городах. Зря я сомневался, снимаю шляпу, — говорит Карлос, мой исполнительный директор Тобиасу.

Сегодня ровно неделя, как я нахожусь в статусе генерального директора. Коллектив воспринял спокойно, как будто отец сообщил им даже раньше, чем мне. В принципе ничего сильно не поменялось, только ответственности стало больше.

Не смотря на короткий срок моей должности, сегодня очередное совещание с топ-менеджерами по промежуточным итогам рекламной кампании и обсуждение дальнейшего плана действий.

Тобиас равнодушно пожимает плечами на реплику Карлоса. У него какая-то невероятная чуйка, когда дело касается маркетинга и продвижения: он всегда точно знает, что пойдет, а что — нет. Поэтому никогда не спорит и не доказывает, что прав. Он просто прав.

— Да, давайте запускать. Что-то еще? — Даю добро на дальнейшую работу.

— Нет, в целом все.

— Тогда спасибо, все свободны.

Шуршат колесики отъезжающих стульев и весь руководящий состав покидает мой кабинет.

Помимо того, что все ожидали моего назначения, они словно сговорились и все идут ко мне со своими отчетами чаще обычного. Я наивно полагал, что это будет только в первые пару дней моего назначения, но нет. Особенно заметен Карлос. Желание выслужиться понятно, но утомляет. Откидываюсь в кресле и тру переносицу.

— Устал что ли уже?

Тоб. Остался. Крутится на стуле и смотрит на меня исподлобья.

— Устал слушать его восхитительные отчеты.

Друг усмехается, но, видя мое состояние, не развивает тему.

— С Эстер виделись?

Эстер. Амазонка моего сердца, блять. Я уже тысячу раз пожалел, что вспылит тогда.

Да, я, как и любой нормальный человек, не люблю, когда мне врут. Она не посчитала важным сказать правду или испугалась, а может просто не доверяла, мы ведь знакомы-то недолго. Но я привык к правде. Любой. Так меня воспитали: говори честно, чего бы не натворил. И я говорил и говорю. А она соврала.

Втягиваю шумно воздух и смотрю на Тобиаса.

— Видел, как она уезжала из поселка сегодня утром. Это считается?

— Нет. Поговорите уже, а то ты сам на себя не похож.

Знаю, что надо поговорить, но по-мальчишечьи жду, что она сама придет. Но она не идет. И да, я признаю, что перманентно психую из-за произошедшего.

— Ладно, уверен, разберетесь сами, — Тоб поднимает руки вверх, невербально сообщая, что он вмешиваться не будет. — Скажи лучше, как идет процесс с Кристианом. Его надолго посадят?

Еще одна больная точка. Я слежу за процессом, но активно не вмешиваюсь. Достаточно

было запустить механизм, а теперь шестеренки крутятся сами.

— Да, лет на пятнадцать точно.

Друг присвистывает.

— Все так серьезно?

— Мошенничество в особо крупных размерах, несколько обманутых влиятельных людей и вот результат.

— Ты рад?

— Тому, что он сядет? Скорее да, чем нет. Вдруг бы он дальше угрожал Эс, я бы точно его прибил. А так соблазна нет.

— Ясно, — говорит Тоб, поднимаясь, и забирая со стола планшет и телефон, — пойду работать. Поговори с Эстер, а то у Карлоса будет еще один повод зайти. Теперь, чтобы утешить тебя.

Беру ручку со стола и бросаю в уворачивающегося и ржущего друга. Советчик, тоже мне.

Тоб уходит, а я кручу в руках телефон, решая все же позвонить. Всю неделю гоняю мысли о ней, это правда. Эстер мне очень нравится. Недельный перерыв и идиотская ссора несколько не ослабили чувства к ней. Стараюсь сосредоточиться на работе, но не думать об этом невозможно.

В голове всплывает ее утренний образ. Ослепительно красива. Хрупкая и нежная, но удивительно сильная. Куда-то поехала. Из соцсетей знаю, что она уже договорилась о нескольких встречах с известными людьми. Да, с завидной регулярностью слежу за ней. Может на интервью и отправилась.

Экран телефона загорается, я вижу, что звонит отец. Где-то на периферии чувствую разочарование, потому что это не Эстер.

Минут двадцать обсуждаем дела, отец коротко рассказывает, что они с матерью прекрасно проводят время на отдыхе. Заканчиваем на том, что созвонимся ближе к выходным всей семьей.

Завершаю звонок и снова гипнотизирую телефон. Тоб прав, нужно поговорить с Эстер. Разблокирую телефон и уже собираюсь набрать ее номер, когда дверь в мой кабинет распахивается и влетает Карлос.

— Йен, партнеры из Австрии на связи. Хотят обсудить условия сотрудничества.

Блять, не раньше, не позже. Киваю и загружаю скайп. Это важный контракт, который откроет нам большие перспективы. Позвоню Эстер вечером. А лучше сразу заеду. Вечера она проводит дома, это я тоже знаю.

На следующие несколько часов погружаюсь в работу с головой. Переговоры заканчиваются предварительным согласием. Изучаю отчеты и прогнозы. Поскольку мы масштабируемся и выходим на новые рынки, мне нужна аналитика и цифры, чтобы понимать, насколько это перспективное направление.

Выныриваю из вороха дел, когда секретарь сообщает о звонке Оливера из полиции.

Неожиданно. С чего бы ему меня беспокоить. На часах уже шесть вечера. Обычно в шесть Оливер ужинает с семьей и редко, когда занимается работой в это время. Я был у него, такие ужины всегда посвящены семье. А значит, случилось что-то действительно серьезное.

— Йен, приветствую, — басит на том конце друг, — Нильсон сбежал из тюрьмы. Во время смены караула вырубил охранника и исчез.

Блять.

В голове тут же всплывают его сообщения с угрозами Эстер. Нужно позаботиться о ней.

Вспоминаю ее красное платье утром и такси, что увезло ее в неизвестное мне место. Очень хочу верить, что Нильсон сейчас где-то на пути из Дании и не одержим планами мести.

— Спасибо, — скидываю звонок и тут же набираю Эстер.

Гудки. Давай, детка, сними трубку. Хочу убедиться, что ты в порядке. Но гудки идут, а ответа нет.

Она может просто не хотеть отвечать или не слышать, подсказывает разум. И тем не менее я выхожу из кабинета, на ходу бросая секретарю, что сегодня уже не вернусь. Вызываю водителя и набираю Себастьяна.

— Да?

— Себ, это Йен. Эстер дома?

— Нет, она уехала еще утром. А что?

— Позвони ей, пожалуйста, не отвечает мне. И отзовишься потом, хочу быть уверенным, что все нормально.

— А что может быть не нормально? — Мне кажется я слышу неприязнь в его голосе. Неудивительно. Брат он заботливый, а я его сестру обидел. Решаю не развивать тему, не до этого.

— Себ. Просто позвони ей, пожалуйста.

Пауза.

— Окей, — нехотя отвечает он и сбрасывает, а я сажусь в машину и впервые жалею, что не сам за рулем. Сложно просто сидеть и ждать. Водитель едет быстро, но мне хочется втопнуть и лететь до дома. Снова набираю Эстер, но ответа по-прежнему нет.

Хотя бы просто скинь, чтобы я понял, что ты на связи, но разговаривать не хочешь, мысленно взываю я к ней.

Прошло уже двадцать минут, а мой телефон молчит. Себ уснул там что ли. До поселка остается минут десять. Набираю его — занято. Надеюсь, он говорит с Эс.

Еще через семь минут я стучу в дверь их дома. Открывает Себ и он выглядит тревожным. Пиздец. Лучше бы он сейчас выкатил претензии по поводу нашей ссоры и заявил, что Эстер обижена и не хочет со мной разговаривать. Но в его глазах обеспокоенность.

— В смысле должна была прийти? И не пришла так? И не отвечает? Ладно, Теон отзвонюсь позже.

Себастьян скидывает и отходит в сторону, пропуская меня внутрь дома.

— Эстер должна была встретиться со своими коллегами утром, была намечена прощальная вечеринка, но она так и не пришла.

Твою мать. Рефлекторно прочесываю пятерней волосы и звоню Оливеру, чтобы сообщить о пропаже Эстер.

— Йен, — зовет Себ. Оборачиваюсь и встречаюсь с ним взглядом. — Что случилось?

— Нильсон сбежал из тюрьмы сегодня. Надо найти Эс.

— Пиздец!

И я понимаю в этот момент, что скорее всего да, именно он. В груди остро простреливает беспокойством. Где ты, Эс?

Дальше я обзваниваю всех знакомых из разных служб, которые могли бы помочь в поимке Нильсона. Благо таких накопилось немало — все они были и остаются нашими клиентами. Хожу по гостиной, вкратце обрисовываю ситуацию очередному собеседнику, прошу помочь. Благодарю, скидываю и по новой.

Во рту пересыхает от разговоров и объяснений, иду на кухню, чтобы приготовить себе кофе и вижу на столе панкейки. На секунду прикрываю глаза и в голове калейдоскопом проносятся картинки того, как Эстер их готовит. Как бы я хотел обнять ее сейчас.

Обязательно обниму, как только найду. Вдох-выдох. Пью просто воду и возвращаюсь в гостиную.

Себ тем временем обзванивает друзей и коллег Эстер. Никто ничего не знает. Камилла сообщает, что последний раз они переписывались днем.

Через час тщетных звонков к нам присоединятся Тоб. Всех, кого можно обзвонить, я обзвонил. Полиция тоже на ногах. Ищут Нильсона и ищут Эстер.

Останавливаюсь посреди гостиной. Что еще я могу сделать сейчас? Куда ехать?

Чтобы хоть чем-то себя занять, машинально открываю ее блог и вижу, что опубликованы новые сторис. Сердце сбивается с ритма и в голове мелькает безумная мысль, что она решила отдохнуть ото всех. Все у нее хорошо, фотки вон пуляет. Через секунду понимаю, что нет. Последнее опубликованное фото — утреннее из ее комнаты. Трогательно красивая и грустная.

Какого хера я ждал неделю непонятно чего? Почему не пришел первым? Сильнее сжимаю телефон и делаю очередной глубокий вдох и выдох. Бессмысленно рассуждать об этом сейчас. Я хочу убедиться, что она в безопасности. И что побег Кристиана и ее исчезновение не связаны.

— Он же не мог что-то сделать Эстер? — Спрашивает Себастьян, озвучивая мой самый большой страх на данный момент.

Чувствую, как кишки в узел сворачиваются от одной только мысли об этом.

— Не мог, — уверяет его, а заодно и меня, Тоб, — он отморозок, но не настолько.

— А если все же? Где они могут быть? — Спрашиваю вслух.

В комнате повисает тишина, мы переглядываемся и молчим.

Эстер

За несколько часов до

Сегодня шестой день, как мы не общаемся с Йеном. Я бы хотела сказать, что совершенно спокойно к этому отношусь, не переживаю и в общем-то почти забыла, но увы.

Переживаю каждый день. Скучаю и жду. Жду, что придет.

«А сама почему не пойдешь? Мучаешься ведь, а так бы все решили. Чего тянешь?», — Спросила Камилла, когда я поделилась с ней.

Наверное, потому что страшно. Раньше я не боялась выяснять отношения, сама поднимала вопрос и говорила, как есть. А сейчас все иначе. Это первый мужчина, к которому я испытываю настолько сильное чувство. И мне страшно, что все прекратится из-за глупости. С другой стороны, если отношения прекратятся так легко, то и не стоили ничего.

Но Ками права, тянуть смысла нет. Вернусь со встречи с коллегами и пойду к Йену поговорить.

Все эти дни я плохо спала и просыпалась рано. Зарядка с утра, чтоб взбодриться, чтение, много времени съедает блог. Сегодняшний день не стал исключением. К девяти утра у меня уже была сделана половина запланированных дел.

Пора собираться на встречу с ребятами.

На выход выбираю платье цвета спелой вишни. Подкальываю волосы в ракушку, легкий макияж и любимые босоножки на танкетке. Смотрю на себя в зеркало и представляю, как бы отреагировал Йен на мой внешний вид. Мне кажется, ему бы понравилось. Сразу вспоминаю, как жадно он смотрел на меня в нашу первую ночь.

Не может мужчина так смотреть, а потом все забыть из-за какой-то мелочи. Йен не похож на актера, не верю, что он мог играть.

Делаю несколько селфи, чтобы опубликовать в блоге. Ни одно не нравится, потому что мне кажется, что глаза везде грустные. Тем не менее опубликовать что-то нужно. У меня уже две тысячи подписчиков, аудитория растет значительно быстрее, чем я ожидала и это не может не радовать. А если люди пришли, то нужен контент. А еще у меня есть предварительная договоренность с одним из популярных психологов. Это я уже тоже анонсировала в блоге.

Еще вчера начала работать с первыми рекламодателями и получила оплату. Сумма аванса небольшая, но это нормально для размера моего блога. Вообще удивительно, как легко все пошло. И даже сложности не кажутся мне сложностями и вместо привычного стресса от появившихся проблем я думаю «как интересно получилось» и ищу решение.

Йен, кстати, смотрит мои сторис каждый день. Молча, без реакций, но все же смотрит. Я знаю, потому что статистику несколько раз в день проверяю. Еще один аргумент в пользу того, что он не забыл и не забил на наши отношения.

«Как вообще понять: осознанный ты или нет? Я же в сознании, все вижу и понимаю», — приходит сообщение из блога. Подписчики активно участвуют и предлагают вопросы для встречи с психологом.

«Чем выше мой уровень осознанности, тем больше меняется мой круг общения. Старые друзья говорят, что я зазнаюсь. Это нормально?», — еще один хороший вопрос. Все же тему

я выбрала актуальную. Залетает на «ура», — сказал бы наш главред.

Ставлю лайки за инициативу, откладываю телефон и проверяю содержимое сумочки на всякий случай.

Зеркальце, блеск для губ, салфетки, карточки.

Ну, вроде бы все. Готова. Спускаюсь в гостиную.

— Ты куда? — Слышу с дивана голос брата.

Жует панкейки. Я их через день пекла, все неделю. Ну мало ли, вдруг бы Йен зашел.

— Встречусь с коллегами, что-то типа прощальной вечеринки.

— Так утро же.

— Прощального завтрака, — парирую, — вот ты зануда.

— Долго будешь? — Себ не настроен шутить сегодня, хотя обычно мои выпады не оставляет без внимания.

— Не думаю, еще дела есть.

Он встает, вытирает руки салфеткой и осматривает меня с ног до головы.

— Отлично выглядишь.

— Спасибо, Себ.

— Я думаю, пора нам съезжать, Эс. Мы уже третью неделю здесь живем.

А вот и причина серьезного настроения. Молчу и смотрю на брата. Мне не хочется никуда ехать, потому что это будет значить еще один шаг от Йена. Но он прав, конечно. Мы уже долго гостим.

— Хорошо, — опускаю взгляд, смиряясь.

Себ подходит и обнимает меня.

— Эй, ты расстроилась? Не переживай, я нашел отличную квартиру недалеко от того места, где мы жили. Аренда будет стоить столько же, наших сбережений на первое время хватит, а потом я заработаю еще. Работу я тоже нашел.

— Себ, какая работа? А учеба? — Не верю я своим ушам.

— Совмещать буду. Все так делают.

Снова опускаю голову и прижимаюсь к нему. Мы стоим так пару минут, пока я перевариваю новую информацию.

— Скоро такси приедет, я пойду.

— Давай, будь на связи.

— Конечно. Поговорим о переезде, когда вернусь. Посмотрим, как лучше поступить.

Себ только кивает, провожая меня хмурым взглядом. Я знаю, что он волнуется. Несколько раз брат пытался поговорить и осторожно выведать чем обидел меня Йен, но я так и не рассказала. В конце концов Себ теперь просто молча за мной наблюдает. Отчасти мое состояние скорее всего и подтолкнуло его к активным действиям.

Выхожу из дома и жду машину.

Все-таки красиво здесь. Любуюсь на аккуратные домики и особняк Миккельсенов однозначно самый внушительный. Вписывается в общий архитектурный ансамбль, но неизменно привлекает внимание.

В этот момент открываются ворота их дома, и я вижу, как выезжает машина Йена.

Он ездит на работу каждый день, точнее его возят. Видимо положено по статусу, когда ты главный босс. Это я знаю, потому что тоже за ним слежу, только через окно. Вроде два взрослых человека, а ведем себя как дети. Провожая глазами черный седан с тонированными стеклами, когда подъезжает мое такси.

Сажусь назад, водитель вбивает адрес в навигатор, и мы трогаемся.

Бывшие коллеги будут ждать меня в «семерке». Неплохой бар, чтобы посидеть с друзьями, а в меню есть прикольные завтраки.

Минут через двадцать въезжаем в город и встаем в пробку. Время прибытия в навигаторе увеличивается вдвое.

В сумочке жужжит телефон. Теон прислал селфи, на фото все те, с кем мне особенно нравилось работать. Улыбаюсь, рассматривая снимок.

«В пробке, скоро буду», — набираю ему ответ.

Впереди авария, свободна одна полоса из четырех и машины ползут очень медленно. Прокладываю маршрут в своем навигаторе и получается, что пешком я доберусь за пятнадцать минут. Погода чудесная, решаю, что прогуляться перед завтраком будет неплохо.

— Я выйду здесь, остановите, пожалуйста, — недолго думая, сообщаю таксисту. Он кивает, и, кажется, только рад.

Прохожу по тротуару минут десять и добираюсь до места, где дороги почти свободны и снова получаю сообщение. До кафе остается каких-то два квартала и пять минут ходьбы. Кажется, Теону не терпится увидеться.

«Как дела? Покатаемся?» — Пришло с неизвестного номера.

Перечитываю сообщение и немного замедляю шаг, пытаюсь понять, что за шутки, когда рядом тормозит серебристый седан. Задняя дверь открывается и из машины выходит Кристиан.

Сердце ухает вниз, я делаю шаг назад, пытаюсь справиться с шоком. Он выглядит как безумный: глаза блестят, челюсти сжаты, как и губы, одежда болтается. Он же должен быть в тюрьме, когда его отпустили, черт возьми. Йен говорил, что его надолго посадят. Что изменилось?

Кристиан тем временем больно хватает меня за локоть и начинает быстро тащить в машину.

— Что ты делаешь, отпусти, — пытаюсь вырваться и начинаю выкручивать руку.

Он грубо встряхивает меня, накрывает голову ладонью и толкает в салон машины, садясь следом. Дверь захлопывается, и мы начинаем ехать.

Я продолжаю бороться с ним, сумка падает на пол, пока я вырываю свою руку и в следующий момент получаю удар по лицу и по инерции лечу вперед, стучаясь головой о переднее сиденье. В ушах звон, щека больно горит, в голове шок.

— Заткнись, — летит от Кристиана и он откидывается на спинку сиденья, шумно выдыхает и закрывает глаза. Как будто успокаивается.

Боже, он превратился в какого-то психопата. На удивление я почти не нервничаю. Это придет потом, когда все закончится. Гул в голове постепенно стихает. Осматриваю машину и пытаюсь сообразить, как мне сбежать. Если выпрыгнуть по ходу движения, будет очень больно?

— Заблокируй двери, — словно подслушав мои мысли, приказывает Кристиан водителю. — И вези ко мне, ненадолго задержимся.

— Крис, лучше нам уехать. Оставим ее, — впервые подает голос мужчина с переднего сиденья.

Боже, что значит «ко мне»?

— Я сказал, вези ко мне, — чеканит Нильсон почти по слогам. Водитель только вздыхает и начинает перестраиваться.

Теперь Нильсон внимательно за мной наблюдает. Дышит по-прежнему шумно, челюсти сжаты, смотрит исподлобья. Злится, он злится на меня.

— Куда мы едем? — решаюсь на диалог. В голове мелькает мысль, что это неверная тактика. С захватчиками не надо вести переговоры, но слово не воробей, я уже спросила.

— Я планировал уехать из города, но не думал, что мне повезет настолько, что встречу тебя. Поговорим и свободна.

О чем нам говорить? Черт. Вот теперь мне страшно. Чувствую, как щека начинает болеть сильнее. Нужно попробовать связаться с кем-то. Сообщить, что я в беде. Смотрю на сумку на полу.

— Даже не вздумай. Не беси меня, блять, — слышу сбоку. Я так очевидно пытаюсь вырваться или громко думаю?

Кристиан поднимает сумку, вытряхивает содержимое на пол, берет телефон и прячет в свой карман.

В голове мелькает мысль, что он похитил меня посреди дня, почти в центре города. Это должны были заметить. Теон и ребята ждут, наверняка скоро будут звонить. Внутри начинает теплиться надежда на скорое спасение.

— Говори здесь, зачем нам куда-то ехать? — Говорю, совершая очередную ошибку.

Кристиан резко поворачивается, хватая меня за волосы и приближает к себе. На глазах выступают слезы от боли. В нос ударяет запах немытого тела, грязной одежды и я морщусь.

— Противно тебе, принцесса? Я сказал заткнись и не беси, — он снова отшвыривает меня в другой конец салона. — Все из-за тебя, сука. Но ничего. Ты испортила, ты и поможешь восстановить, — произносит словно приговор Кристиан, с ненавистью глядя на меня.

Я молчу и затихаю в углу машины, пока мы несемся из города. Страшно. Мне очень-очень страшно.

Эстер

Мы покинули город и свернули в какой-то из поселков. Их немало вокруг Копенгагена. И только сейчас я начинаю догадываться, куда мы едем. Йен упоминал, что у Кристиана есть свой дом за городом. Но он же должен быть опечатан, мелькает в голове мысль. Это ведь место преступления, место, где держали Себа. Зачем туда? Смотрю на небольшие дома, мимо которых несемся и начинаю дрожать сильнее.

— Молния не бьет в одно место дважды, — тихо произносит Кристиан, смотря в одну точку.

Точно псих. Не знаю, к чему это он, но молчу. Сажу тихо в углу. Он больше меня не трогает. А я больше не рискую, окончательно осознав, что он не в себе и любая моя реплика способна спровоцировать его на причинение боли.

Машина останавливается минут через десять. Смотрю в окно и вижу ряд домов. Тихая улица, закрытые занавески на окнах, людей не видно.

— Жди здесь, — бросает Кристиан и выходит из машины.

— Нам лучше оставить ее и уехать, — окликает его водитель. Он выглядит как робот. Он не встречается со мной взглядами и кроме разовой реплики в начале и сейчас, ничего не говорит.

Но Нильсон его игнорирует. Обходит машину и открывает дверь с моей стороны. Я смотрю ему в лицо. Мне страшно, и я хочу оценить состояние и понять степень безумства, но вижу только его спокойное лицо и безразличие ко всему. Это как будто вселяет надежду, что все будет хорошо, и мы просто поговорим. Я с радостью останусь в этом непонятном месте и вернусь домой сама. Согласна идти пешком отсюда до города, лишь бы не быть рядом с этим психом.

Выхожу из машины, и он снова хватается меня за локоть.

— Больно, отпусти, — я стараюсь вывернуться.

Кристиан молча встряхивает меня, притягивая ближе и тащит к одному из домов. Оглядываюсь на соседние дома. Они же выглядят жилыми, неужели никому не любопытно что тут происходит.

Мы заходим на территорию, и я вижу, что все двери в дом опечатаны. Разве такие места не охраняются дополнительно полицией? Нам не попасть внутрь, не сломав пломбу на двери. Но Нильсон обходит дом, открывает дверь, хлопает точно по выключателю и загорается свет. Мы оказываемся на кухне.

На столе пыль, в раковине валяется грязная чашка, на окне засохший цветок.

Дальше Кристиан уверенно тянет меня через все помещение. Снова пытаюсь вырвать руку, но он просто перехватывает меня за плечи и толкает перед собой. Когда начинаем спускаться на цокольный этаж, понимаю, что тащит нас в подвал. И только там, наконец, отпускает. Щёлкает выключателем. Делаю шаг в сторону от него и тру руки в месте его захвата. Еще один синяк будет, мелькает мысль на периферии сознания.

Оглядываюсь и пытаюсь понять, зачем мы здесь. Помещение на вид обычное: шкафы, стиральная машина, какие-то коробки.

— Страшно?

Оборачиваюсь и смотрю на Нильсона. Он облокотился спиной на перила лестницы и

наблюдает за мной.

— Твоего брата я тоже здесь держал, вон там привязывал, — кивает он на батарею слева от себя. — И тебя привяжу. Потом уеду. Это мой дом. Закрыт, вход запрещен, сюда вряд ли кто сунется. Как думаешь, долго протянешь?

У меня внутри все скручивается от страха. Кладу ладонь себе на грудную клетку и чувствую, как колотится сердце. Бросаю взгляд на лестницу. Это единственный выход отсюда.

Кристиан вдруг смеется. Хрипловатым лающим смехом.

— Блять, ты бы видела себя. Расслабься, нахрен ты мне сдалась. Мне нужны файлы, которые ты забрала из кабинета Лундта, — просмеявшись, говорит Кристиан.

Смотрю на него во все глаза, пытаюсь сообразить, что сказать. Внутри все еще сильнее напрягается. Какой ответ правильный? Если он знает, что я была в кабинете главреда, то наверняка знает, что я сфотографировала необходимые документы. Решаю, что лучший вариант сейчас — говорить правду, потому что обман может взбесить его и непонятно как он отреагирует.

— Их нет. Я все удалила в тот же день.

— Удалила с телефона, а в облаке остались. Восстанавливай. Он протягивает мой телефон.

Беру гаджет и дрожащими руками. Не знаю, остались ли фото в облаке. А что, если нет? Я никогда не пользовалась этой функцией. Но телефон в моих руках — это реальный шанс подать сигнал sos.

— И не вздумай, блять, никому симафорить, — шипит Нильсон, становясь за моей спиной.

В нос тут же ударяет запах немытого тела. Боже, как же воняет. Что должен делать человек, чтобы так себя запустить. Сглатываю, подавляя рвотный рефлекс. Сейчас нужно сосредоточиться на побеге.

Разблокирую телефон. Десятки пропущенных вызовов и столько же сообщений. Внутри снова оживает надежда. Меня ищут.

— Быстрее давай, — слышу из-за спины.

Одна антенна в углу смартфона. Связь слабая, но должна быть. Захожу в облако и начинаю листать архив. Загружается медленно, подтверждая мою догадку.

Тут действительно все сохраняется. Когда бы еще узнала. На нервах чуть ли не хихикаю. Неудачные фото для блога, фото выпечки, наши дурашливые фото с Йеном и компромат на мое бывшее место работы.

Понимаю, что сейчас или никогда. Резко дергаюсь в сторону, сворачиваю папку с файлами и открываю последние набранные номера. Йен. Нажимаю на вызов. Хоть бы успеть дать сигнал, хотя бы намек.

Я уверена, что он поможет. Только бы успеть дозвониться.

Но я не успеваю.

Перед лицом мелькает ладонь Кристиана, он вырывает телефон и в следующую секунду и со всей силы толкает меня в спину. Падаю на колени, по инерции качусь вперед и сдираю кожу на ногах и ладонях о бетонный пол.

— Сука, — кидает Кристиан мне вслед.

Встаю, пчусь назад и упираюсь спиной в стену, а Нильсон подходит вплотную.

— Все из-за тебя. Могла бы просто принести мне файлы и все, но нет ты связалась с

этим мудаком Микельсенем. Мне оставалась последняя сделка, я бы все провернул и уехал. А теперь у меня нет ни хрена, — он бешено рычит, брызжа слюной. Лицо по-прежнему горит от удара в машине, колено саднит, сердце бешено колотится.

Помогите мне. Помоги мне, Йен. В прошлый раз ты появился так вовремя.

Я молчу, не сводя глаз с Кристиана в надежде, что он прорычится и оставит меня. Но с каждым словом он распаляется все больше. Я уже не слушаю. Сжимаюсь все больше и просто хочу исчезнуть отсюда.

А потом он снова ударяет меня. Я стараюсь закрыться, вырваться, ответить, но он все равно сильнее. «Слишком много пропускаешь», — так говорил тренер Себа, когда тот только начинал учиться борьбе. Я тоже много пропускаю сейчас, а потом приседаю на пол и просто закрываю голову и лицо руками.

Кристиан останавливается через несколько минут и просто громко дышит надо мной. Мне больно везде, боль накатывает волнами, и я боюсь пошевелиться. В какой-то момент становится совсем невыносимо, в глазах темнеет, и я отключаюсь.

Йен

Мы с Тобиасом и Себастьяном объезжаем все места, где хоть как-то отмечался Нильсон. Бесполезно. Никто его не видел уже давно. Все это время параллельно набирак Эстер. В ответ по-прежнему молчание.

Тобиас за рулем, Себ сзади, долбит всех ее друзей. Тоже безрезультатно.

Мы едем в офис, где Нильсон последний раз снимал помещение. Головой понимаю, что рою не туда, но не проверить не можем и без дела сидеть невозможно. Моими силами на ушах вся полиция города, машины досматривают, изучают записи видеокамер, но пока все впустую.

Тянусь к бардачку и нахожу пачку сигарет. Знаю, что Тоб иногда балуется. Вытряхиваю одну, поджигаю и затягиваюсь.

— Ты же... ты же с двадцати лет не куришь, — тянет удивленно Тобиас.

— Не курю, — подтверждаю я и затягиваюсь во второй раз.

С непривычки закашливаюсь, но сигарету не выбрасываю. Мне надо чем-то занять руки, не могу просто сидеть. Даже остановка на светофоре выводит из себя.

Снова набираю, снова гудки.

— Молния не бьет в одно место дважды, — вдруг говорит Себ.

Заебись. Братец похоже мозгами отъехал. С Тобиасом молча к нему разворачиваемся.

— Кристиан часто повторял эту фразу. Я думаю он имел в виду, что вероятность повторения какой-то ситуации минимальна. Он мог отвезти Эс в свой дом. Туда, где держал меня. Вряд ли кто-то станет там искать, — объясняет Себастьян свое внезапное заявление.

Не знаю, насколько версия рабочая, но игнорировать ее точно не будем. Звоню Оливеру и прошу проверить офис, а заодно сообщаю о соображениях Себа.

Надеюсь, малышка, ты просто потеряла телефон или всех игнорируешь. Пусть будет так. Не могу даже думать, что Эс в опасности.

До загородного дома Кристиана мы добираемся за полчаса. Тихо, мрачно и безлюдно. Заведенная тачка у входа выглядит крайне подозрительно. Я хочу и не хочу, чтобы она была связана с исчезновением Эс. Если все же имеет отношение к этому, значит, мы на верном пути. Если нет, то мы снова в тупике.

Сердце учащенно бьется, мозги лихорадочно соображают, что делать дальше. Как лучше поступить. Если Кристиан здесь, вдруг это его сообщник и сможет подать тому сигнал. Просто врываться в дом как дикие викинги неразумно. Другая часть меня велит нестись сломя голову и подумать потом.

Себ, видимо, решает тот же вопрос и в его случае побеждает вторая сущность, потому что я слышу, как сзади открывается дверь, и он выходит на улицу.

С Тобом одновременно следуем за ним.

Себастьян доходит до машины, стучит в стекло с водительской стороны. Оно медленно опускается и на нас смотрит мутный тип.

— Прикурить не найдется? — спрашивает Себастьян.

— Нет, — отрубает тот и пытается закрыть окно.

— А кого ждешь-то? Я просто местный почти, жил тут какое-то время, могу подсказать, — продолжает Себ.

— Никого не жду, отвали, — тип начинает нервничать, замечая нас, и бегло оглядывая.

— А, ты привез что ли кого? Так дом опечатан, входить нельзя. Полиция может приехать.

Водитель снова бросает взгляд на нас, осматривая внимательнее, а потом резко выжимает газ и срывается с места.

Блять. Уже знаю, что Себ оказался прав и Нильсон где-то здесь с Эстер.

Под чертыханье Себа забегаю на территорию дома. Слышу краем уха, как Тоб звонит Оливеру и сообщает номер машины.

Входная дверь по-прежнему опломбирована. Замедляю шаг, но потом вижу свет из боковых окон. Я тогда заходил в дом и точно знаю, что там кухня. Себастьяна вызволяли из подвала. И самый удобный и быстрый способ попасть в него — с кухни.

Стараясь шуметь как можно тише, вхожу в пустое помещение. Себастьян и Тобиас следуют по пятам. Внутри никого, тишина, только горит свет и чуть приоткрытая дверь, ведущая на цокольный этаж.

Приближаюсь к двери и через щель отчетливо разбираю голос.

— Блять, вот че ты начала, а. Просто отдала бы мне файлы и все. Пошла бы на все четыре стороны. А лучше бы вместе со мной все это проворачивала. С твоей мордашкой и моей харизмой было бы в разы быстрее и проще. Я же к тебе со всей душой, мы бы разбогатели на этих лохах.

Чувствую, как по спине катится капелька пота, а к горлу подступает тошнота. Толкаю дверь и делаю шаг вперед.

Свет тусклый. Но взгляд сразу фокусируется на центральной части комнаты. На полу сидит бесформенная фигура, сгорбившаяся, ноги согнуты в коленях и широко расставлены. Вокруг него коробки. Одна рука подпирает голову, а вторая опущена к полу и как будто гладит кого-то.

Внутри все в сотый раз сжимается от страха.

— Но ты, сука такая, выбрала не меня. Не меня, да, — продолжает он бормотать и смотреть вниз.

Спускаюсь еще на пару ступенек ниже и рядом с Нильсоном вижу женскую лодыжку. Лодыжку, которую я неоднократно целовал, ласкал и любовался. В этот момент внутри все окончательно леденеет. Внутри поднимается ярость на ублюдка.

Шагаю еще ниже, уже не заботясь о конспирации, хватаю его сзади за шкуру и откидываю к стене. Не думал, что могу одной рукой поднять человека, но в ярости, оказывается, способен. Нильсон ударяется о стену всем телом и падает кучей на пол.

Как бы мне не хотелось добить его, переживания за Эстер сильнее. Краем сознания отмечаю, как Тобиас подходит к нему. Не сбежит. Это позже. Где-то на периферии слышу звуки сирен. Вовремя. Как в лучших традициях дешевых боевиков. Герои всех спасли, а копы рядом постояли. Только вот мы ни черта не успели.

Поворачиваюсь к Эстер, над которой склонился Себастьян. Ноги сами несут вперед. Шаг. Второй. Я не сразу успеваю рассмотреть детали, потому что пытаюсь охватить сразу всю картину. Она лежит на полу в позе эмбриона. В том самом красном платье, которым я с утра любовался и весь день думал. Волосы разметались по полу, руками она прикрывает голову. Падаю на колени рядом с моей амазонкой и чувствую, как сердце сбивается с ритма.

Лицо в ссадинах и припухло. На руках синяки. Одно из запястий, как и лодыжка отекли. Всегда красивая кожа как будто потускнела.

Сука, Нильсон.

Кладу руку ей на голову и вижу, как Эстер вся сжимается в защитном рефлексе. Хочу обнять ее и боюсь, что сделаю хуже.

— Эстер, детка, это я, — тихо шепчу, наклонившись к ней, — все позади, теперь все будет хорошо.

Йен

Дальше все происходит в какой-то суете. Появляется полиция, скорая, Нильсона забирают. Он не пришёл в сознание, поэтому его кладут на носилки и просто выносят. Провожая его взглядом и чувствую, как внутри поднимается ярость. Она как лава, течет где-то под землей и вот-вот грозит вырваться. Позже. Я обязательно закончу с ним позже.

Нас опрашивает полиция, по очереди рассказываем историю: как искали, как поняли, что здесь, как нашли. Все это кажется таким ненужным и неважным сейчас. Мне очень хочется психануть и просто уйти к Эс.

Оливер просит заполнить какие-то бумаги, сообщая, что сообщник Нильсона задержан. В машине обнаружили поддельные документы и наличные. Они действительно собирались бежать, но максимально странным стечением обстоятельств пересеклись с Эстер.

Ее тоже забрала скорая. Предварительный осмотр врачей показал, что транспортировка возможна без каких-то особых ухищрений. Это значит, что серьезных травм нет. И эта новость чуть ослабила напряжение внутри меня. Но она так и не открыла глаз. На просьбу врача прошептала «нет» и сильнее сжалась.

Наконец, ставлю подпись на последней бумажке и иду к своей машине. Желание оказаться рядом с Эс только растет. Себ хотел пойти со мной, но его полиция допрашивает с особой тщательностью и просит остаться. И я, признаться, рад. Мне пока сложно находиться рядом с ним, потому что я чувствую себя виноватым. В первую очередь перед Эс, конечно. Не нашёл сил на разговор. Не сделал шаг навстречу. Недосмотрел. Не уберег.

Сажусь в машину и еду в сторону города. Вечер, на дорогах не так много людей. В груди комок, все мысли о ней. В голове всплывает наш вечер в ресторане и ее тонкий образ, смех и счастливый взгляд. Какая же она красивая, аж в груди щемит. И как же сильно она мне нужна.

Именно сейчас, вдавливая газ в пол и обгоняя редких водителей на дороге, я четко осознаю, какой ерундовой была наша ссора. Наверное, любая ссора стала бы неважной на фоне всего произошедшего. Почему переоценка происходит только в критические моменты. Если с близкими что-то случается, то мы готовы отодвинуть недомолвки. А если ситуация стабилизируется, то снова начнём в эту игру играть?

Эстер привозят в ту же больницу, где был Себастьян. Въезжаю на парковку. Чертово дежавю. Только в прошлый раз это было началом наших отношений, а сейчас непонятно что. Где мы? Где-то посередине зависли?

Ее сразу же забирали на обследование, а я остаюсь в коридоре. Не жду намеков, помню, что тут лояльный персонал к финансовой помощи, поэтому сразу даю несколько купюр медсестрам и врачу.

Сервис не заставляет себя ждать: Эстер организуют VIP-палату с местом для родственника. Вхожу и оглядываю помещение: есть душ, телевизор и небольшой столик. Если не считать всяких медицинских атрибутов, то выглядит как скромный номер в гостинице. Сойдёт. Дальше надеюсь забрать ее домой.

В следующие два часа, что я жду каких-то новостей, успеваю сходить в душ, заказать доставку еды, трижды проверить рабочую почту. Телефон снова жужжит. Я уже знаю, что это Себастьян. Он звонит мне каждые полчаса. Докладывает, как увозили Нильсона, о чем

его спрашивала полиция и как дом снова опечатали. Я не просил его отчитываться мне. Это нервное. Он волнуется за сестру и нашёл для себя такой способ справляться. И я не перебиваю. Слушаю, поддакиваю, киваю. Про Эстер тоже спрашивает, но мне пока сказать нечего, потому что ничего толком не знаю.

Когда терпение заканчивается, я выхожу из палаты, чтобы узнать хотя бы что-то и застываю. На противоположной стороне коридора вижу медсестру с каталкой, на которой лежит Эс.

Выглядит она не лучше, и глаз по-прежнему не открыла. Синяки проступили четче. Волосы скрыты под шапочкой, в больничной рубашке. Очень маленькая и хрупкая на этой огромной кровати.

Я отмираю, когда медсестра просит меня помочь войти. Рывком открываю дверь. Смотрю, как Эс ввозят в палату, ставят капельницу и надевают кислородную маску. Зачем маску? Блядь, на ум приходят только кадры из фильмов, на которых пациент в маске равно полуживой пациент.

Шагаю к медсестре и, сглатывая комок в горле, спрашиваю:

— Почему она в маске?

— Дождитесь врача, пожалуйста. Он будет через пять минут и все объяснит, — вежливо уклоняется от ответа девушка.

— Первичный диагноз не подтвердился, есть серьёзные травмы? — Я не могу успокоиться, черт побери.

— Я не знаю, вам лучше дождаться врача, — извиняющимся тоном говорит она и двигается к двери.

— Зови его. Сейчас, — киваю ей на выход, которая захлопывается уже через секунду.

Никаких пять минут. Денег я им отвалил достаточно. Подхожу ближе к кровати и хочу взять ее за руку, но боюсь. Зачем здесь ебучая маска?

Дверь за спиной хлопает и входит врач. Молча подходит к кровати, берет карту и изучает ее.

— Почему она без сознания?

— Она спит, — со вздохом отвечает он, не отрывая взгляда от карты. — Пришла в себя, когда брали кровь. Расплакалась. Потом сказала, что очень устала и хочет спать. Вкололи успокоительное, и она заснула.

В сознание врезается слово «расплакалась». Резко выдыхаю. Хочу ее обнять и защитить. Понимаю, что прошлого не исправить, но желать этого не перестаю. Дальше догоняет мысль, что в сознание она приходила. Уже проще.

— А маска зачем?

— Обогащение крови кислородом. Это ускорит процесс выздоровления и возвращения к полноценной жизни.

Напряжение в груди спадает ещё немного. Ничего серьезного из серии «не может дышать сама».

— Долго спать будет?

— До утра точно, — наблюдаю, как он замеряет пульс, сам себе кивает и вносит очередную запись в карту.

— Как в целом состояние?

— Стабильно, как видите.

— Док, можно подробнее? — Начинаю терять терпение.

— Вывих голеностопного сустава, запястья. Наложили эластичные повязки. Множественные ушибы и ссадины, — монотонно перечисляет он, а у меня сжимается все внутри при очередном диагнозе, — ноге и руке нужен покой. Ушибы обрабатываем заживляющей мазью, скоро сойдут. В остальном оргазним в норме. Ну и сильнейший стресс, разумеется.

Вижу, все сам вижу. Киваю врачу, тот вешает карту на кровать Эстер и уходит.

В очередной раз звонит Себ, отхожу к окну и вполголоса рассказываю ему новости. Он обещает заехать утром, потому что Оливер не торопится его отпускать. Нужно ещё что-то заполнить, заверить и подтвердить. Мысленно радуюсь, что не я занимаюсь всей этой бумажной волокитой.

Дальше мы остаемся вдвоем. Сажусь рядом с кроватью Эстер. Беру в руку здоровую ладонь, переплетаю пальцы и в очередной раз зависаю на ней. До чего же она хрупкая, оказывается. Я раньше отмечал только, что она миниатюрная.

Эстер спокойно дышит, и, я надеюсь, спит без снов. Мне больно смотреть на повреждения на ее теле. В груди смешивается целый вихрь чувств — злость на Нильсона, волнение, вина, ответственность и щемящая нежность. В очередной раз ловлю себя на мысли, что хочу ее обнять и в очередной раз одергиваю себя, боясь потревожить. С ней все в порядке, убеждаю сам себя, опираясь на слова врача.

Ты только приходи в себя, Эстер. Остальное мы обязательно решим.

Йен

За ночь несколько раз приходит медсестра, проверяет показатели на приборах и ухаживает. А я пытаюсь работать, подрываясь каждый раз, как Эстер ворочается во сне.

Я достал из тумбочки несколько подушек и аккуратно положил ей под голову. Хочу, чтобы ей было комфортно. Вечером доставляют несколько букетов, потому что еще я хочу, чтобы ей было уютно. Не уверен, что завтра поедем домой, поэтому хотя бы так.

Заснуть не удастся, а бесконечно таскать в голове произошедшее бессмысленно, потому что все уже случилось. На данный момент я сделал все, что мог. Пока Эс спит, я изучаю ее медицинскую карту вдоль и поперек. Ничего серьезного не диагностировали. Все, как и сказал врач. Когда я уже почти наизусть запоминаю показания и делать становится совсем нечего, иду в машину за ноутбуком, сменной одеждой и сажусь работать.

К утру клонит в сон. Дремлю пару часов, а когда персонал начинает активничать в коридорах — иду в душ и переодеваюсь. Потом спускаюсь за кофе, а возвращаясь, вижу, что Эс не спит, а сидит на кровати. Маску сняла, и ощупывает свое лицо.

— Детка, — сам не осознаю, как отставляю стакан с кофе на столик, шагаю к ней и обнимаю. Прижимаю за голову к груди, улавливая запах лекарств. Она ощущается очень маленькой в моих руках. Отстраняюсь и заглядываю в глаза. — Как чувствуешь себя?

— Болит рука, нога и лицо, — тихо отвечает, поднимая на меня взгляд.

А у меня внутри все в очередной раз сжимается, когда смотрю на перебинтованные запястье и синяки на красивом лице.

— Врача позвать?

— Да нет, я думаю, мне уже сделали все, что могли. Мне сказали вчера, что все более-менее в порядке. Пить только хочу.

Разворачиваюсь, наливаю ей воды и подаю стакан. Смотрю на нее во все глаза, со страхом уловить признаки ухудшения состояния. Но ничего не нахожу, и это не может не радовать. Эстер жадно пьет, возвращает стакан и укладывается обратно на кровать.

— Спать? — Сглатываю, в надежде, что все же нет и облегченно выдыхаю после ответа.

— Нет, просто слабость немного. Хочу лежать.

— Я попрошу принести что-то, ты ела сутки назад, наверное.

Организовываю завтрак. Эстер можно все, это я точно знаю из ее карты. Мою руки,двигаю столик и стул ближе к кровати. Все это время наблюдаю краем глаза за Эстер. Не спит, смотрит на мои приготовления. Когда приносят завтрак, закатываю рукава рубашки, забираю поднос у медсестры и сажусь на стул у кровати. Беру ложку и зачерпываю кашу.

— Ты меня кормить собрался? — чуть улыбнувшись спрашивает Эстер.

И я на секунду теряюсь, вдруг осознавая себя с ложкой у ее рта. Перебор с заботой?

— Подумал, что тебе пока сложно будет, — намекая на забинтованную руку.

Эстер снова улыбается, а потом чуть подается вперед и приоткрывает рот.

Нормально, значит. Не перегнул. Эстер съедает почти всю порцию, запивает чаем и снова укладывается. Аппетит есть, это ведь хороший признак? Убираю в сторону поднос и сажусь на край кровати. Беру ее ладонь.

— Спасибо за цветы. Красивые.

— Рад, что нравится, — киваю. Следующий вопрос вырывается почти против воли. —

Расскажешь, как все произошло?

Я в курсе событий, но хочу быть уверенным, что я знаю все детали произошедшего.

Эстер поднимает на меня взгляд, тихо вздыхает.

— Ну, если вкратце, то я собиралась посидеть с коллегами, но встретила Кристиана. Мы уехали в его загородный дом, где он стал требовать с меня файлы-компромат, из-за которых все и началось. Я попыталась вырваться и позвать на помощь, он вышел из себя и ударил, потом я отключилась. Проснулась уже здесь.

Освобождаю руки, сжимаю кулаки и встаю с кровати. Глубокий вдох и выдох, сейчас надо успокоиться.

— Как вы догадались где искать? Я не успела тебе позвонить. Набрала, но Кристиан выхватил телефон.

— Себ догадался, — снова разворачиваюсь к ней.

— Кристиан сказал, что брат тоже в этом же доме был.

— Да, так и подумали, — возвращаюсь к девушке и сажусь на край кровати, — что-то про то, что два раза в одном месте искать не будут.

Снова беру ее за руку и смотрю в глаза. Между нами словно стена. Вроде и говорим о важном, но как будто на официальном приеме: холодно и вежливо.

— Говори уже, — Эстер не отводит взгляд и спокойно смотрит на меня. Меня словно изнутри дрожью пробивает.

Так смотрят, когда готовы ко всему и спокойно встречают свою судьбу. Ты там с чем смирилась, детка? Что себе напридумывала? А потом меня осеняет, что она может не смирилась, а решилась. Решилась уйти от меня и окончательно разорвать отношения. Сглатываю.

— Очень за тебя испугался, — говорю честно, — готов был землю рыть, когда Оливер мне позвонил и сказал, что Нильсон сбежал из тюрьмы, а ты перестала отвечать.

Эстер ещё пару секунд выдерживает взгляд, а потом закрывает глаза и я вижу, как из уголка стекает слеза.

Блядь. Внутри все ухает вниз. Беру в руки ее лицо и наклоняюсь.

— Эстер, что такое? Что-то болит? Врача позвать?

Она молчит и только крутит головой из стороны в сторону. Я теряюсь, как и всегда при виде женских слез. Что делать не понимаю, но Эстер мне помогает. Присаживается на кровати и тянется за объятиями. Прижимаю к себе крепко, глажу по голове.

— Мне было так страшно, Йен, так страшно, — она отстраняется, вытирает мокрые глаза и всхлипывает, — он совсем неадекватный. Я боялась, что уже не выйду из этого дома.

Сердце словно сжала невидимая рука от ее слов. Обнимаю еще крепче.

— Этого бы не случилось. Мы с Себом сразу заподозрили неладное и начали поиски. Я бы не допустил, Эс.

Она кивает, сжимает руками рубашку и продолжает плакать у меня на груди. Вспоминаю про стресс, о котором говорил врач. И понимаю, что слёзы в этом случае — хороший признак. Пусть лучше выплечет все, чем будет держать в себе. Молчу и аккуратно глажу по спине.

— Блин, извини, я, кажется, всю одежду тебе намочила, — она отодвигается через некоторое время и рассматривает небольшое пятно на ткани.

Меньше всего меня сейчас волнует собственная одежда. Стираю с лица мокрые дорожки и смотрю в глаза.

— Все позади, Эс. Теперь все позади.

Она часто-часто кивает и снова отстраняется, отводит взгляд и вытирает слезы. Убираю руки и внимательно наблюдаю за ней. Она поправляет волосы, одергивает сорочку, натягивает одеяло и больше не смотрит в глаза. И снова между нами стена. Ну уж нет, так не пойдет.

— Эстер, — негромко зову и жду, когда все же посмотрит на меня. А когда она, наконец, перестает суетиться и поднимает взгляд, говорю, — мне надоело быть порознь. Соскучился. Возвращайся ко мне. Я чуть не поседел, пока искал тебя, зная, что Нильсон где-то рядом. Не хочу так больше. Хочу знать где ты. Извини, что тогда наговорил разного, у меня есть небольшой пунктик по поводу лжи, — заканчиваю монолог и чувствую, как внутри стало легче оттого, что, сказал вслух то, что давно назрело.

Эстер внимательно смотрит на меня, потом вздыхает и также негромко начинает.

— Давай сразу проясним, — а у меня все внутри замирает. Как пацан двадцатилетний, ей-Богу. — Мы поругались, потому что я утаила часть информации, казавшийся мне неважной. Я сделала это не из намерения обмануть тебя. Мне казалось, что это все в прошлом, зачем в нем копать. Ты пообещал оградить меня от всего, что связано с Нильсоном и я радостно согласилась.

— Я бы и оградил, — перебиваю ее, но Эс поднимает забинтованную ладошку и я послушно затыкаюсь.

— Я знаю, Йен. Спасибо, за все, что сделал для меня и Себа. Я хотела сказать, что радостно скинула на тебя всю ответственность и забыла, что так не бывает, что я не ребенок, а ты не мой родитель. Извини, что не сказала всей правды сразу.

И мне хочется спорить с ней и объяснять, что да, когда дело касается безопасности, врать — только себе хуже делать. Но я гашу эти порывы. Бессмысленный спор. Эстер и без нравоучений сделала вывод.

— Иди ко мне, — шагаю к ней и снова прижимаю к себе. — Не бойся мне что-то сказать. Я не страшен в гневе, — пытаюсь шутить, — вспылить могу, но на этом все.

— Когда ты уехал, хлопнув дверью, мне стало очень одиноко, — отвечает она и поднимает голову от моей груди.

Знаю, что тут виноват.

— Прости. Я привык к правде, так меня воспитали. Поэтому воспринял все крайне остро. Знаю, что это не оправдание.

Наклоняюсь и аккуратно веду губами по ее губам, имитируя поцелуй. Она не отворачивается, а только ластится в ответ.

— И я соскучилась, — говорит Эс через время отстраняясь. И в этот момент я понимаю, что мир между нами окончательно восстановлен. Внутри меня все еще ворочается чувство вины и злость на Нильсона, но радость от примирения на данный момент перекрывает все.

В эту минуту дверь палаты распаивается и внутрь влетает Себ и Тобиас.

— О, ну надо же. В себя пришла, а про меня и не вспомнила. Я волновался, между прочим, — брат моей амазонки подходит с другой стороны кровати и крепко ее обнимает, поверх моих рук.

— Спасибо, — говорит откуда-то изнутри Эстер, обращаясь, видимо, ко всем сразу.

— Пожалуйста. Теперь буду провожать тебя везде, — отвечает Себ. Хмурюсь, слыша это заявление. У нее есть я, хочется возразить, но я молчу. Ладно, с братом решим позже.

— Оставлю вас, — смотрю Себу в глаза. Думаю, они хотят немного побыть вдвоем.

Он кивает и продолжает обнимать сестру.

— Эстер, рад был повидаться. Поправляйся скорее, — говорит от двери Тобиас.

Целую еще раз амазонку и выхожу с другом из палаты.

Йен

Сегодня Эс выписывают. Будет на домашнем лечении. Врач обещал к обеду отправить домой, сейчас одиннадцать утра. Я ездил за ее вещами и возвращаюсь как раз ко времени выписки. Чуть позже надо будет еще заказать продукты.

Захожу в палату и вижу, что тут еще и брат Эстер. Мы так и не поговорили, поэтому я получаю очередной хмурый взгляд Себа. Когда Эстер пришла в себя и напряжение спало, он только так на меня и смотрит. Я ему не нравлюсь. Удивительно, что еще сам не вызвал на разговор.

Игнорирую недовольного родственника и иду напрямиком к кровати. Эстер улыбается и в груди от этого становится тепло и совершенно все равно на всех угрюмых братьев в помещении.

— Привет, готова? — наклоняюсь и целую Эс, ставя на кровать пакет.

— Да, врач должен скоро прийти. Спасибо, что привез одежду. Сейчас переоденусь.

Она начинает неуклюже вставать с кровати. Нога и рука все еще забинтованы.

— Давай помогу, — одновременно произносим мы с Себастьяном.

— Не надо, — как обычно отнекивается она, — я сама. Дайте мне минут пять.

Скептически смотрю на ее попытки сесть на кровати и начать одеваться.

— Ладно, дайте двадцать. Но я хочу сама.

Она только в первый день разрешила с собой понянчиться, а дальше все пыталась делать самостоятельно. С одной стороны, хочется настоять и помочь, а с другой — очень ее понимаю. Окажись я на ее месте, тоже бы старался сам справляться.

— Зови, если что, — первым сдается Себ и выходит из палаты.

Вздыхаю, смиряюсь молча и тоже выхожу.

Себ опирается на стену напротив двери, скрещивает руки на груди. Я встаю аккурат около двери. Эстер, скорее всего, не позовет, но если вдруг, то я рядом. Так мне спокойнее. Повисает невнятное молчание. Вспоминаю про доставку и утыкаюсь в приложение. Мясо, овощи, фрукты — листаю каталог, прикидывая примерно, чтобы понравилось Эстер. Подтверждаю покупку и оплачиваю заказ.

— Итак, вы снова вместе, — говорит Себ, привлекая внимание.

Поднимаю голову и встречаю прямой взгляд. Ну наконец-то. Блокирую телефон и убираю в карман.

— Вместе, — подтверждаю очевидное.

— Надолго?

Молчу, взгляд не отвожу. Жду, что продолжит язвить. Пусть уж разом все высказывает. Но Себ молчит.

— Надолго, Себ. Мы поговорили, и все выяснили.

— Ты неделю ее игнорировал.

Опускаю голову.

— Это правда, признаю. Был не прав, но мы с Эс выяснили и этот момент. Твои претензии я понимаю, я бы также себя вел, — если не хуже, добавляю про себя, — но, поверь, это лишнее. Сейчас я могу еще много чего наобещать, но не буду. Она мне очень нравится, Себ. Очень. В противном случае меня бы здесь не было.

Он смотрит еще пару секунд, а потом отворачивается.

— Эстер какая-то спокойная, что ли, рядом с тобой. Смеется и выглядит довольной. Если бы не это, ты бы давно пошел нахер.

Молча киваю. Знаю, что пошел бы. Добавить нечего. Греет мысль, что не я один вижу, как Эстер меняется рядом со мной.

— Я скоро съеду. Предложили интересную работу, жилье тоже нашел. Еще когда вы были в ссоре.

Удивленно поднимаю бровь. Шустрый парень.

— Что за работа? Я многих знаю в городе, могу замолвить словечко за тебя, — предлагаю. Я действительно могу помочь, ему так будет проще.

— Я сам.

Звучит точно таким же тоном, как и Эстер несколько минут назад. Семейное, видимо. Но для мужика похвально. Поднимаю вверх ладони, капитулируя.

Расслабляюсь и тихо радуюсь, что этот вопрос решен и он хотя бы выговорился. Уже хорошо. Вряд ли стал тут же доверять, но, по крайней мере, о хмурых взглядах можно забыть.

Снова замолкаем на пару минут, но потом он начинает говорить то, от чего в груди сводит.

— Береги ее, Йен. Вряд ли ей попадетсЯ еще один Кристиан, но дерьма в этой жизни и без него хватает.

Это не прощение и не принятие. Он согласен смириться с тем, что я есть ради сестры. Я понимаю это и благодарен. Не знаю, что ответить, поэтому просто киваю.

— По Нильсону уже есть решение? На сколько сядет? — Продолжает Себ, удовлетворившись моим скупым ответом.

При упоминании этого имени уже рефлекторно вспыхиваю. Брат Эстер сегодня в ударе. Устроил мне эмоциональную карусель.

— Будет известно в конце месяца. Сядет надолго, я контролирую.

Теперь Себ кивает. Здесь мы с ним сходимся: была бы возможность устроить самосуд без последствий, мы бы и секунды не сомневались.

— Об Эс я позабочусь. Будет нужна любая помощь — обращайся.

Себ, наконец, расцепляет руки и проходится пятерней по волосам. Ничего не отвечает и вряд ли обратится, это я тоже понимаю. Но я предложил, он услышал. Дальше пусть решает.

Смотрю на часы. Двадцать минут прошло. Приоткрываю дверь и заглядываю внутрь.

— Эстер, все хорошо?

— Да, почти готова. Можете заходить.

Машинально охватываю взглядом стройную фигуру и облизываюсь. Очень хорошенькая, несмотря на бинты.

Сажусь на ее кровать, Себ плюхается на стул. Болтаем о разных пустяках, пока ждем доктора. Себастьян больше молчит, изредка вставляя пару слов. Через полчаса врач появляется, осматривает Эстер, объясняет про покой и бережное отношение к организму и выписывает.

Втроем покидаем больницу. Всю дорогу до дома Эстер не перестает улыбаться. Сам расплываюсь, глядя на нее и в груди, как будто, легче становится.

Доезжаем до дома, беру ее на руки и заносу внутрь, игнорируя очередной приступ «я сама». Себ не отстает, берет вещи и открывает дверь. Следом заносит пакеты из доставки. Опускаю Эс на диван в гостиной. Легонько целую в губы и выпрямляюсь.

— Сегодня я готовлю ужин. Будет мясо с овощами. Ты пока отдыхай.

На удивление Эстер не спорит, а откидывается на диване и берет планшет.

Достаю мясо и пока мариную, слышу, как сзади зашуршали пакеты. На секунду мелькает мысль, что Эстер решила присоединиться к процессу. Я уже почти готов ее отчитать. Поворачиваюсь и на мгновение зависаю.

— Овощи пока порежу, — говорит Себастьян.

А это уже похоже на оттепель. Молча возвращаюсь к маринаду.

— Добавь розмарин. Эстер любит.

А я не знал.

— Понял.

Беру несколько веточек, добавляю в мясо. Все кладу в пакет, туда же овощи. Отправляю в духовку под контролем Себа. Убираем оставшиеся продукты в холодильник, мою руки, а когда смотрю в гостиную, ловлю внимательный взгляд Эстер. Смотрит на нас по очереди.

Торможу и тоже смотрю. Что такое, детка, хочется мне спросить. И она словно улавливает мой вопрос. Качает головой из стороны в сторону, слегка улыбается и отворачивается к телевизору.

Проводим вечер вместе. Ужинаем, снова болтаем, только теперь уже втроем. Через какое-то время Себ поднимается к себе, оставляя нас двоих. Лежим на диване, смотрим фильм. Эстер у меня на груди и я то и дело вожу губами по макушке. Под конец просмотра мне настолько хорошо рядом с ней, что я решаю остаться переночевать.

— Оставайся, конечно, — улыбаясь, соглашается Эс, когда спрашиваю ее разрешения.

Стоит принять решение, как внутри становится спокойно и правильно. Уже лежа в обнимку с ней, я осознаю, что мне правильно быть здесь. Словно я долго решал эту задачу и, наконец, нашел ответ и теперь нахожусь на своем месте.

Эстер

— Вращайте стопой аккуратно, — просит врач и я сначала медленно тяну носок на себя, потом от себя.

— Не больно, — сообщаю ему, надеюсь, что он скажет все, здорова и будет можно, наконец, передвигаться обычным образом.

— Хорошо, теперь вправо и влево.

Начинаю выполнять и ойкнув, тут же замираю. В сторону пока дается сложно.

— Болит, — констатирует очевидное Йен, наблюдавший за мной.

— Да, есть немного, но не критично. Я бы все же хотела снять уже повязку. Перемещаться буду минимально, конечно.

Очень устала от ограничений. Сначала находилась в больнице два дня, а потом периодически ездила на осмотр на протяжении двух недель. Йен настаивал. Болеть утомляет. Руку пару дней назад освободили от бинтов и это невероятное облегчение. Я, конечно, приспособилась за две недели, но как же это прекрасно — чувствовать себя здоровой.

Синяки на лице и теле тоже сошли довольно быстро. Думала, придется прятаться под солнечными очками, но обошлось.

Осталась нога. Я очень хочу ходить сама. Хочу уже провести интервью, которое вынужденно переносилось. Хочу сходить в кафе с Камиллой сама. Хочу, в конце концов, по дому свободно передвигаться.

— Детка, ты уверена? — спрашивает Йен, — может лучше еще пару дней подождать?

Он все свободное время находится рядом. С тех пор как мы поговорили в больнице, между нами словно укрепилась связь и доверия стало больше.

Работа занимает много времени, но он почти каждый вечер приезжает и проводит досуг со мной. Или просто работает, пока я рядом занимаюсь своими делами. Сегодня вот сам привез меня в больницу.

— Уверена. Хочу ходить сама. Давайте снимать.

Врач лишь пожимает плечами, дает мне на подпись несколько документов, после чего проговаривает рекомендации, которые я и так уже знаю, желает не болеть и отпускает.

Аккуратно спускаюсь с лестницы, опираясь на крепкую руку Йена. А дальше уже отпускаю его и бодро шагаю вперед. Не могу сдержать счастливой улыбки.

— Не торопись, Эс. Так и знал — повязку снимешь и побежишь, — догоняет меня Йен.

— Я аккуратно, просто очень уже хочется поскорее начать что-то делать. У меня столько идей родилось за время вынужденного простоя, столько планов. Тем более на улице совсем тепло. Это настоящее наказание — сидеть дома сейчас.

— Согласен. Когда по плану я? — Мы останавливаемся у машины, и Йен обнимает меня со спины и целует за ушком. Выворачиваюсь из объятий и смотрю ему в лицо.

— Сейчас? — закидываю руки на шею, а он склоняется ко мне и целует.

Поцелуй получается медленный и чувственный. Мы, то слегка касаемся губами, то углубляем поцелуй и встречаемся языками. Йен начинает водить руками по спине, спускается к заднице и сжимает ягодицы.

— Поехали. Или трахаться в машине придется, а там неудобно, — хрипло смеется Йен и

немного отстраняется от меня, открывая дверь машины, — садись.

Я ничего не говорю, потому что согласна и потому что растаяла от поцелуя и хочу продолжения.

Секса у меня вообще стало много в последнее время. Мы и так ночевали вместе, пока я была в больнице. Но там он сдерживался, да и я еще не пришла в себя.

Когда мне разрешили перейти на домашнее лечение, Йен не просто проводил время со мной, но и поднимался каждый раз в мою спальню, помогал с приготовлениями ко сну, а потом обнимал и мы засыпали. Таких платонических ночей было ровно две. Дальше случился секс. Вроде я просто поцеловала его, Йен поддержал и понеслась.

Себ сначала пытался перехватить у Йена роль моей сиделки, но с последним не так просто справиться. В общем, мой мужчина победил. Между ними сохранялось какое-то напряжение первое время, но потом, я догадываюсь, они поговорили и восстановили мир. Сколько я не пыталась узнать у каждого, что произошло, ни один так и не рассказал. Потом брат съехал. Я не стала возражать. Себ всегда был очень самостоятельным. К тому же ему сделали интересное предложение по работе.

В общем никто не мешал нам предаваться греху во всех смыслах. Иногда Йен с порога подхватывал меня и усаживал на тумбу, и мы трахались, не поздоровавшись и не раздевшись. Иногда мы встречались вечером, и Йен почти без разговоров шел работать. Я его обычно не трогала в такие моменты. Чем выше должность, тем больше времени она отнимает. Зато потом мы шли вместе на кухню, на поздний ужин и пока в духовке готовилась еда, мы занимались сексом прямо на обеденном столе.

Вот и сейчас я в предвкушении: чего мой викинг захочет сегодня. Какой будет наша близость.

Йен торопится, сквозь зубы кидает речательства и в итоге довозит нас до дома за полчаса. Не сговариваясь, мы быстро выходим из машины и поднимаемся на крыльцо, где у Йена начинает звонить телефон.

— Блядь, детка, это важно. Должен ответить, — извиняется он, пропуская меня в дом и закрывая дверь. Йен проходит в гостиную и садится на диван, и отвечает на звонок. Если он говорит, что звонок важный, значит, это действительно так. Вздыхаю и иду наверх.

Разговор у него, безусловно, серьезный, но я недовольна. Нет, не так. Я очень недовольна. Как можно оставить возбужденную девушку?

Принимаю душ и в голову приходит идея. У него все звонки важные, и их всегда будет много. Но не зря же он зовет меня амазонкой. Пойду отвоевывать свое.

Оборачиваюсь полотенцем, волосы подкалываю наверху. Смотрю на себя в зеркало. На коже переливаются капельки воды, на щеках легкий румянец, глаза горят, влажные волосы добавляют сексуальности. Отлично, я во всеоружии. Спускаюсь и застаю Йена там же: на диване, ноги широко расставлены и локти на коленях. По-прежнему говорит по телефону, брови нахмурены, большой и указательный пальцы на переносице.

Приглушаю свет, прохожу в центр гостиной и встаю перед Йеном. Он кладет руку на мою ногу и не торопясь ведет вверх, прослеживая за ней взглядом. Чуть замедляется, дойдя до края полотенца, а потом скользит под него и сжимает голую ягодицу.

Подаюсь немного вперед и толкаю его назад. Йен откидывается на спинку дивана и смотрит мне в глаза.

— Нет, мы не будем подписывать, это охренеть как невыгодно. Что за кабалу они нам предлагают? — Говорит он в трубку.

Не отрывая взгляда от него, развязываю полотенце, и оно падает к моим ногам. Йен сглатывает. Пару секунд мы удерживаем контакт глаз, а потом Йен начинает скользить взглядом вниз. Ему нравится, я знаю. Нравятся моя аккуратная грудь и гладкий лобок. Даю полюбоваться несколько секунд, а потом опускаюсь на колени между его разведенных ног.

— Карлос, ты мне звонишь порассуждать? У тебя целая команда есть на этот случай, мне нужны результаты, а не мысли вслух, — Йен нервничает.

О, Карлос на связи. Хороший сотрудник, но только временами. Иногда у него случаются жесткий тупняк, как сказал мне однажды Йен. Видимо, сейчас как раз тот случай.

Задираю футболку и целую живот, подбираясь к паху. Расстегиваю ремень, немного спускаю штаны и боксеры. Языком веду обратно к пупку. Слышу, как Йен шумно втягивает воздух. Но трубку так еще и не положил. Окей, усложняем.

Спускаю трусы ниже и достаю член. Он уже твердый, горячий и с очень нежной кожей. Наклоняюсь и обвожу языком головку.

Сегодня без длинных прелюдий. Мы еще в больнице оба завелись. Беру члену полностью в рот и начинаю сосать как Йен любит: ритмично заглываю, помогая себе рукой.

— Карлос, все, реши вопрос, и тогда наберешь, — Йен завершает разговор и откидывает телефон.

Есть, отвоевала.

Поднимаю на Йена взгляд, останавливаясь. Он возбужден и полностью сосредоточен на процессе. Голова чуть закинута назад, но при этом он наблюдает за мной из-под опущенных век. И только я хочу спросить, как он хочет продолжить вечер, как слышу:

— Продолжай сосать, — взгляд прямой, тон жесткий, приказ четкий. И я возбуждаюсь от этого еще сильнее и с удовольствием возвращаюсь к занятию. Чувствую, что между ног уже жарко и тянет, соски напряглись и ноют.

Прерываюсь, чтобы сделать вдох и смотрю на него. Йен убирает руку со спинки дивана, резко наклоняется и берет меня за горло. Не сильно, но ощутимо.

— Блядь, — вырывается у него тихо и потом он впивается в мои губы поцелуем. Язык проникает в рот и сплетается с моим. Кладу руки ему на торс и вспоминаю, что он еще одет. Тяну футболку вверх и Йен, прервавшись, снимает ее.

А дальше он опускается на пол рядом со мной, нежно ведет костяшками по моему лицу и аккуратно опрокидывает меня спиной на пол гостиной.

Сам встает и начинает избавляться от остальной одежды, а я развожу широко ноги и закидываю руки за голову. Любуясь на его красивую фигуру, аккуратно очерченные мышцы и стоящий член. Все еще блестящий от моей слюны. Смотрю, как он тянется за презервативом, раскатывает его и поворачивается ко мне.

Йен замирает на секунду, в свою очередь, разглядывая меня.

— Обалденная, — и опускается на колени между моих ног. — Что сегодня хочешь? — Спрашивает, а сам начинает ласкать живот, пуская мурашки по всему телу. Низ живота начинает словно судорогой сводить, что даже пальцы на ногах поджимаются.

Йен поднимается выше, к груди, уминаясь у меня между ног. Лижет и кусает соски по очереди, отчего я выгибаюсь ему навстречу. Потом он поднимается еще выше и переходит к шее, покрывает ее частыми короткими поцелуями, пока не добирается до уха и не шепчет:

— Так чего?

— Обожаю твой член внутри. Трахни меня.

Йен поднимается на руках надо мной, улыбается уголком губ, смотрит в глаза и отвечает:

— С удовольствием, — и резко входит в меня одним толчком.

И он сдерживает свое обещание — трахает меня так, что по телу волнами бегут мурашки. Сильнее, сильнее и копятя где-то внизу живота. Там тяжелеет и невыносимо напрягается, пока не доходит до пика, и я взрываюсь, обнимая его ногами и руками. Следом за мной срывается и Йен.

Потом он замедляется и еще через несколько фрикций выходит.

— Огонь, амазонка, начали бодро. Жди меня в душе и на второй заход идем, — он шлепает меня по бедру, и мы вместе поднимаемся с пола.

Ноги дрожат, тело расслаблено, но я радостно плетусь в душ, ожидая добавки.

И получаю ее. Той ночью мы трахались еще трижды по пути в кровать, пока счастливые и удовлетворенные оба не заснули.

Йен

Сквозь сон слышу, как на столе вибрирует телефон. Я лежу на животе, не двигаясь еще несколько секунд, в надежде, что жужжание прекратится. И оно прекращается, а потом начинается заново.

Черт, сколько времени и кому я понадобился в такую рань. Я планировал оторваться от дел на полдня сегодня и провести время с Эс. Открываю один глаз, тянусь к телефону, собираюсь скинуть, и вижу, что звонит Оливер. Просто так он никогда беспокоит, придется ответить. На часах десять утра. Не помню, когда я просыпался так поздно. С другой стороны, вчера мы с амазонкой прилично измотали друг друга, так что удивительного мало.

Поднимаюсь с кровати, сжимая в руке жужжащий телефон. Оглядываюсь назад и вижу, что Эстер тоже спит на животе, выставив голую задницу. Солнце светит аккуратно на нее.

Красиво.

И снова я почти залипаю. Почти, потому что телефон не перестает вибрировать.

Каждый раз одинаковая реакция на нее: вижу-залипаю-хочу.

Натягиваю штаны и спускаюсь в гостиную, на ходу отвечая на звонок.

— Йен, не дозвонишься, — смеется друг, — я по поводу дела Нильсона. Суд перенесли. Будет сегодня, ты хотел прийти.

Хотел, да. Еще одна цепочка реакций, неизменно возникающих при упоминании этого ушлепка — слышу-взрываюсь-хочу отомстить. Руки невольно сжимаются в кулак. Синяки у Эстер совсем сошли и идеальная кожа выровнялась. Каждый раз внутри все скручивается от мысли, что она перенесла.

— Где и во сколько? — спрашиваю у Оливера.

— Фредериксберг, в полдень, — это через два часа, машинально отмечаю про себя.

— Буду, спасибо, — отвечаю.

— Давай, не опаздывай, — Оливер скидывает звонок.

Я все же отомстил. Доказательства вины в крупном мошенничестве, нападение и умышленное причинение вреда здоровью и несколько мелких статей обеспечат ему приличный срок. И я лично хочу слышать, как суд его приговорит.

Разворачиваюсь, чтобы вернуться в спальню и невольно окидываю взглядом помещение. Мы уже месяц тут живем. Дом неплохой и Эстер вроде нравится, но я все же хочу для нас что-то новое и только наше. Еще одна мысль, которая пришла мне в голову и тут же была воспринята как правильная.

Возможно, где-то в Копенгагене, чтобы быть ближе к городу. У Тобиаса много предложений по расширению бизнеса, обеда с потенциальными партнерами проходят чаще в городе.

И еще мне надоело мотаться в родительский дом: то одежду взять, до документов не хватает для работы, то еще что-то.

Надо найти подходящий момент и сказать Эстер.

В спальне ее не обнаруживаю, зато слышу, как в ванной шумит вода. Секс в душе с Эстер — отдельный вид удовольствия, который нравится нам обоим.

Бросаю телефон на кровать, прохожу в ванную и вижу силуэт в душе.

Стекло запотело. Эстер стоит боком, и я имею удовольствие наблюдать и подтянутую

задницу, к которой планирую прижаться и аккуратную грудь, которую уложу в ладони.

Член оживает. Открываю дверь и шагаю внутрь. Кладу руки на бедра амазонки и тяну на себя.

— Соскучился, — шепчу ей на ухо. Теплая вода льется мне на плечи и живот, попадает на спину Эстер и стекает вниз.

Она поворачивает ко мне голову и улыбается, а у меня снова «вижу-залип-хочу». Наклоняюсь и целую ее. Эстер поднимает руку и обнимает за шею сзади, прижимаясь еще плотнее. И трется об меня задницей. Член аккурат между ягодицами находится.

Яркая вспышка возбуждения скатывается вниз и почти скручивает от напряжения. В душе мы оба быстро вспыхиваем. Одну руку перемещаю ее на шею и продолжаю целовать, а второй направляю член, коленом раздвигая ноги. Мягкий толчок и я вхожу. Смазки предостаточно, член легко скользит. Переношу руку на лобок, средний палец между половых губ и начинаю им водить вверх и вниз по клитору, в одном ритме с членом.

Эстер стонет и посасывает мой язык. Она любит такую ласку. Призналась, что это как медленная пытка. Удовольствие нарастает постепенно, зато исход всегда мощный. А я именно так сегодня хочу — чтобы мощно кончила.

В какой-то момент она не выдерживает, прерывает поцелуй и упирается одной рукой в стену, а вторую кладет поверх моей, что стимулирует клитор.

— Йен, хочу быстрее, — говорит мне, или, точнее, протанывает.

И я ускоряюсь, трахаю ее сзади, а клитор мы трем вместе. Минуты через две таких движений чувствую, что Эс дрожит, а потом и вовсе начинает дергаться в моих руках, постанывая. Отпускаю шею и перехватываю за талию и продолжаю трахать в том же темпе. Она кончает и горячо пульсирует на моем члене, что мне много не надо, чтобы дойти до финала. Несколько фрикций и я, вытаскивая член, и кончаю на ее задницу.

Вот теперь хорошо. Прижимаю расслабленную девушку к себе и вожу губами по затылку.

Потом мы неспеша моемся и выходим из душа. Оборачиваю полотенце вокруг бедер и беру второе для Эстер. Разворачиваю и жду, когда шагнет в мои объятия, а потом несусь в спальню на кровать.

— Кто тебе звонил? — спрашивает, когда я падаю на кровать, а ее укладываю сверху.

— Оливер. Сказал, что суд перенесли. Скоро поеду, — прядка выбилась из-за уха и я убираю ее обратно.

Отмечаю, как лицо Эстер мрачнеет.

Единственный раз, когда мы поднимали тему Нильсона, был в больнице. С тех пор она ни разу об этом не заговорила. Знаю, что обсуждала с психологом и по идее должна бы отпустить и спокойно реагировать, но пока нет. Я даже предлагал ей поехать со мной на суд, чтобы увидеть, как ее обидчик будет наказан. Думал, что может так ей станет проще, но она наотрез отказалась. Не настаиваю.

Притягиваю к себе за лицо и целую. Еще одна своеобразная традиция: как только речь заходит про Нильсона — тяну ее к себе, чтобы обнять или поцеловать. Очевидный посыл моих действий — поддержка. И реагирует она всегда одинаково — расслабляется. Так и сейчас: Эстер улыбается, коротко целует в ответ и поднимается. На ходу скидывает полотенце и идет к шкафу. Любуюсь на красивую голую задницу.

Кажется, тот самый подходящий момент настал.

— Эс.

— М? — Не оборачиваясь, выбирает нижнее белье. Останавливается на простых танга темно-синего цвета и не спеша натягивает их. А я сглатываю и не могу определиться, что мне нравится больше: эта задница без трусов или в трусах. Знаю точно, что определенно эта задница.

— Давай жить вместе?

— В смысле? — она, наконец, оборачивается, — мы и так живем вместе.

— Хочу переехать в Копенгаген. Хочу, чтобы ты сама выбрала квартиру и сама ее обустроила для нас.

Я почти уверен, что согласится, но сердце все равно частит. Эстер внимательно смотрит на меня, а потом улыбается.

— И я хочу, — выдает, и я облегченно выдыхаю.

— Решено. Завтра поедem, посмотрим варианты, — встаю и тоже иду к шкафу. Целую ее и шлепаю по аппетитной заднице.

Внутри снова штиль. Все правильно. Все идет как надо.

Потом мы завтракаем, Эстер говорит, что поработает над блогом. Прощаемся, я забегаю домой и собираюсь в суд.

Йен

Настроение начинает неизбежно меняться, чем ближе подъезжаю к зданию суда. От Оливера я знаю, что Нильсон в последнее время не в себе. Разговоры в одиночной камере, агрессивное поведение, попытка покалечиться. Вставал вопрос о его психическом здоровье, однако ни один из диагнозов не подтвердился.

По пути звонит Тоб и мы договариваемся встретиться вечером в головном офисе, обсудить дальнейшие шаги по внешней политике компании. Это ненадолго отвлекает. Заканчиваю разговор, когда подъезжаю к зданию. Парковка забита. Суд будет открытый, потому что дело громкое. О нем уже знают многие СМИ, общественность следит за процессом и ждет публичной порки. И сегодня она состоится.

Надеваю солнечные очки и выхожу из машины. Поднимаюсь в здание, по пути отказывая в комментариях троим журналистам. Мое имя и без того мелькало в СМИ, поскольку фигурирую как пострадавшая сторона. Что-то дополнительно комментировать нет желания. Не стремлюсь к такой славе. Да и в принципе не стремлюсь.

В зале стоит гул и тоже присутствуют журналисты. Узнаю и нескольких бывших коллег Эстер. Странно, что не сложили дважды два и не поняли, что Эс в этом замешана. Да и в целом удивительно, что еще никто не узнал, кто эта загадочная пострадавшая девушка. Впрочем, для нас это только плюс.

Здоровуюсь с адвокатом и несколькими знакомыми и сажусь так, чтобы было видно обвиняемого. Да, я хочу увидеть лицо Нильсона, когда ему объявят приговор.

В кармане вибрирует телефон. Тянусь и читаю сообщение от Эстер.

«Что думаешь по поводу черной посуды? Хочу такую в нашу квартиру». Следом прилетает фото.

Обустроивается. Невольно расплываюсь в улыбке, разглядывая черные тарелки. Мне по большому счету все равно черная, белая или прозрачная посуда. Пусть берет любую, если нравится.

«Красиво, давай купим», — отправляю в ответ и блокирую телефон.

Справа от меня начинается шум, вспышки камер и перешептывания. Через пару секунд становится ясна причина. Нильсона вводят в наручниках и тюремной форме. Он бросает злые взгляды на фотографов, закрывается от журналистов и одергивает плечо, когда конвоир пытается его усадить на скамью, на всех смотрит исподлобья. Его адвокат сидит рядом и не спеша перекладывает бумаги.

На самом деле защитник Кристиана — чистая формальность и не сильно старается выбить для него условия помягше. Все в зале понимают тщетность этих попыток. Хотя не исключено, что попросит для него срок поменьше.

Кристиану грозит сесть на двадцать пять лет. Столько для него попросило обвинение. Но моими стараниями сегодня вскроются дополнительные подробности о его махинациях с одной из продуктовых сетей города и срок увеличится до тридцати. Ради этого момента я здесь.

Удивительно, скольких людей он умудрился подставить за короткое время. Его бы старания да в мирное русло. Смотрю на часы в зале. Почти полдень, скоро начнем.

— Жалко парнишку, совсем молодой, — слышу сзади женский голос.

Жалость, это последнее, что я к нему испытываю, хочу ей ответить, но подруга дамы меня опережает:

— Из-за этого подлеца девчонка чуть не погибла и много людей обманутых. Нечего его жалеть. Пусть сидит.

Откашливаюсь и отворачиваюсь. Не понимаю этой темы всепрощения и тем более жалости. И вряд ли когда-то пойму.

Ровно в двенадцать появляется судья и приступает к делу. Дальше все по протоколу. Нильсону зачитывают обвинение, адвокат просит слово, перечисляет все пункты, приводя доказательства. И как вишенка на торте добавляет в конце:

— Господин судья, нам стали известны дополнительные факты о деятельности обвиняемого, о которых я считаю должным сообщить. А именно: нам стало доподлинно известно, что господин Нильсон помимо ранее озвученных эпизодов махинаций, также имеет отношение к поставке некачественных товаров одной из продуктовых сетей города.

Всю эту информацию я знаю. Знаю, что поставлялось, в каких объемах и куда, поэтому слежу не за речью адвоката, как большинство присутствующих в зале, а за Нильсоном.

Сначала его лицо бледнеет, а зрачки сужаются от испуга. Не ожидал, что еще и эта подробность вскроется. Но точно знает, что это увеличит срок.

— В связи с озвученным, — заканчивает свою речь адвокат, — прошу для обвиняемого тридцать лет заключения в колонии строго режима.

Мы пересекаемся с Нильсоном взглядами. Хочу, чтобы он понимал, кто помог продлить его срок. И он понимает. Дальше я вижу, как напрягаются вены на его шее, как сжимаются губы и расширяются ноздри. Вот-вот и кинулся бы на меня. Но не сможет.

Вижу, как адвокат Нильсона вздыхает и просит время на ознакомление с документами. Вот к нему я, пожалуй, испытываю сожаление. Он наверняка рассчитывал, что сегодня все закончится, но вынужден и дальше изучать новые иски.

Щелкают вспышки камер, начинается гул, суд объявляет перерыв.

Чувствую удовлетворение внутри. Поделом, ублюдох. Дальше не остаюсь, выхожу из зала. Знаю, что судья примет сторону обвинения. Это только отсрочка. Я получил, что хотел и делать мне здесь больше нечего.

Эстер

Сегодня опубликовала второе интервью в блоге. Заставляю себя отойти от компьютера, чтобы не обновлять постоянно страницу и не ждать комментариев. А они будут, я уверена. Аудитория у меня собралась отзывчивая. Люди действительно включаются в обсуждения, задают вопросы и высказываются.

Блог не такой большой, как я бы хотела, пока собрала пять тысяч подписчиков. Тобиас не согласен. Говорит, что прогресс очень хороший для начинающего блогера. А ему в этом можно доверять, заверил меня Йен. В конце концов, лучше немного и качественно, чем много и кое-как.

Через два часа после публикации интервью все же не выдерживаю и снова сажусь за ноут. Загружаю страницу — двести комментариев. Радуюсь, как ребенок подарку на Рождество.

«Спасибо, интересная тема», «Спикер красивая», «Интервьюер тоже ничего» — первые отзывы всегда такие. Ощущение, что люди сначала оценивают внешний вид спикеров по обложке, читают название темы и тут же сообщают о своих выводах.

«Фигня, удаляй», «Боже, эту тему уже вдоль и поперек изъездили. Отписка» — такие комментарии, конечно, тоже бывают. Всем не угодишь. Хотя я думаю, настоящих хейтеров у меня нет пока. Боевое крещение негативом еще впереди, смеется иногда Себ, когда обсуждаем мой блог.

Смотрю на время. Осталось два часа до встречи с Йеном. Пора собираться. Выключаю компьютер, вернусь к комментариям позже.

Мы сегодня смотрим очередную квартиру. Уже три, предложенных риелтором, забраковали. Все какое-то не такое. Надеюсь, четвертый вариант понравится нам. Предвкушая, почти подпрыгивать на месте. Наша квартира. У нас с Йеном будет своя квартира!

Быстро принимаю душ, натягиваю кеды, голубые джинсы и белую рубашку. Волосы распускаю.

Йен появляется чуть раньше назначенного времени. Как раз когда я спускаюсь. Встречаемся взглядами и замираем. Он всегда долго на меня смотрит, я уже привыкла. Сама подхожу и тянусь за поцелуем.

— Соскучился, — только после этого заговариваем. — Готова?

— Готова, — киваю. Йен, как всегда, выглядит отлично. Как будто не отработал весь день, а только что от стилиста. Темно-синие брюки и рубашка сидят идеально. — Перекусим в городе?

— Да, нужно будет пересечься с одним знакомым вечером. Не против?

— Не против, — соглашаюсь.

Могу ли я быть против? Йен увлечен работой и расширением своего бизнеса. Я радуюсь за него, у них с Тобиасом какие-то грандиозные планы по захвату мира. Дальше Йен рассказывает, что будут командировки в Европу, новые инвесторы, борьба с конкурентами. Видно, что горит идеей. Примерно как я, когда говорю о своем блоге. Мне это нравится: мы оба увлечены делом и друг другом.

Приезжаем в назначенное риелтором место. Дом новый, невысокий, семь этажей. Пока

неплохо.

— А вот и вы, мои хорошие, — радостно кричит Инга, риелтор, чуть только завидев нас. Она выглядит как любимая тетушка из семейных историй. Мне кажется, дай ей волю, она бы нас и тискала, как племянников. Слава богу, ее фирменное «мои хорошие» пока максимум, который она себе позволила. Деловой этикет все же помнит. Чем больше вариантов мы с ней смотрим, чем счастливее она становится. Как тот волшебник из Гарри Поттера, у которого все покупали волшебные палочки. Признаться, такой энтузиазм немного напрягает. Мы хотим переехать, а не бесконечно искать жилье. -Ч-и-т-а-й- -н-а- -К-н-и-г-о-е-д-.-н-е-т-

Здороваемся и заходим внутрь. Риелтор без усталости болтает о прелестях этого дома. Подземный паркинг, малоллюдно, есть закрытый двор, рядом много супермаркетов. Киваю на автомате, это все хорошо, но у меня есть одно требование, которое очень важно для меня. Главное, чтобы внутри было много естественного света. А для этого нужны панорамные окна. Поэтому первое, что я делаю, заходя внутрь — прохожу в комнату к окнам. В предыдущих квартирах они были скромными. Да, вид был шикарный, но света не хватало.

Делаю шаг вперед и первое, что вижу, красивый вечерний свет, которым залита комната. Боже, губы невольно растягиваются в улыбке. Поднимаю голову и застываю.

Окна почти во всю стену. На седьмом этаже. Воображение тут же рисует картинку. Я представляю, где будет наша кровать, в каком углу можно поставить мой рабочий стол. Еще хочу зеркало в пол, напротив кровати.

Иду во вторую комнату, здесь тоже много света, мельком отмечаю, что тут будет гостиная и рабочая зона Йена. Может еще книжный шкаф поставить?

Надо рассмотреть варианты.

Кухня очень уютная и светлая. Небольшая, но все необходимое на месте. В центре круглый стол и есть выход на лоджию.

Оборачиваюсь и смотрю на Йена, хочу спросить как ему. И только в этот момент понимаю, что они вместе с риелтором молча ходили за мной по комнатам, а теперь ждут реакции.

— Ну как?

— Супер! — Выпаливаю незамедлительно.

— Берем?

— Берем, — киваю и иду к нему. Ловит и тут же прижимает к себе.

Краем сознания отмечаю, что риелтор тоже в комнате и ожидаю увидеть ее разочарованное лицо, ведь ей так нравилось ездить с нами, смотреть варианты и копаться в электронных каталогах. Но она, напротив, выглядит еще счастливее, чем в начале встречи. Удивительная женщина.

— Оформляем? — Все же уточняет.

— Да, — подтверждает Йен.

Оставляю их улаживать бумажные дела и снова прогуливаюсь по квартире. Нет, шкаф не буду ставить. Печатные книги, конечно, хороши, но кто их читает сегодня? А что тогда поставить? Статуэтки? Банально. Картины? Тоже так себе идея.

На талию ложатся руки, и я прижимаюсь к Йену, который аккуратно подошел сзади.

— Чего зависла?

— Думаю, что на стену повесить или что поставить тут.

— Что придумала?

— Хочу, чтобы тут был твой рабочий стол, а над ним может фото?

— Можно, — одобряет Йен, вместе со мной пялясь на пустую стену, — можно вешать твои фото с известными людьми. Будет стена славы.

Посмеиваюсь и поворачиваюсь. Йен тут же наклоняется и целует. Он голоден, я чувствую это по жадным прикосновениям. После секса он расслаблен и ведет себя иначе. Из рук не выпускает, но гладит спокойно и удовлетворенно. А сейчас объятия крепкие и требовательные.

— Ну вот и все, мои хорошие, — прерывает нас риелтор, — оформим пару нюансов и сможете заезжать.

Разлепляемся и забираем документы. Выходим, прощаемся с Ингой. Как только уезжает, запрыгиваю на Йена и пишу от восторга. Он ловит, конечно, тихо улыбается и дает мне отфонтанировать эмоциями. Целую губы, щеки, нос и мурлычу благодарности. Успокоившись, слезаю и крепко обнимаю. Отвечает.

Позже садимся в машину и едем в ресторан.

За ужином к нам действительно присоединяется мужчина. Марк. Старше меня, но примерно одного возраста с Йеном. Они быстро обсуждают дела, после чего Марк извиняется и говорит, что спешит на самолет.

— Это наш инвестор из Италии. Тоб говорит нужно попробовать открыться там. По всем подсчетам зайдём хорошо.

Киваю, в очередной раз восхищаясь его планам.

Я смотрю на этого мужчину и чувствую спокойствие и стабильность. Я люблю смотреть, как он водит машину и как работает, люблю слушать его рассуждения, люблю рассказывать о себе и своих желаниях. Люблю, когда целует и целовать, люблю, когда мы занимаемся сексом.

Такие серьёзные и сильные чувства со мной впервые. Сейчас мне все нравится. Пока это идеальное сочетание: карьера и личная жизнь.

Не знаю, как будут развиваться отношения дальше, но знаю, что у нас взаимно.

— Все хорошо? — спрашивает Йен, прерывая свой рассказ и заметив мою мечтательность.

Киваю, вкладываю ладонь в его руку. Тянет на себя, и я пересаживаюсь к нему на колени.

— Хорошо. Обними меня, — прошу.

Обнимает, конечно. Крепко сжимая. Мне безопасно, мне надежно рядом с ним.

Через 3 года

Тобиас

— Пассажиров рейса 1532 авиакомпании Нурделиквинд, вылетающих рейсом Копенгаген-Берлин просят пройти на посадку.

Снова аэропорт. Пятый перелет за две недели. Голова перманентно гудит. Когда мы только начали работу с иностранными партнерами три года назад все эти командировки были в радость. Новые горизонты, новые люди, новые впечатления.

Три года я прожил на чистом драйве и вдохновении. Мы работали как проклятые, но все равно как будто знали, что идти нужно именно выбранным путем. И не ошиблись.

Мы сильно преуспели за это время. Запустили сеть стоматологических клиник и успешно их развиваем почти по всей Европе. Работали со знаменитостями разной величины и запускали разные рекламные креативы.

Осталась последняя страна. Италия. Единственная, которая никак нам не поддавалась. Сильная конкуренция. Первые две попытки провалились, но на третий раз мы ее возьмем.

И вот сегодня, впервые за все время работы я сижу в аэропорту и не хочу смотреть отчеты и продумывать стратегию переговоров. А все потому, что мое внимание привлекла семейная пара с ребенком. Мы сидим у одного гейта, скорее всего, на один рейс.

Меня никогда не интересовали дети. Не заставляли умиляться и не вызывали желание их потискать. Поздравляя очередного друга с рождением потомства, я практически ничего не испытывал.

А за этим карапузом я слежу уже почти сорок минут без отрыва. Если бы еще не куча народа, умиляющаяся его выходкам, меня можно было принять за маньяка-психопата.

Нет, я не против семьи, опять же, своих родителей люблю, но общаюсь и вижусь редко с восемнадцати лет. Уважение, забота и прочее всегда были и есть в моей жизни. Но мне всегда было комфортно одному. Никаких особых привязанностей, никаких обязательств, никакой ответственности, кроме как перед собой.

А тут вдруг напало чувство одиночества. Машинально тру грудную клетку, где словно узел образовался. Как-то не очень приятно вдруг осознать себя одиноким и ненужным в тридцать три.

В кармане пиликает телефон. Тянусь, переключаясь с неприятных мыслей. Наверное, по работе, это как-то привычнее и понятнее. Незаменимых людей нет, говорят. Это так, но на мне завязано много ключевых вопросов, поэтому уж где-где, но на работе я точно всегда нужен.

Но я ошибаюсь.

«Посмотри интервью Миккельсенов», — горит напоминание на экране.

И, кстати, еще о семье. Вот Йен нашел свою Эстер три года назад и с тех пор никого не видит, кроме нее. С работы к ней несется, куда-то выходит снова с ней и выглядит при этом счастливее некуда. Им осталось только официально зарегистрировать брак, но все и так считают их семьей. И родится у них вот такой же карапуз.

Пока подключаюсь к трансляции, снова зависаю на пацане. Мать дала ему какую-то тянущуюся массу, и теперь он пытается размазать ее по креслу. Почему это не вызывает у меня раздражения?

Загружается страница с видео. Взгляд сразу стопорится на Эстер. Все же она очень хорошо смотрится на экране. Машинально оцениваю задний фон, свет, общий кадр. Минусов не нахожу. Ключют в первую очередь на картинку. И здесь все выполнено на пятерку. Прямая трансляция, и блог Эстер сейчас смотрят несколько тысяч человек. У нее идет серия интервью с топовыми бизнесменами Дании. Йен в числе самых ожидаемых спикеров. Слушаю краем уха, как она расспрашивает его о клинике и планах.

— Пожалуй, самый волнующий вопрос. Известно, что вам покорила вся Европа, кроме Италии. Почему? — спрашивает Эстер.

— Оставили самое вкусное на десерт. Италия — непростая страна с точки зрения запуска бизнеса. Бюрократия, избалованная аудитория, да и конкуренцию никто не отменял. Будем действовать нестандартно.

— То есть нам ждать шоу? Как скоро?

— Сразу, как я решу один личный вопрос, — Йен делает паузу.

Медлит и Эстер, зависнув на нем взглядом. Хмурюсь. Что за непонятная заминка. Я знаю, как она строит интервью. Эстер всегда ведет спикера в нужную ей сторону, может задать неудобные вопросы, но никогда не переходит грань. И не делает ненужных пауз.

— Поделитесь? — отмирает она наконец.

Дальше Йен встает, возвышаясь над ней. Еще пара секунд глаза в глаза, а потом он опускается на одно колено. Достает из кармана коробочку и выдает:

— Выходи за меня.

Пауза.

Сказать, что я охуел — ничего не сказать. Нет, это было ожидаемо, конечно, и я рад за них, но шок в том, что Йен непубличный человек. Если возможно избежать внимания, то он его избегает, а тут такой внезапный поворот.

Эстер, видимо, тоже ошарашена происходящем. Она смотрит на кольцо, на Йена, а потом часто-часто кивает и опускается к нему и падает в объятия. А дальше заставка и реклама.

Вот это выдали ребята. Жду минут пять и набираю Йена.

— Да, — слышу в трубке голос друга.

— Поздравляю с помолвкой.

— Спасибо.

— С чего вдруг такой жест? Не похоже на тебя.

— Эстер с утра жаловалась, что охваты падают. Решил поддержать ее и удивить.

— Получилось. Охуели все, кто тебя знает. И не знает.

Йен просто смеется.

— Ладно, голубки, поздравляй Эстер от меня и жду приглашение.

— Ты приглашен. Поздравления передам. Ты в аэропорту?

— Да.

— Мне звонил Марк, он подтвердил встречу. Итого у тебя два человека на выбор.

— Понял.

— Давай, удачи.

Кладу трубку и обдумываю полученную информацию. Новости отличные. Марк потенциально очень выгодный инвестор и может существенно помочь. Мы давно думали начать с ним работать.

В этот момент мое внимание снова привлекает семейная пара с ребенком.

Бросив тянущуюся жижу, малой активно занялся содержимым своего носа. Через мгновение достает палец и разглядывает содержимое, его глаза загораются радостью, и он несется к матери.

— Мама, смотри, что у меня!

— Очень классно, мой сладкий. — Мать, видимо, бывалая и детскими соплями ее не удивить. — Пойди, пожалуйста, в туалет и помой руки.

— Ты что! — Возмущенно восклицает пацан, — если я помою руки, она же смоется.

— А смывать нельзя? — спокойно спрашивает мать.

— Нельзя, надо забрать с собой! Пойду папе отдам.

Судя по вытянувшемуся лицу, мужик не сильно рад неожиданной поклаже, но послушно берет салфетку, принимает содержимое и бережно кладет в карман, чем заслуживает радостный вопль сына.

Морщусь. Нет, детские сопли, это ни разу не мило. Все же все эти семейные нежности и мерзости не мое. Я привык выбирать себя. Я всегда на первом месте.

— Пассажиры рейса 477 авиакомпании Бейтаэйрлайнс, вылетающим рейсом Копенгаген-Рим, просят пройти на посадку.

Это мой.

Встаю, стряхивая с себя остатки необъяснимого приступа умиления семьей, и иду к гейту.

Жди, Италия.

Конец

Больше книг на сайте - Knigoed.net